
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1/2004

САКАВІК

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

МІНСК
БДУ

CONTENTS

OUR LAUREATES

<i>Fiadosik V.A.</i> Thascius Caecilius Cyprianus – the Way to Christianity	3
---	---

HISTORY

<i>Liuby A.Ul.</i> The Election of the Grand Duke of Lithuania After Vitavt's Death: Foreign and Home Factor	10
<i>Kashtalian I.S.</i> The Influence of the Repressive Factor of the Soviet Power Policy on Everyday Life of West Belarus Habitants (1944–1950)	13
<i>Minitski N.I.</i> Ideals and Practice of Antique Democracy (the Structure and Composition Analyses of Perikle's Speech)	18
<i>Smirnova A.D., Rogach S.A.</i> Christine de Pizan: Feminism Sources	23
<i>Shafalovich S.S.</i> Appearance of the Special Form of Relations Between Christian Social Union and Christian Democratic Union of Germany and its Essence (the Second Half of 1940–1950)	28
<i>Huryin A.V.</i> The Study of the International Relations Problems at the Historical Faculty of the Belarusian State University in 1980	34

PHILOSOPHY

<i>Mashchitko S. M.</i> E. Husserl and J. Derrida: the Problem of the Temporality of Sign	40
<i>Ivanchyn G.I.</i> Theoretical Models for National Development: Specific Features of the Process of Genesis of Belarusian Nation	45

PSYCHOLOGY

<i>Talaika S.V., Svetlakova O.Y.</i> The Factor Structure of Self-Image of a Teenager	51
<i>Smirnova Y.S.</i> Prejudices: the Concept, Mechanisms, Effects	56

POLITOLOGY

<i>Lashkevich O.T.</i> The Theoretical Basis "Public Relations" as a Political Category	63
<i>Ilyin M.V.</i> The Political Analysis in the Government System of the Republic of Belarus	68

SOCIOLOGY

<i>Kulesh S.A.</i> Commercial and Political Advertising: Influence and Efficacy	73
---	----

ECONOMICS

<i>Zhilich E.V.</i> The Content of Modern Stage of Keynesian School's Development	79
<i>Yaroshkevich D. I.</i> International Migration of Labour Resources	84
<i>Ermakova E.V.</i> Social-Economic Problems of Governmental Support of Women's Enterprise and Professional Activity	89

LAW

<i>Brausov A.M.</i> On Classification of Physical Violence	95
<i>Lychagin N.A.</i> Principle of Power Division in the Development and Implementation of the US Foreign Policy	100
<i>Kovajchuk A.V.</i> Criminal Liability for Illegal Abortion	106

CHRONICLE

<i>Salkov A.P.</i> Allrussian Slavonic Forums	112
---	-----

OUR JUBILEE

Ram Iosifovich Vodeiko	113
------------------------------	-----

LATEST LITERATURE

History and Law Literature, Published in BSU, 2002–2003	114
---	-----

Нашы лаўрэаты

Решением Ученого совета Белорусского государственного университета от 30 октября 2003 г. премия им. В.И. Пичеты была присуждена В.А. Федосику за цикл научных работ и учебников «Человек и социум в античности и средневековье». Вниманию читателей предлагаются основные положения его научных исследований.

Виктор Анатольевич Федосик – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков. Стажировался в 1994–1995 гг. в Пенсильванском университете (Филадельфия, США). Автор шести монографий и книг по проблемам античного христианства и античной культуры, в их числе «Таинства без тайн», «Церковь и государство», «Киприан и античное христианство»; соавтор пяти книг и более 20 учебников и учебных пособий для вузов и средних школ по истории древнего мира и средних веков. Область научных интересов: античное и средневековое христианство, античная культура, античный и средневековый менталитет.

В.А. ФЕДОСИК

ФАСЦИЙ ЦЕЦИЛИЙ КИПРИАН – ПУТЬ К ХРИСТИАНСТВУ

Анализируется обращение в христианство Киприана, одного из отцов церкви; исследуется его роль в становлении христианских этических ценностей. Особое внимание уделяется кризису римских гражданских ценностей при режиме принципата.

Cyprian's conversion to Christianity is analysed. Special attention is paid to the crisis of Roman civic values under the regime of principate. Cyprian's role in the formation of Christian ethic values is investigated.

В истории Древнего Рима III в. был временем тяжелейших испытаний, когда крупнейшая держава античности оказалась на грани своего краха. Империи все же удалось выстоять под мощными ударами варваров и перед внутренними мятежами. В век потрясений происходила кардинальная ломка прежних ценностей, всего жизненного уклада, поиск новых идеалов, смысла человеческого существования. Немало людей нашли ответ своим мучительным исканиям в христианстве. Но путь этот был обусловлен не только актуальными бедствиями, но и глубинными изменениями в самом римском обществе.

Фигура Фасция Цецилия Киприана весьма значима в истории христианской церкви. Православная и католическая церкви признают его святым и в ряду отцов церкви традиционно выделяют как «отца церковной иерархии»¹.

Разумеется, такая оценка Киприана, обосновавшего в своих трудах иерархическую структуру церковной организации и активно внедрявшего ее на практике, справедлива. По достоинству оценивается и роль Киприана в блестящем разрешении чрезвычайно опасного кризиса в церкви, вызванного исполнением эдикта Деция о всеобщем жертвоприношении, который повлек за собой первые масштабные (общеимперские) репрессии против христиан². И не случайно именно этот епископ Карфагена (если следовать хронологически имеющейся информации источников) был первым титулован «папой», причем римским духовенством³.

Вместе с тем до сих пор мало обращается внимания на оригинальную антропологическую систему Киприана («человек церковный»), на разработку им взаимосвязанных проблем христианской этики и социальной доктрины церкви. А ведь Киприан, по сути дела, является создателем своеобразного обширного «морального кодекса христианина», изложенного им в третьей книге трактата «Ad Quirinum». Интерес к этическим проблемам прослеживается у него на протяжении всей его творческой деятельности. «Как жить христианину в этом мире?» – с размышлениями над различными аспектами этого важнейшего для любого христианина вопроса мы встречаемся во многих трактатах и посланиях Киприана. Его рассуждения и оценки отнюдь не сухие и отвлеченные, Киприан сам пережил драму, связанную с отказом от язычества и принятием христианства. И эта ситуация была вовсе не плодом абстрактных рациональных упражнений, а глубоким (к тому же весьма эмоциональным) переосмыслением жизненных ценностей, внешне кажущимся происходившим сугубо в сфере этики, но оно имело остросоциальный подтекст.

Эту социальность обнаружить сложно, если не учитывать кардинальные изменения, происходившие в общественных отношениях в Римской империи. Но будет упрощением свести их к «кризису III века», что можно заметить по традиционному цитированию ряда отрывков из послания Киприана «К Донату» в хрестоматиях. Как справедливо замечает Р.Л. Фокс, Киприан не ссылаясь даже на современное ему острейшее политическое потрясение в Африке – мятеж Гордианов⁴. Конкретные политические и военные коллизии не нашли своего отражения в сочинениях Киприана, кроме общей характеристики ужасов войн, констатации гибели императора Деция и упоминания о выкупе несколько десятков христиан из берберского плена.

Основу личной драмы Киприана (если можно так охарактеризовать его обращение из язычества в христианство) составило его глубокое разочарование в традиционных (взращенных римской *civitate*) ценностях и вытеснявших их при режиме принципата новых римских. Является ли его случай типичным? Р. Макмуллен полагает, что в психологическом отношении возможен утвердительный ответ, учитывая ознакомление Киприана-язычника с христианскими ценностями через наставника-христианина, но в социальном – нет, ибо это «дело миллионов», а Киприан как редкий представитель элиты порвал с «тьмой» богатства и властолюбия⁵.

О языческом периоде жизни Киприана нам известно мало. Его биограф дьякон Понтий фактически проигнорировал часть жизни своего епископа, с которым, как отмечал Иероним, он не расставался и в изгнании⁶. Сам Иероним сообщает, что Киприан прославился как наставник риторики, а затем обратился в христианство под влиянием пресвитера Цецилия, чье имя присоединил к своему⁷. Ряд исследователей находят у Августина туманный намек на принадлежность Киприана к сенаторскому сословию⁸. Категорично отвергать такую гипотезу не следует, ведь уже при Септимии Севере, уроженце Лептис Магны, в сенате значительно увеличилось количество выходцев из африканских провинций, а к середине III в. сенаторы из Италии составляли примерно треть сената, остальные же были уроженцами провин-

ций⁹. То, что Киприан был в язычестве богатым человеком, констатирует его биограф Понтий¹⁰. Впрочем, занятие обучением риторике и юридическая практика Киприана вряд ли свидетельствуют о его принадлежности к сенаторскому сословию^{11*}. Во всяком случае Киприан принадлежал к слою *honestiores*. Одним из доказательств в пользу этого является и сама его мученическая кончина: казнь мечом (а не позорная), неприменение к нему пыток (которые фигурируют в подавляющем большинстве пассионов христианских мучеников).

Собственно говоря, на это и следует обратить внимание. Пример Киприана типичен для римского гражданина из *honestiorum*. К середине III в. среди христиан появлялось все больше людей из высших слоев римского общества. В 258 г. впервые в императорском эдикте Валериана речь идет о христианах из сенаторов, всадников, придворных (его как раз цитирует именно Киприан)^{12**}. Если для большинства провинциалов, получивших римское гражданство по эдикту Каракаллы лишь в 212 г., перемены, произошедшие при принципате, едва ли были ощутимы, то для верхушки провинциалов (многие из которых и ранее обладали правами граждан Рима), равно как и для граждан из Италии, в конце концов стало ясно, что они в реальности не граждане с их правами, а подданные своих императоров. При внешне республиканских формах режима принципата «граждане» не могли избирать магистратов, участвовать в принятии законов, армия была наемной, а не ополчением граждан, сенат фактически назначался императором-принцепсом. Уже во времена Северов важнейшие функции управления государством исполняли назначавшиеся императором чиновники из его администрации, они же верховодили в судах. Даже двойная казна (эрарий и императорский фиск) была ликвидирована, разумеется, в пользу императорской; исчезло и деление провинций на сенатские и императорские. Бесправие граждан лишь подчеркивалось делением их на *honestiores* и *humiliores* (с «существенным» различием их в сфере наказаний), юридически оформленным при Северах¹³.

Происходила кардинальная ломка прежних ценностей периода республики. Вместо служения всему сообществу граждан – карьера императорского чиновника (в основном удел всадников, а не сенаторов). Право быть признанным виновным только по суду, действующим по законам, принятым самими гражданами, которые избирали и судей, заменялось произволом императора и его чиновников. Иной характер приобретали отношения между гражданами. «Узы соучастия» римской *civitatis* сменились «узами соучастия» подданных¹⁴. Граждане-подданные осознали свое отчуждение от власти и политики, бессилие как-нибудь существенно повлиять на общественную жизнь, ощутили боязнь и даже страх перед государственной властью, которая уже не была выразителем интересов общины равных граждан, а отделилась, возвысилась над обществом. Распространились угодничество, льстивость по отношению к власти. Как метко заметила Е.М. Штаерман, «...необходимость говорить не то, что думаешь, из доли рабов превратилась в долю свободных – от ремесленника и крестьянина до декуриона и сенатора»¹⁵.

Этот перелом в отношениях между людьми императорская власть стремилась смикшировать пропагандой «римского мифа» с его мессианской ролью Рима, определенной богами, верноподданнического культа императора. В результате, как отмечает У. Фрэнд, еще со времен Августа римская религия стала ассоциироваться с имперской мессианской миссией Рима, с

* Тончайшие познания судебной практики, проявленные Киприаном в его трактате «К Донату» (10), позволяют не отвергать предположения ряда исследователей о его адвокатской карьере.

** Перевод сочинений Киприана дается с издания: S. Thasci Caecili Cypriani opera omnia // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vindobonae, 1868–1871. P. I–II.

порядком, который она принесла, причем навечно¹⁶. Недовольство этим «порядком» неизбежно приобретало религиозное звучание, что четко проявилось еще в посланиях апостола Павла. Ответом на стандартный официальный лозунг «Когда император в безопасности, мы живем в золотом веке» прозвучало: «Ибо когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве и не избегнут»¹⁷.

Мотивы своего обращения в христианство Киприан изложил в своем трактате «Ad Donatum». Впрочем, следует последовать и разумному совету, который дает Р.Л. Фокс, и обратить внимание на ряд тем других сочинений Киприана¹⁸. При этом нужно учитывать, что Донат уже принял крещение, следовательно, и слова Киприана – прием отнюдь не пропагандистский в споре с язычником.

Поразительны уже первые строки трактата, отражающие намерение автора показать адресату «отвратительный образ мира»: «Смотри: дороги заняты разбойниками, моря заперты пиратами, всюду война, лагеря, кровавые ужасы. Весь мир орошен взаимно проливаемой кровью, и человекоубийство считается преступлением, только если его совершают отдельные лица, если же оно совершается публично, то считается доблестью»¹⁹.

Воинские доблесть и мужество, возведенные в ранг высших ценностей с самого основания Рима, в христианском восприятии обрели самую негативную оценку. В христианстве убийство человека человеком – один из самых тяжких грехов, для римлян же война и неизбежно связанные с ней убийства – это проявление доблести, патриотизма, обеспечивающее Риму его величие. Милитаризм, агрессия – типичные черты римского менталитета. Достаточно наугад открыть любую страницу «Истории Рима от основания города» Тита Ливия, чтобы почти наверняка встретить описание очередного сражения, убийств. А ведь это не «Записки» полководца Юлия Цезаря.

Убийства, жестокость (и гладиаторские бои, и пытки) в любых ее проявлениях Киприан относит к нормам черт языческой (т. е. римской) морали и осуждает их решительным образом: «К одному человеческому телу применяется больше казней, чем сколько у него членов»²⁰.

Законопослушание, справедливость судебных решений, честность судей составляли основы республиканского строя Рима. Но в *re publica* принципов римские законы уже не принимались гражданами на комициях, так же как и не избирались высшие магистраты, наделенные судебной властью. С тонким знанием дела (очевидно, в силу своей юридической практики) Киприан так оценивает эту перемену: «Пусть законы записаны на двенадцати таблицах, пусть они выставлены на меди для всеобщего сведения, перед лицом законов совершаются преступления, попираются права. Невинность не ограждается даже в том самом месте, где ее полагается защищать... Кто же оградит от всего этого? Патрон? Но он вероломен и обманщик. Судья? Но он торгует приговорами... Нет никакого страха перед законами... что продажно, то не внушает страха»²¹.

Особое внимание среди того, что «...в мире по невежеству почитают добрым», а на деле достойно лишь презрения, Киприан уделяет властолюбию, продвижению по ступеням власти. В Риме-полисе стремление к избранию на должности магистратов рассматривалось как бескорыстное служение общине граждан. Но отныне вместо граждан – подданные, и Киприан весьма резок в своих оценках: привилегии власть имущих покупаются подлостями, унижениями, угодничеством, и этого затем возвысившиеся над остальными добиваются уже от других. Почести оказываются не человеку, а власти²². Качества, которые римляне ранее презирали и считали присущими рабам и подданным восточных деспотов, утвердились теперь в самом римском обществе. Не на равноправии граждан базируется современное

Киприану общество, а на отношениях господства – подчинения. Иное время, иные ценности.

И Киприан обличает саму суть властолюбия: «Может быть, безопасны по крайней мере те, которых окружает блеск золотых чертогов и охраняет стража оруженосцев? Но такие люди боятся больше, чем кто-либо другой. Чем больше кого-то боятся, тем больше причин бояться ему самому. По мере возвышения человека возрастает для него и опасность, несмотря на защиту его телохранителями... Чем меньше он позволяет быть спокойными другим, тем меньше может быть спокоен он сам. Власть страшна прежде всего для самих властителей, которых делает страшными для других. Она улыбается, чтобы свирепствовать, ласкает, чтобы обмануть, привлекает, чтобы убить, возносит, чтобы низвергнуть»²³. Киприан подчеркивает, что Божий Суд будет строже над теми, кто в этом мире имеет больше власти.

Пристрастие к богатству получает негативную оценку Киприана²⁴. Характерной чертой *civitatis* было недопущение чрезмерного обогащения одних и крайней бедности других. Режим принципата подорвал узы гражданского единства, коллективизма. Именно в эпоху империи помощь богатых «сограждан» бедным приобретала уродливые формы: огромная масса римских пролетариев паразитировала, требуя все новых зрелищ, раздач продовольствия и денег. Эти люди становились опасными в случае возникновения беспорядков в столице. Императоры, магистраты, сенаторы презирали праздную толпу, но вместе с тем своими раздачами и устройством зрелищ превращали пролетариев в своих сторонников. Киприан, как и многие иные христианские авторы, раскрывал лицемерную суть этих подачек, которые на самом деле «никого не питают, не одевают»²⁵. Истинная благотворительность в христианском понимании заключалась в помощи нуждающимся, прежде всего вдовам, сиротам, больным²⁶. Не желавшая трудиться праздная беднота городов империи, с подозрением относящаяся к христианам, составляла основной контингент погромщиков при стихийных расправах над ними. Слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – не находили у них понимания²⁷.

Киприан страстно обличает языческие зрелища: гладиаторские сражения, бои бестиариев, гонки колесниц, театральные представления и т. д. Излюбленное зрелище римлян – бои гладиаторов – получает следующую оценку: «Убивают человека в удовольствие человеку: убийство вошло в обыкновение, в искусство, в науку: люди не только совершают преступления, но и обучают преступлениям... Отцы смотрят на гибель своих детей»²⁸.

В театре, по мнению Киприана, изображаются убийства, прелюбодеяния, даже кровосмешение, словно для того, чтобы не дать им стереться из памяти новых поколений²⁹. Крах полисной системы ценностей привел к неслыханному разгулу в римском обществе сексуальной распущенности и разврата. Попытки ряда римских императоров изданием законов восстановить «добрые старые нравы» в супружеских отношениях не увенчались успехом – индивидуализм, удовлетворение собственных потребностей ценились выше, чем уважение к другому человеку, верность и честность. Резким контрастом этому выступали христианская взаимная любовь и равенство между супругами, забота о воспитании детей.

В трактате Киприана «О зрелищах» (равно как и в аналогичном сочинении его учителя Тертуллиана) некоторые оценки могут показаться профанскими. Например, «человек, у которого переломаны все члены» (об акробате) или рассуждения о пустоте спора из-за цветов в состязаниях атлетов. Но и Киприан, и Тертуллиан прекрасно понимали «римский» смысл этих зрелищ. Дело здесь отнюдь не в профанском подходе, а в принципиально иной системе ценностей. Главное, что неприемлемо для христиан в зрелищах, – это жертвоприношения языческим богам, которые являлись состав-

ной частью любого зрелища, будь то гладиаторские бои, театральное представление или состязание атлетов (Олимпийские игры, например, были посвящены Зевсу). Именно это и подчеркивает Киприан³⁰. Христиане не признавали ни языческих богов, ни жертвоприношений. Проблема «идоложертвенного» обостряла враждебность язычников к христианам. Особую неприязнь неучастие христиан в жертвоприношениях вызывало у римских пролетариев, ибо для последних обычно единственным источником мясной пищи были раздачи мяса жертвенных животных. Отказ христиан от участия во многих проявлениях общественной жизни, связанных с неизбежными жертвоприношениями, вызывал подозрительность к ним, порождая массу нелепых слухов и обвинений. Еще со времен Траяна, как свидетельствует послание к нему наместника Вифинии Плиния, принесение жертв языческим богам или изображению императора использовалось как своеобразный тест на проверку принадлежности к христианству. Со времен эдикта Деция о всеобщем участии в жертвоприношении такой тест уже превратился в проверку политической лояльности христиан и использовался в гонениях Валериана и Диоклетиана.

Насаждавшийся культ императора, официальный и искусственный, для языческого населения империи оставался формальным. Он не мог привести (да и не претендовал на это) к утверждению культа единого для жителей империи бога-императора. Для христиан он был изначально неприемлем, как и языческое многобожие, и обожествление людей. Показательны в этом плане допросы христианских мучеников и исповедников представителями римских властей. Диалог словно ведется на разных языках, стороны не понимают одна другую. Христианин объясняет свой отказ от совершения жертвоприношения основами своей веры, представитель же власти никак не может уяснить, почему христианин не выполняет приказа самого императора. Вполне естественно, что сам «римский миф» о богоизбранности Рима, покровительстве богов установлению мирового владычества римлян в условиях кризиса III в., когда империя едва не развалилась, у многих породил сомнения в его действительности. Способны ли языческие боги спасти Рим? Всеобщее молебствие и жертвоприношение, проведенное Децием, дабы получить помощь богов в его судьбоносном походе против готов, закончились неслыханным позором – впервые римский император пал от рук варваров.

Показательно, что в своем трактате «Почему идола не боги» Киприан не только обосновывает истинность христианской веры и ложность веры язычников, но обращается и к событиям ранней римской истории³¹. Его интерпретация резко контрастирует с «Энеидой» Вергилия, пропагандировавшей «римский миф». Вергилий воспевал троянское происхождение римлян (Эней – сын Венеры и Анхиса), обожествлял Ромула, основателя Рима. У Киприана Венера – изъязвленная (*vulnerata*), бесстыдная (*imprudica*), «отец» Ромула и Рема бог войны Марс – *adulter*, Ромул – убийца собственного брата, а Рим возник как «скопище разбойников». Эвгемеризм Киприана (выведение им римских богов через обожествление людей-предков), на мой взгляд, вовсе не следует трактовать как его приверженность данному философскому учению. Это, скорее всего, реакция Киприана на создание и насаждение культа императора.

Насколько контрастирует с системой рушившихся былых ценностей характеристика Киприаном нравственных качеств язычников-римлян его времени: гордыня, корыстолюбие, гневливость, зависть, распутство, жестокость, властолюбие, угодливость, преклонение перед носителями власти³². Не случайно Киприан часто цитирует слова апостола Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей»³³. «Отвратительному образу мира» карфагенский епископ противопоставляет

своеобразный нравственный кодекс христианина (изложенный в трактате «К Квирина»), среди положений которого следующие: не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, чти отца и мать, люби ближнего как себя самого, соблюдай смирение и кротость во всем, умеи подавлять гнев, не злословь, не воздавай злом на зло, не участвуй в церемониях язычников, оказывай милостыню без бахвальства, помогай больным, вдовам и сиротам, не поддавайся лести и др. Утрате гражданских «уз соучастия», торжеству в римском обществе периода принципата отношений господства – подчинения с их пороками христиане противопоставляли свой нравственный принцип, содержащийся в словах Иисуса Христа: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

¹ См.: Барсов Н. И. Лекции по патристике. СПб., 1887. С. 193; Фаррар Ф. В. Жизнь и труды свв. отцов и деятелей церкви. СПб., 1891. С. 144; Chapman J. Cyprian of Carthage // The Catholic Encyclopedia. New York, 1908. Vol. 4. P. 583.

² См.: Andresen C. Die Kirche der alten Christenheit. Stuttgart, 1971. S. 292–293; Clouse R. G., Pierard R. V., Yamauchi E. M. Two Kingdoms. The Church and Culture through the Ages. Chicago, 1993. P. 47; Giordano O. I cristiani nel II secolo. L'editto di Decio. Messina, 1966. P. 196–222; Kotula T. U zrodle afrykańskiego sepatatyizmu w III w.n.e. Wrocław, 1961. S. 93; Thomas A. M. The Early Church. London, 1907. P. 158.

³ См.: Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Мн., 1991. С. 118.

⁴ См.: Fox R. L. Pagans and Christians. San Francisco, 1986. P. 15.

⁵ См.: MacMullen R. Christianizing the Roman Empire A.D. 100–400. New Haven; London, 1984. P. 35–36.

⁶ См.: Hieronymus. De viris illustribus, LXVIII.

⁷ См.: Ibid., LVII.

⁸ См.: Фаррар Ф. В. Указ. нр. С. 145.

⁹ См.: Łoposhko T. Zarys dziejow społecznych cesarstwa Rzymskiego. Lublin, 1989. S. 112–113; Passerini A. Linee di storia romana in era imperiale. Milano, 1972. P. 160.

¹⁰ См.: Pontius. Vita Cypriani, 19.

¹¹ См.: Brauer G. The Age of the Soldier Emperors. Imperial Rome A.D. 244–284. New Jersey, 1975. P. 38; Fox R. L. Op. cit. P. 14; Wand J. W. D. A History of the Early Church to A.D. 500. Norwich, 1963. P. 105.

¹² См.: Cyr. Epist., 80.

¹³ См.: Kotula T. Kryzys III wieku w zachodnich prowincjach cesarstwa Rzymskiego. Wrocław, 1992. S. 105.

¹⁴ См.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 178.

¹⁵ См.: Штаерман Е. М. От гражданина – к подданному // Культура древнего Рима: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 76.

¹⁶ См.: Friend W. H. C. Prelude to the Great Persecution: the Propaganda War // Archaeology and History in the Study of Early Christianity. London, 1988. P. 3; Friend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford, 1965. P. 105–106.

¹⁷ 1 Фесс. 5: 3.

¹⁸ См.: Fox R. L. Op. cit. P. 15.

¹⁹ Ad Donat., 6. ¹⁰ Ad Donat., 7, 10; Ad Demetr., 9.

²⁰ Ad Donat., 10.

²¹ Ibid.

²² См.: Ad Donat., 11.

²³ Ad Donat., 13.

²⁴ См.: Ad Donat., 12; Ad Quirin., 3: 61.

²⁵ См.: De opere et eleem., 22.

²⁶ См.: Ad Quirin., 3: 63.

²⁷ 2 Фесс. 3: 10.

²⁸ См.: Ad Donat., 7.

²⁹ Ad Donat., 8.

³⁰ См.: De spect., 4–5.

³¹ См.: Quod idola dii non sunt, 1–6.

³² См.: Ad Demetr., Ad Donat., 7, 10, 11, 13.

³³ См.: 1 Иоан. 2: 15.

А. Ул. ЛЮБЫ

АБРАННЕ ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ ЛІТОЎСКАГА ПАСЛЯ СМЕРЦІ ВІТАЎТА: ЗНЕШНІ І ЎНУТРАНЫ ФАКТАРЫ

Рассматриваются процесс избрания монарха Великого княжества Литовского (ВКЛ), объективные причины выбора великим князем Свидригайло Ольгердовича в 1430 г., а в 1432 г. – Жигимонта Кейстутавича. Отмечается внутренняя активность политической элиты ВКЛ и роль Польши как катализатора переворота 1432 г.

The persons who were nominated for the election of the monarch of the Grand Duchy of Lithuania are considered in the article. It also gives the objective reasons for the victory of Swidrigajla Alherdavich in 1430 and Zygmund Kejstutavich in 1432. The activity of the political elite of the GDL and the role of Poland in the upheaval of 1432 are also described in the article.

Вялікі князь Вітаўт у 1430 г. планаваў з дапамогай імператара Жыгімонта атрымаць каралеўскую карону і такім чынам ліквідаваць унію Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) з Каралеўствам Польскім. Але ягоныя планы не здзейсніліся. “В лето 6938... у великого князя Литовского у Витовта был съездъ всем людем от всех земель...”¹ “Князь великий Витовт хотел положить на себе коруну, и его приатели поляне не пропустиша коруны, и за тым не положи на себе коруны. И разболеся... и преставися князь великий Витовт”²; “у пятніцу, напярэдадні святых Сымона і іуды, а менавіта 27 кастрычніка”³. (Тут і далей пераклад аўтара. – А. Л.)

Палітычнай эліце ВКЛ у 1430 г. была дадзена магчымасць зрабіць выбар вялікага князя, які будзе адказваць за лёс дзяржавы. Патэнцыйнымі прэтэндэнтамі на вялікакняжацкі пасада былі “кароль польскі і найвышэйшы князь літоўскі і спадчыннік рускі” (rex Polonie Lithwanieque princeps supremus et heres Russie)⁴ Уладзіслаў-Ягайла, ягоны родны брат Баляслаў-Свідрыгайла, князь, які з канца XIV ст. спрабаваў дамагчыся ўлады, і князь Старадубскі Жыгімонт, брат вялікага князя Вітаўта. У літаратуры згадваюцца кандыдатуры і іншых арыстакратаў ВКЛ, але ні Аляксандр Уладзіміравіч, ні Жыгімонт Карыбутавіч відавочна не змаглі дамагчыся вялікакняжацкага пасада⁵. Палітычнае становішча ў Княстве вымагала ад Ягайлы прызнанне за ВКЛ права на ўласнага князя, а з гэтым і немагчымасць пакінуць за сабой кіраванне землямі, як таго жадалі свайму каралю палякі на чале са Збігневам Алясніцкім⁶.

Кандыдатуры Свідрыгайлы Альгердавіча і Жыгімонта Кейстутавіча ў 1430 г. з’явіліся невыпадкова. Асоба князя Свідрыгайлы як князя-бунтара ўзнікае ў спісах прэтэндэнтаў на ВКЛ яшчэ са спроб апрактаваць права кіравання Княствам, дадзенае Ягайлам Вітаўту, але ў 1401 г. ён прызнае за Вітаўтам уладу, у 1402 г. Свідрыгайла напраўляецца за падтрымкай у Прусію, пазней – у Маскву. Сярод ягоных паплечнікаў былі валынскія і падольскія баяры, руская арыстакратыя, яго кандыдатуру адстойвалі гараджане

ўсходніх зямель ВКЛ. На момант безвыніковага каранацыйнага з'езда 1430 г., калі ў Вільне сабраліся феадалы з усяго ВКЛ, сярод іх, зразумела, была значная колькасць прадстаўнікоў “рускага элемента”, якія са смерцю вялікага князя цешылі сябе тым, што “атрыманне Свідрыгайлам улады ў Літве прадказвала поспех для іх веры”⁷. Сімпатыі “рускага элемента” мелі вырашальны голас⁸.

Згодна з хронікай Яна Длугаша, Жыгімонта Кейстутавіча не ведалі, бо ён знаходзіўся ў цяні свайго брата⁹. (У адрозненне ад ягонага канкурэнта – Свідрыгайлы). Але такое становішча не перашкаджала яму прэтэндаваць на спадкаемства ВКЛ, што і было прадэкламавана яшчэ ў 1384 г. праз вялікага магістра Конрада Цольнера¹⁰. Жыгімонт большасць сваёй палітычнай кар’еры правёў у палоне (з 1382 па 1398 г. – заложник за Вітаўта ў Прусіі) і ў паходах у свіце свайго брата (Вітаўт толькі на пачатку 20-х гг. XV ст. дае яму ўдзел – Севершчыну з горадам Старадубам). Па меркаванню даследчыка Б. Барвінскага, Вітаўт бачыў Жыгімонта сваім спадкаемцам, але абставіны склаліся так, што вялікі князь павінен быў “присмирніти”¹¹. Жыгімонт удзельнічаў у перамовах, вайсковых паходах – знаходзіўся ў цэнтры палітычнага жыцця дзяржавы. Па маёмаснаму становішчу Старадубскі князь быў адным з найбольш заможных феадалаў дзяржавы¹². Усё гэта, у дадатак да паходжання, рабіла яго рэальным прэтэндэнтам на вялікакняжацкі пасад.

Храніст Ян Длугаш, выказваючы пазіцыю двара кракаўскага епіскапа, вызнаваў памылковасцю ўвядзенне на пасад ВКЛ Свідрыгайлы і адзначаў пры гэтым у караля “вялікае замілаванне” братам, чым і абгрунтавалася ягоная згода на абранне яго вялікім князем¹³. Калі кароль надзеў пярсцёнак – знак годнасці – гэта яшчэ не азначала, што Ягайла бяздумна, па-роднаснаму, аднёсся да справы выбара князя. На дадзены момант становішча і на знешнепалітычнай арэне, і ўнутры дзяржавы, і ва ўзаемаадносінах Кароны Польскай і ВКЛ было хісткім. Можна ахарактарызаваць палітыку Уладзіслава-Ягайлы як арыентаваную на захаванне status quo польскай палітыкі ў рэгіёне. У Княстве напярэдадні 1430 г. чакалі каранацыі, якая павінна была замацаваць склаўшаеся становішча на еўрапейскай палітычнай карце. І пасля няўдалай спробы, віна за якую клалася на Польшчу, кожная акцыя, скіраваная на пашырэнне польскай прысутнасці ў Вільне, магла пераўтварыцца ў канфлікт, што супярэчыла палітыцы Ягайлы. Калі б пасад перайшоў да Жыгімонта Кейстутавіча, то замацоўвалася б вялікакняжацкая дынастыя, што было невыгодна ні для Ягайлы, ні для палякаў, якія гублялі кантроль над манархамі ВКЛ. Адзначым і другі момант – Жыгімонт, паплечнік Вітаўта, які жыў і ваяваў разам з вітаўтавым акружэннем, не мог і не праводзіў бы іншай за брата палітыкі, якая ў апошні час была антыўнійнай. Такім чынам, кандыдатура Свідрыгайлы натуральна з’яўлялася спрыяльнай для каралеўскай палітыкі. Меркаванні Яна Длугаша, кракаўскага каноніка, былі выказаны з пазіцыі вынікаў. Польская шляхта на чале з кракаўскім епіскапскім дваром прагнула новых зямель, а для пашырэння зямельнага фонду рэальным было далучэнне да Кароны зямель Заходняга Падолля, якое згодна з дамовай ад 1418 г. па смерці Вітаўта павінна было перайсці да Польшчы. Акупацыя пачалася адразу пасля смерці вялікага князя Вітаўта, яшчэ да моманту выезда караля з тэрыторыі ВКЛ. Магчыма, Ягайла і не быў праінфармаваны пра тэрміны акцыі. Свідрыгайла, вялікі князь, павінен быў абараняць непарушнасць межаў сваёй дзяржавы і ўступіў у вайну. Кароль апынуўся заложнікам. Ягоныя планы не здзейсніліся – канфлікт выбухнуў, і справа непапарадкаванасці ВКЛ вырашылася сама сабой.

Луцкая вайна, якая паказала на больш шырокія захопніцкія планы польскай шляхты, чым толькі анексію Заходняга Падолля, супрацьпаставіла Польшчу і ВКЛ, зацягнулася і для абодвух бакоў патрабавала вялікіх намаганняў. Дыпламатыя прывяла Польшчу да становішча “замка ў аблозе”: за

Свідрыгайлу выступілі імператар, Ордэн, татары; нанеслі ўдар чэхі на чале з Жыгімонтам Карыбутавічам і валахі – з ваяводам Аляксандрам. Выйсце для палякаў знайшлося ў змене манарха ВКЛ. Відавочна, што апазіцыя Свідрыгайлу склалася ў Княстве да прыезду пасольства пана Зарэмбы. Жыгімонт меў сваіх паплечнікаў і сярод літоўцаў, і сярод русінаў (Уладзіміравічы, Карыбутавічы)¹⁴. Але польскай дыпламатыі належыць каталізацыя сітуацыі перавароту, на што ўказвае абвінавачванне ў падрыхтоўцы і ажыццяўленні акцыі Сямёна Гальшанскага, звязанага з каралеўскім дваром праз стрыечную сястру Соф’ю¹⁵. У ноч з 31 жніўня на 1 верасня 1432 г. у Ашмянах на вялікага князя Свідрыгайлу быў здзейснены напад. “Был бои велик на Ошме реке князю Швитригаилу съ князем Жидимонтом о великом княжении Литовском, и ста на костехъ князь Жидимантъ”¹⁶. Князь Свідрыгайла збег на ўсход дзяржавы (да Полацка). “Литва же посадиша великого князя Жидимонта Кестутьевича на великом княжении на Вильне и на Троцех месяца сентября 1 день. И прииде Шьвитригаило на Польтеск и на Смоленск, и князи рускыи и боляре посадиша князя Шьвитригаила на великое княжение на Руское”¹⁷. Палітычна дзяржава падзялілася на княства Рускае, дзе Свідрыгайла меў апору як на феадалаў, так і на гарады, і на княства Літоўскае, дзе Жыгімонт абапіраўся ў большасці на былых вітаўтавых паплечнікаў. Абодва бакі мелі знешнюю вайсковую падтрымку і добрых стратэгаў. Падчас зацягнутага ўнутрыпалітычнага канфлікту ішоў пошук вырашэння супярэчнасцей, наспелых за часы праўлення Вітаўта: маёмасныя і імунітэтычныя правы Гедымінавічаў і Рурыкавічаў, роля арыстакратыі ў жыцці дзяржавы, вызначэнне становішча праваслаўных феадалаў, размежаванне ўлады “зямлі” і вялікага князя.

Абранне вялікага князя пасля смерці Вітаўта павінна было вырашыць пастаўленыя праблемы. Але кожная частка эліты палярызаванага грамадства імкнулася ў асобе князя бачыць правадніка сваёй палітыкі. Вайна з Польшчай не адцягнула ўвагу ад унутрыпалітычнай сітуацыі і ў некаторай ступені нават вылучыла недарэчнасці і хібы кіруючых колаў. “Княжи велики Швитригаило 2 годы без дву месяцаи... И не вправляше земли. Литва же посадиша великого князя Жыгимонта Кесътутевичъ...”¹⁸ Палітыка Свідрыгайлы не задавальняла літоўскі элемент пры двары – літоўцам служба дала землі, а разам з новым князем прыйшла руская арыстакратыя, землеўладальнікі, якія дамагаліся ўдзелу ў кіраванні дзяржавай. Нельга не ўлічваць і знешняга ўплыву з боку Польшчы, які пры ўмове рознасці ў поглядах караля і саноўнікаў даў магчымасць Свідрыгайлу вытрымаць польскі наскок на Валынь, а Жыгімонту – захаваць незалежнасць Княства. Палякі актыўна ўдзельнічалі ў выбары князя, але склаўшыся палітыка ВКЛ па знешнепалітычных і ключавых унутрыпалітычных пытаннях абмяжоўвала ўплыў і вяла да стабілізацыі палітычнага курсу эліты грамадства ў 30–40-х гг. XV ст.

¹ Владимирский летописец // Полн. собр. рус. летописей / Отв. ред. акад. М.Н. Тихомиров. М., 1965. Т. 30. С. 132.

² Никифоровская летопись // Полн. собр. рус. летописей. Летописи Белорусско-Литовские / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М., 1980. Т. 35. С. 34.

³ Długosz J. Dziejow Polskich. Książ dwanascie / Przeklad Karola Macherzynskiego. Krakow, 1869. Т. IV. Ks. XI, XII. S. 384.

⁴ Гл.: Monumenta medii aevi historica: Res gestas Poloniae illustrantia. Cracoviae, 1882. Т. 6: Codex epistolaris Vitoldi, Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430. P. 950.

⁵ Гл.: Брянцевъ П. Дм. История Литовскаго государства съ древнихъ временъ. Сочинение. Вильна, 1889. С. 261; Кояловичъ М. О. Чтения по истории Западной Россіи. 4-е изд. СПб., 1884. С. 135.

⁶ Гл.: Długosz J. Op. sit. S. 387–388; Wapowski B. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1538. Wilno, 1847. Т. 2. S. 93.

⁷ Długosz J. Op. sit. S. 386.

⁸ Гл.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение къ истории Россійской, Польской и Прусской. Сочинение / Переводъ съ немецкаго. СПб., 1855. С. 76.

⁹ Гл.: Długosz J. Op. sit. S. 385.

¹⁰ Гл.: Monumenta medii aevi historica. P. 5.

¹¹ Гл.: Барвіньскі Б. Жигимонт Кейстувович, Великий князь Литовско-русский (1432–1440). Исторична монографія. Жовква, 1905. С. 14.

¹² Гл.: Monumenta medii aevi historica. P. 798.

¹³ См.: Długosz J. Op. cit. S. 386.

¹⁴ Гл.: Коцебу А. Указ. пр. С. 84.

¹⁵ Гл.: Коцебу А. Там же.

¹⁶ Владимирский летописец. С. 132.

¹⁷ Никифоровская летопись. С. 34.

¹⁸ Супрасльская летопись // Полн. собр. рус. летописей. Летописи Белорусско-Литовские / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М., 1980. Т. 35. С. 57.

Паступіў у рэдакцыю 08.09.2003.

Андрэй Уладзіміравіч Любы – аспірант кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Ю.Л. Казакоў.

І.С. КАШТАЛЯН

УПЛЫЎ РЭПРЭСІЎНАГА ФАКТАРУ ПАЛІТЫКІ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ НА ШТОДЗЁННАЕ ЖЫЦЦЁ НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1944–1950 гг.)

Анализируется внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся на территории Западной Беларуси в послевоенные годы. Делается вывод о том, что массовый отъезд населения в Польшу и коллективизация привели к ослаблению сопротивления советской власти.

The article analyses the situation at the territory of West Belarus because of the Soviet power arrangements and the activity of anti-Soviet underground. It concludes that mass departure of the population to Poland and collectivization led to the further weakness of the resistance to the Soviet authorities.

Змены савецка-польскай мяжы 1939 г., яе пасляваенная дэмаркацыя значна паўплывалі на лёс жыхароў Заходняй Беларусі. З дамовы, падпісанай паміж урадам БССР і Польскім камітэтам нацыянальнага вызвалення ў Любліне 9 верасня 1944 г., вынікала, што да ПНР адышлі 17 раёнаў Беларускай і тры раёны Брэсцкай абласцей БССР (з часткай Белавежскай пушчы агульнай плошчай 14,3 тыс. кв. км, з насельніцтвам у 600–700 тыс. чал.)¹.

У тым жа пагадненні прадугледжвалася добраахвотная эвакуацыя беларусаў з тэрыторыі Польшчы і польскіх грамадзян з тэрыторыі БССР у Польшчу (тых, якія былі ў польскім грамадзянстве да 17 верасня 1939 г. і пражывалі ў заходніх абласцях БССР). Гэтая акцыя павінна была працягвацца з 15 кастрычніка 1944 г. па 1 лютага 1945 г.²

БССР пачала масавы абмен насельніцтвам у кастрычніку, Польшча – у снежні 1944 г. Адною з асноўных прыкмет вызначэння беларусаў стала рэлігійная – праваслаўнае веравызнанне.

Людзі не спяшаліся выязджаць у Польшчу, бо панавалі чуткі, што пад прыкрыццём пагаднення ўсіх зарэгістраваных на выезд вышлюць на ўсход³. Іншым стрымліваючым фактарам было чаканне змянення мяжы, бо значная частка жыхароў Заходняй Беларусі не лічыла яе канчатковай і верыла, што заходнебеларускія землі вернуцца ў склад Польшчы. Армія Краёва (АК) уздзеінічала на мясцовых беларусаў, каб тыя заставаліся на ўласнай зямлі. Многія не хацелі пакідаць абжытых месцаў. Калі межы канчаткова вызначыліся, то і настроі змяніліся.

У 1944–1945 гг. на Беларусі знаходзіліся дывізіі франтавых армій, унутраныя войскі НКУС, якія нярэдка злоўжывалі сваім статусам. Актыўна дзейнічалі вынішчальныя батальёны, брыгады садзейнічання міліцыі, новапрыбыўшыя партыйныя кадры з Усходу. Разам з узнаўленнем органаў дзяржаўнай улады і кіравання пачалі стварацца папраўча-працоўныя ўстановы.

Прадстаўнікам мясцовых і цэнтральных органаў кіравання рэгулярна дакладвалі пра настроі. Пададдзел палітычнага кантролю МДБ правяраў да 80 % асабістых лістоў. Перш за ўсё НКУС цікавілі не калабаранты, а арга-

нізацыі АК, Арганізацыя Украінскіх Нацыяналістаў – Украінская Паўстанцкая Армія, беларускія нацыяналісты, якія перашкаджалі ўсталяванню так званых "другіх саветаў". Шмат каму з мясцовага насельніцтва не падабалася палітыка Савецкага Саюза (прымусовая калектывізацыя, антырэлігійны ціск, палітычныя рэпрэсіі), таму дзесяткі тысяч мясцовых жыхароў ішлі ў антысавецкае падполле (польскае, украінскае, беларускае, літоўскае).

Асноўным метадам барацьбы супраць падпольных узброеных фарміраванняў стала чэкіска-вайсковая аперацыя. Многія мясцовыя жыхары станавіліся нявольнымі заложнікамі сітуацыі, бо яны знаходзіліся пад пагрозай фізічнай расправы як з боку органаў бяспекі, так і антысавецкага падполля, пра што сведчаць і прыклады з выбарамі, калі людзі баяліся балаціравацца ў дэпутаты ці нават проста галасаваць⁴.

Амаль пра кожнага жыхара Заходняй Беларусі ўлады пазначалі: "Знаходзіўся на акупіраванай тэрыторыі". Такая пастаноўка пытання рабіла "патэнцыяльнымі злачынцамі" ўсіх жыхароў гэтых тэрыторый, да якіх праяўлялася большая пільнасць, арганізоўваліся дадатковыя праверкі органамі НКУС па месцы жыхарства, адкуль маглі адправіць у праверачна-фільтрацыйныя лагеры НКУС на тэрмін ад некалькіх месяцаў да некалькіх гадоў. Новыя кадры для савецкіх органаў прыехалі з Усходу са сфармаванай прадумленай да мясцовага насельніцтва – "кулакоў", "ворагаў народа", "шпіёнаў", "дыверсантаў", "тых, хто затаіўся", "фашыстаў", "сіяністаў", "нацыяналістаў" і ўвогуле – да любога чалавека. Такія людзі маглі рэпрэсіраваць за дробязь, да гэтага іх штурхала актыўная дзейнасць на ўказаных тэрыторыях антысавецкага падполля.

Селянін Заходняй Беларусі разглядаў сітуацыю праз прызму страху чакання негатыўных падзей і працэсаў, якія маглі адбывацца непасрэдна на яго жыцці ці на лёсах яго нашчадкаў. Гэта адчуванне мела важную і ў некаторых выпадках нават вызначальную ролю ў настройках асобы і грамадства. Стваральнікамі насцярожанасці з'яўляліся як карныя органы савецкай улады, так і антысавецкае супраціўленне.

Значная частка працаздольнага насельніцтва, якую накіроўвалі на прымусовыя работы, не хацела пакідаць радзіму і "дзэрціравала", за што на іх заводзілі крымінальныя справы. Улада, накіроўваючы людзей на працу, мела на мэце дзве задачы: выкарыстаць працоўныя рукі на патрэбных ёй аб'ектах і ідэалагічна апрацаваць беларусаў-заходнікаў, нават зламаць іх маральна.

Звяртае ўвагу вялікая колькасць крымінальных злачынстваў, за якія суды маглі прызначыць вышэйшую меру пакарання (напрыклад, за большасць контррэвалюцыйных злачынстваў). Шмат артыкулаў (адмова ад выплаты падаткаў, забойства жывёлы і г. д.) прадугледжвалі канфіскацыю маёмасці. Пры пазбаўленні падсудзімага правоў апошні губляў не толькі палітычныя правы, але і права займаць тыя ці іншыя пасады, на пенсію, дапамогу па беспрацоўю, пазбаўлялі яго і бацькоўскіх правоў⁵.

Агульная эканамічная сітуацыя характарызавалася затрымкамі зарплат, высокімі цэнамі, прымусовымі дзяржаўнымі займамі, павелічэннем падатковага ціску, правядзеннем грашовай рэформы і адменай картак на харчаванне і прамысловыя тавары. Таму ў Заходняй Беларусі жыхары звычайна цалкам залежалі ад сваёй гаспадаркі, агарода, рынку. Яны часта адчувалі сябе бяспраўнымі перад узброенымі людзьмі. Напрыклад, у сітуацыйным рапарце АК за чэрвень 1945 г. паведамлялася пра аблавы з боку ўціхамірвальных батальёнаў, арміі і мясцовых груп садзейнічання. Для гэтага яны абкладалі вёску з раніцы і запужвалі людзей. Хапалі нават дзяўчат, якіх маглі аддаваць пад суд па прычыне ўхілення ад працы. Падчас аблаў салдаты рабавалі мясцовых жыхароў. Карныя акцыі дапаўняліся дзеяннямі прапагандысцкіх груп, калі, напрыклад, партыйныя органы накіроўвалі аген-

та для збору подпісаў пад лістом да Сталіна ў падзяку за вызваленне ад нямецкай акупацыі і ўдзячнасць за апеку з боку СССР. Падпісаць павінен быў кожны пісьменны чалавек⁶.

Пад прэсінг патрапілі тыя, хто быў да гэтага рэпрэсіраваны за "палітычныя злачынствы", а пазней – вызвалены. Як правіла, іх высылалі на пасяленне. Актыўна выкарыстоўваліся ў рэпрэсіўнай практыцы артыкулы 63–76 Крымінальнага кодэксу БССР (у першую чаргу – шпіянаж, прапаганда і агітацыя супраць савецкай улады, удзел у антысавецкіх арганізацыях).

Пры правядзенні калектывізацыі дзейнічаў ужо адпрацаваны механізм. Калі сяляне адмаўляліся ўступаць у калгас, ім замянялі зямлю на горшую і меншую, калі ўсё адно яны не ішлі, – павышалі падаткі ці пагражалі высылкай, не выдавалі пашпартоў, яны не маглі вучыцца ў ВНУ⁷.

Для ўлады ўсё, што адбывалася падчас вайны, пад акупацыяй, было незаконным (набыццё маёмасці, вырошчванне ўраджаю на калгасных землях і г. д.). Органы МУС, якія не маглі справіцца з вялікімі злачынствамі, выкарыстоўвалі для справаздач нават нязначныя правіннасці, здзяйсняемыя жанчынамі і дзецьмі з-за голаду і нястачы. Прадстаўнікі ўлады маглі любога сяляніна "памылкова" запісаць у кулакі, а пасля спецыяльна зацягваць разгляд скаргаў. Тых, хто не працаваў на калгас, маглі выселіць як паразітычны элемент.

Часу, вызначанага для эвакуацыі, аказалася недастаткова, пра што сведчыць скапданне 25.11.1945 у Варшаве пратакола аб працягу эвакуацыі беларускага насельніцтва з тэрыторыі Польшчы, польскіх грамадзян з тэрыторыі БССР да 15 чэрвеня 1946 г., вызначэнні тэрміну рэгістрацыі для эвакуацыі да 15.01.1946⁸.

Самі ўлады не мелі дакладнага ўяўлення пра тое, дзе праходзіць савецка-польская мяжа. З-за таго, што ў запісах аб адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленні карысталіся не тапаграфічнай картай, а толькі матэрыяламі райвыканкомаў, былі недакладнасці ў дакументах, што пацвярджалася праверкамі – савецкія памежныя войскі не заўсёды ахоўвалі мяжу, вызначаную пагадненнем⁹.

Пасля вайны ў СССР скпалася кепскае становішча з сельскай гаспадаркай, бо дзяржава дапамагала мала і ў гэтай галіне не хапала мужчын. У Заходняй Беларусі гэта стала адным з матываў імкнення часткі жыхароў з'ехаць у Польшчу. Асноўныя прычыны, якія вымушалі палякаў выязджаць з БССР, а беларусаў заставацца ў Польшчы, былі фактычна аднолькавымі: страх перад савецкай уладай і рэпрэсіямі з боку дзяржавы (асабліва да скіраваных прапольску: у сувязі з актыўнай дзейнасцю АК), прымусовае калектывізацыя, атзістычная палітыка, роднасныя сувязі з палякамі і інш. Вялікая роля рэлігійнага і сваяцкага фактараў прыводзіла да таго, што на выезд у Польшчу запісваліся сем'ямі, парафіямі.

Пасля афіцыйнага роспуску АК у 1945 г. па аддзелам гэтай арганізацыі быў дадзены загад аб эвакуацыі ў Польшчу. Людзі, якія знаходзіліся пад пагрозай выкрыцця, канспіратыўна ці з дапамогай зброі павінны былі на поўдні лініі Керзана перайсці мяжу і індывідуальна пасяліцца, захоўваючы асцярожнасць¹⁰. Выезд вялікай колькасці чалавек, прыхільных польскаму антысавецкаму падполлю, прывёў да паступовага яго паслаблення.

Каля сямі працэнтаў з тых, хто збіраўся да выезду, не змаглі пацвердзіць сваю нацыянальнасць¹¹. Імкненне з'ехаць было настолькі моцным, што людзі, калі не жылі пры Польшчы, змянялі нелегальна прозвішчы, падраблялі дакументы і пераязджалі праз мяжу. Так, пад уплывам працэсаў абмену насельніцтвам, напрыклад, у Воранаўскім раёне Гродзенскай вобласці запісалася на выезд палякаў больш, чым іх было афіцыйна (больш за 95 % ад агульнай колькасці жыхароў раёна). На пытанне: чаму не паляк, а запісваецца на выезд у Польшчу, адказвалі: "Баюся калгасаў, хачу жыць і пра-

цаваць аднаасобна”¹². Але адмова ў дазvole на выезд не заўсёды была звязана з папярэдне згаданай прычынай (непацвярджэнне польскай нацыянальнасці), але і з баязлівай рэакцыяй улад. Пасля вайны ў рэспубліцы склалася цяжкае становішча, а масавыя запісы на выезд маглі дрэнна паўплываць на існуючую нестабільную сітуацыю.

Улады, як маглі, супраціўляліся працэсам добраахвотнага выезду ў Польшчу – у пашпарты палякаў запісвалі іншыя нацыянальнасці, па розных прычынах не давалі дакументаў на выезд, напрыклад, жыхароў Мастоўскага раёна не выпускалі, пакуль не выканаюць план лесанарыхтовак за ўвесь год¹³.

Штомесячныя рапарты АК паказваюць таксама занепакоенасць сітуацыяй, калі, па меркаванню яе прадстаўнікоў, быў атрыманы загад скласці спісы жыхароў, асобна палякаў і асобна беларусаў. Па іх палякам з’яўляўся той, хто нарадзіўся за лініяй Керзана, а іншыя лічыліся беларусамі. У сувязі з гэтым улады знішчалі дакументы, каб насельніцтва не магло даказаць сваю нацыянальнасць¹⁴. Такім чынам, маглі адмовіць у выездзе тысячам людзей.

У той жа час улады рэкамендавалі ад’язджаць духоўным асобам, бо ведалі іх уплыў у грамадстве і рыхтавалі наступ як на каталіцкую царкву, так і на праваслаўную. Чым бліжэй быў канец эвакуацыі, тым больш прымушалі выязджаць ксяндзоў. У 1945–1947 гг. выехалі з Заходняй Беларусі 304 духоўнікі¹⁵. Асабліва моцна закранулі працэсы эвакуацыі Гродзенскую, Брэсцкую і Баранавіцкую вобласці. Каб кампенсаваць выезд насельніцтва, туды (акрамя Брэсцкай), а таксама ў Гомельскую былі накіраваны перасяленцы з Польшчы¹⁶.

Прыехалі ў БССР у першую чаргу прадстаўнікі партыйных, савецкіх, камсамольскіх органаў, грамадзяне, якія актыўна супрацоўнічалі з органамі савецкай улады ў 1939–1941 гг., а таксама пераважная большасць бядняцкіх гаспадарак. Сялян вызвалялі ад натуральных паставак, уплаты грашовых падаткаў і абавязковага страхавання на два гады (1948–1949 гг.). За кошт перасяленцаў у Польшчу ім выдзялялі зямельныя надзелы да 15 га і дамы. Апрача гэтага, урад БССР выдаў шэраг адмысловых пастановаў наконт ільгот для перасяленцаў з памежных вёсак на новае месца жыхарства. Паводле іх перасяленцам выплачвалася грашовая дапамога ў памеры 5 тыс. р., давалася пазыка ў 10 тыс. р. з тэрмінам выплаты – на працягу дзесяці гадоў, за адзін гектар пакінутага пасева ім выдавалі чатыры цэнтнеры збожжа¹⁷. Палякам жа, якія выязджалі з тэрыторыі БССР, абяцалі, што пры перасяленні яны змогуць атрымаць зямлю (у памерах, прадугледжаных законам, нават для тых, хто ў БССР яе не меў).

Складанасці ў савецкай улады БССР узніклі ў сувязі з тым, што патрабавалася адсяліць гаспадаркі з памежнай зоны (раўнацэнную зямлю фактычна не давалі), а таксама з-за гаспадарак, пакінутых тымі, хто з’ехаў у Польшчу, якія не пусцелі ў чаканні прыезду людзей з Польшчы, а актыўна прадаваліся, выкарыстоўваліся пад размяшчэнне войскаў і хат-чыталень.

Савецкія агітатары спрабавалі вывозіць беларусаў з зямель, якія знаходзіліся на мяжы (май 1948 г.), але мясцовае насельніцтва па іншы бок мяжы супраціўлялася гэтым акцыям, бо баялася, што іх вывезуць далей на ўсход на пасяленне. Калі мяжа была канчаткова зачынена 25 траўня 1948 г., большасць памежных гаспадарак з вызначаных на перасяленне з тэрыторыі Польшчы засталіся на месцы (нават меушы беззваротную дапамогу ад БССР у памеры 5 тыс. р.)¹⁸.

Працэсы абмену насельніцтвам прывялі да негатыўных з’яў у культурнай палітыцы абедзвюх дзяржаў. Ад 1945 г. на Беласточчыне памяншаецца колькасць беларускіх школ (нягледзячы на тое, што 70 % беларускага насельніцтва засталася на польскай тэрыторыі і не пажадала выехаць у БССР). Хаця з зарэгістраваных на выезд з БССР у Польшчу выехала толькі

каля 43 %¹⁹. на беларускай тэрыторыі з 1949 г. ліквідаваліся польскія школы, забаранялася вывучэнне польскай мовы, не засталася часопісаў, газет на польскай мове.

У штомесячных справах за 1946–1948 гг. памежных польскіх ваяводаў адзначалася, што беларусы не хацелі пакідаць тэрыторыю Польшчы. Мэты польскіх улад і дыверсійных атрадаў у дадзеным выпадку супадалі: і тыя і другія ўздзейнічалі на беларусаў, каб прымусіць іх з'ехаць ці змяніць сваю нацыянальнасць на польскую. Гэта прывяло да таго, што на тэрыторыі былых беларускіх зямель з 1948 г. фактычна не фіксуецца беларуская меншасць²⁰.

Насельніцтва, у большасці сялянскае, супраціўлялася перамяшчэнню ў сувязі з вялікай прывязанасцю да маёмасці, да сваякоў. Але фактар страху пераважаў, прымушаючы іх бегчы з зоны "штодзённай катастрофы" (так можна ахарактарызаваць тэрыторыю Заходняй Беларусі ў час правядзення карных аперацый па вынішчэнню антысавецкага падполля і арганізацыі калгасаў). У Польшчу пераехала больш людзей, чым адтуль – у БССР. Лічбы, звязаныя з колькасцю пераехаўшых, цяжка ўдакладняць, бо некаторыя перасяклі мяжу нелегальна.

Канчатковая дэмаркацыя савецка-польскай мяжы ў БССР у 1950 г. выршала дзяржаўную прыналежнасць асобных вёсак, хутароў ці груп населеных пунктаў. У адных выпадках даводзілася скасоўваць цэлыя сельсаветы ў сувязі з перадачай большасці іх пасяленняў ПНР, у другіх – пераносіць цэнтры сельсаветаў далей ад дзяржаўнай мяжы, у трэціх – устанаўліваць новую адміністрацыйную прыналежнасць населеных пунктаў²¹.

Уладам давялося змагацца з большай часткай насельніцтва: паляваць за былымі калабарантамі, антысавецкамі, якімі маглі быць нават тыя, хто спраўна не плаціў падаткі. Змена аператыўнай абстаноўкі ў БССР пасля разгрому асноўных сіл польскага антысавецкага падполля прывяла да замены чэкіска-вайсковых аперацый агентурна-аператыўнай працай²².

Нягледзячы на так званыя "высокія мэты", антысавецкае падполле з-за тэрарызавання насельніцтва (палякі распраўляліся з асобамі іншых нацыянальнасцей, украінцы маглі разглядаць моладзь прызыўнога ўзросту як дзэзерціраў і абвешчаць злачынцамі падлеткаў 12 гадоў) паступова страчвае падтрымку жыхароў. Серыя масавых вывазаў, пастаянныя арышты асоб, якія падазраваліся ў спрыянні "бандам", а таксама выезд соцень тысяч чалавек за мяжу, у Польшчу, згодна з праграмай эвакуацыі прывялі да памяншэння збройнай барацьбы, якая фактычна скончылася ў 1950-х гг.

¹ Гл.: Валаханович И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Мн., 2002. С. 66.

² Гл.: Административно-территориальное устройство БССР: Справ. В 2 т. Т. 2. 1944–1980. Мн., 1987. С. 15–16.

³ Гл.: Вялікі А. Перасяленне беларускага насельніцтва з Брэсцкай вобласці ў Польшчу ў адпаведнасці з пагадненнем ад 9 верасня 1944 г. // Берасцейскі хранаграф: 36. навук. пр. Брэст, 1999. Вып. 2. С. 138.

⁴ Гл.: НА РБ. Ф. 4. Воп. 20. Спр. 244. А. 113.

⁵ Гл.: Кузнецов И. Беларусь в период тоталитаризма // Гісторыя Беларусі ў еўрапейскім кантэксце: Матэрыялы гіст. семінараў, якія адбыліся ў Мінскім міжнародным адукацыйным цэнтры ў 2001 г. Мн., 2002. С. 172.

⁶ Гл.: NKWD o polskim podziemiu (1944–1948). Warszawa, 1997. S. 316.

⁷ Гл.: Паўсядзённае жыццё ў Беларусі: 1945–1965. Конкурс для школьнікаў (98/99): 36. матэрыялаў і конкурсных працаў. Мн., 1999. С. 188.

⁸ Гл.: Административно-территориальное... Т. 2. С. 19–20.

⁹ Гл.: Там жа. С. 21–22.

¹⁰ Гл.: NKWD... S. 321.

¹¹ Гл.: Вялікі А., Языкович Л. Перасяленне беларускага насельніцтва з тэрыторыі Польшчы і з тэрыторыі БССР у Польшчу // Кантакты і дыялогі. 1998. № 12. С. 28.

¹² Гл.: Цыт. па: Вялікі А. Ф. Змяненні ў нацыянальна-дэмаграфічнай сітуацыі заходніх абласцей Беларусі пасля падпісання дагавора 16 жніўня 1945 г. аб савецка-польскай дзяржаўнай граніцы // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць:

Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верас. 1999 г. / Адк. рэд. П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў. Мн., 2000. С. 265.

¹³ Гл.: Вялікі А.Ф. Змяненні ў нацыянальна-дэмаграфічнай сітуацыі заходніх абласцей Беларусі пасля падпісання дагавора 16 жніўня 1945 г. аб савецка-польскай дзяржаўнай граніцы. С. 266.

¹⁴ Гл.: NKWD... 1997. S. 316.

¹⁵ Гл.: Hlebowicz A. Katolicyzm w panstwie sowieckim. 1944–1992. Gdansk, 1993. S. 79.

¹⁶ Гл.: Вялікі А., Языковіч Л. Указ. тв. С. 29.

¹⁷ Гл.: Сідлярэвіч А. Фармаванне сучаснае беларуска-польскае мяжы ў дакумэнтах і вусных усламінах (1944–1950) // Спадчына. 2002. № 2–3. С. 45.

¹⁸ Гл.: Там жа. С. 49–50.

¹⁹ Гл.: Вялікі А., Языковіч Л. Указ. тв. С. 28.

²⁰ Гл.: Ks. Grzegorz Sosna. Sprawy narodowosciowe i wyznaniowe na Białostocczyźnie (1944–1948) w ocenie władz Rzeczypospolitej Polskiej. Wybor dokumentow. Ryboły, 1996. S. 28–88.

²¹ Гл.: Административно-территориальное... С. 4.

²² Гл.: Валахановіч І.А. Указ. тв. Мн., 2002. С. 89.

Паступіў у рэдакцыю 10.06.2003.

Ірына Сяргееўна Кашталян – аспірантка кафедры гісторыі Расіі. Навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар В.І. Менькоўскі.

Н.И. МИНИЦКИЙ

ИДЕАЛЫ И ПРАКТИКА АНТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ: (СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА РЕЧИ ПЕРИКЛА)*

Применение структурно-композиционного метода и основанной на нем интерпретации текста речи Перикла позволило дифференцировать лексику политического мышления греков времени Пелопонесской войны, выделив в ней понятия идеализации, идеальной нормы и исторических реалий.

The use of the structure and composition method and the interpretation of the Perikle's speech based on this method made it possible to differentiate the lexis of the political thinking of the Greeks at the time of Peloponnesse war by distinguishing in it such notions as idealization, ideal norm and historic reality.

Характеристика афинской демократии как правления большинства, поддерживаемая в речи Перикла и переданная Фукидидом, имеется почти во всех учебниках по античной истории. Такой интерес обусловлен конкретной событийной стороной – историей Пелопонесской войны, приведшей в конечном итоге к трагическим последствиям для греческой свободы. Кроме того, ученые останавливаются на тех аспектах демократии, которые их интересуют в связи с личными исследовательскими интересами и актуальными потребностями современного общества.

Так, Н.М. Тронский акцентирует внимание на «совместимости коллективной морали полиса с основанным на частной собственности "самодовлеющим состоянием индивида"»¹. М.С. Корзун считает, что «исследование борьбы между гражданскими группировками проливает свет и на сущность афинской рабовладельческой демократии, в системе которой существовал антагонизм между рабами и рабовладельцами, между афинскими гражданами и союзниками, между крупными рабовладельцами и мелкими производителями»². Л.П. Маринович выделяет в демократии такие признаки, как «сознательная ориентированность на привлечение к политике всех граждан, полная подотчетность всех органов управления народному собранию, абсолютный суверенитет экклезии, приоритет законов»³.

Если руководствоваться принципом дополнительности, то каждая из оценок представляет собой выяснение как сущности самой демократии, так

* Фукидид. История. II, 34–46 // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 179–185.

и ее значения для политической культуры современной исследователю эпохи. Для нас принципиально важно выяснить дополнительные смыслы понимания демократии, которые может дать обращение к способам языкового выражения. Такое видение античной демократии в стиле современного «лингвистического поворота» позволило бы нам определить взаимоотношения риторики и идеологии и, следовательно, выйти на социально-психологическую интерпретацию текста.

Применение лингвистического метода в историческом исследовании текстов источников является одной из важных составляющих современного источниковедения⁴. Обозначенная тема статьи рассматривается с позиций структурно-композиционного анализа и операциональных методик, разработанных лингвистами. Под структурой текста они обычно понимают некоторую упорядоченность, позволяющую выяснить: а) логику коммуникаций между целями и намерениями автора, а также воспринимающего этот текст; б) логику отраженного в тексте мира; в) внутреннюю логику самого текста; г) соответствие текста законам знаковой системы⁵.

Организация языковых средств является композицией текста. Его структурно-композиционная организация – это «внутренняя организация материала во всей его сложности, включая систему образов событий, поступков, подчиненных идее автора»⁶. Изучение композиционной структуры связано с пониманием текста. «Важнейшее условие функционирования текста является его свойство быть понятным»⁷. Структура содержания отражает как значение, так и понимание текста. В связи с этим в лингвистике В.В. Красных выделяет следующие уровни значения и понимания: «1) поверхностное – восприятие формы; понимание прямого значения (восприятие); 2) глубинное – понимание непрямого значения: дополнительных модальных смыслов, подтекстов и т. д. (понимание); 3) смысл – понимание смысла; восприятие концепта (интерпретация)»⁸. Отметим, что восприятие текста делится на три уровня глубины: поверхностный, глубинный и смысловой, которым соответствуют свои уровни понимания. Такова исходная методика исследования интересующего нас предмета.

По своей композиции речь Перикла построена на основе излюбленного литературного приема Фукидида – передаче лишь общего замысла выступления, но не ее адекватном воспроизведении. Историки отмечали, что «...эти речи давали возможность в привычной для грека форме представить более отчетливо и разъяснить гораздо полнее, особенно в диалогически, агонально организованных сценах выступлений, мотивы, которыми руководствовались или должны были руководствоваться персонажи воссоздаваемой писателем исторической драмы»⁹.

Рассмотрим, как был реализован исходный замысел. Первоначально Фукидид устами Перикла обращается к историческому экскурсу, в котором дается определение главных ценностей афинского образа жизни – доблести и свободы. Раскрывается суть могущества государства афинян, нашедшая выражение в его самодовлеющем характере. И, завершая вводную часть, Перикл говорит: «...хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию»¹⁰.

Основная часть речи в композиционном отношении имеет следующую структуру: определение признаков демократии, характеристика общественной и частной жизни афинян, определение значения состязаний и жертвоприношений для ритма жизни, сравнительная характеристика состояния военного дела у афинян и спартанцев, показ могущества афинского государства.

Заключение речи – это пропаганда идеи величия, славы и мощи родины, за которую воины, отдав жизнь, достигли посмертной славы, а оставшиеся в живых должны вести себя не менее достойно. Общий мотив – счастлив

тот, кто, жертвуя своей жизнью, доблестно защитил величие своего города, – известен со времени архаики. Риторика и идеология в речи совпали идеально. Выступление Перикла построено в соответствии с главным назначением эпидейктической речи: хвалить или порицать. Ее объектами являются различного рода определения: похвалы, прославления, добродетели, красоты и т. п. Правило построения указанного вида речи: выведение заключения на основании подобных случаев. Технология построения диктовалась обстоятельствами, поскольку перед Периклом стояла задача произнести слова благодарности за подвиг и вдохновить к этому живых. Таково восприятие организации текстовой формы, обозначающее ее прямое значение.

Глубинное понимание непрямого значения связано с раскрытием дополнительных смыслов и подтекстов. Это связь с контекстом в широком смысле значения. Одним из главных смыслов речи считают идеализацию Периклом общественного строя афинян и их роли в Элладе. Вопрос в том, соответствовал ли образ демократии в речи Перикла действительной практике общественной жизни Афинского полиса. Для ответа необходимо обратиться к пониманию сущности демократии того времени. Главный признак демократии – «правление большинства» – выражен следующими словами Перикла: «И так как у нас городом управляет не горстка людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством (демократией)»¹¹.

Глубоко прав М.С. Корзун, утверждая, что «...современный историк не может и не должен пройти мимо этого определения, отражающего существование в Афинах противоречивых отношений внутри господствующего над рабами гражданского коллектива, которые можно охарактеризовать как противоборство двух основных, непримиримых группировок – демократической и олигархической»¹².

Естественно, что именно определение сущности демократии становится исходным началом для выяснения степени идеализации, допущенной Периклом. Признак «правления большинства» выступает у Фукидида главным признаком демократии. Главным он является и для олигархически настроенного автора «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта. Однако порядок, при котором «простому народу жилось лучше, чем благородным»¹³, вызывает его откровенное неодобрение.

О сдержанном отношении Фукидида к демократии свидетельствует сравнительно пониженное внимание к двум существенным ее признакам: свободе и равноправию. Эти понятия встречаются в лексике речи, но их роль менее заметна. Подобная позиция подверглась основательной критике со стороны отнюдь не ярого приверженца демократии Аристотеля. Он критикует Фукидида следующим образом: «...тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий»¹⁴.

Характеризуя общественную и частную жизнь афинян, Фукидид обращается к такому признаку демократии, как равноправие, отмечая, что в частной жизни не существовало различий между гражданами. Иной была ситуация в общественной жизни, где равноправие определялось отношением к институту гражданства, а среди граждан оно зависело от имущественного ценза. Подобная зависимость была определена еще законами Солона. Ограничения по цензу касались лишь занятия государственных должностей. Не менее важным общественным правом была свобода слова (исегория), которую справедливо «можно считать одним из выдающихся достижений античной демократии»¹⁵.

Далее Фукидид выясняет соотношение определяющих факторов общественной жизни. Что важнее: поддержка политической партии или доблесть человека? Симпатии автора явно на стороне личностных характеристик: выбор останавливается на доблести. Как влияла внутренняя политическая борьба на судьбы человека и общества видно из понимания конечных причин гибели демократии в Афинах. По Фукидиду, главное качество образа жизни – это свобода политической деятельности в государстве, равноправие перед законом в частной жизни, отсутствие подозрительности и раздражительности в повседневной жизни.

Неотъемлемая часть образа жизни – ее ритм: чередование труда и отдыха. Отсюда вполне понятное обращение к состязаниям и жертвоприношениям, которые, помимо непосредственного религиозного и спортивного значения, играли роль регулятора общего психологического равновесия общества. Многообразное «отдохновение от трудов», благопристойность домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняло уныние, – такова характеристика мирного отдыха. Аналогичный прием чередования картин мирного труда и отдыха мы встречаем в описании щита Ахилла Гомером.

Естественно, что в условиях войны многие качественные стороны жизни афинян получают интерпретацию в свете военного прагматизма. Открытый характер государства связывается с воинской отвагой, а не с боевой подготовкой и военными хитростями. Фукидид подробно сравнивает военную тактику и стратегию афинян и лакедемонян, противопоставляя две системы воспитания молодого поколения.

Дальнейшее сравнение общественной и частной жизни идет по следующим критериям: красота и мудрость, бедность и богатство, величайшая отвага и зрелое обсуждение задуманного. Здесь мы обнаруживаем связь с военной лексикой, ключевое слово которой «превосходство» над противником.

Суть могущества афинского государства раскрывается на протяжении всей речи Перикла: во вступлении это понятие представлено ключевыми словами «доблесть», «могущество» и «великая держава», в основной части речи смысловой доминантой вновь выступают понятия «доблесть», «превосходство», «могущество», «счастье». Заключительная часть речи также содержит подобную логику мышления с еще большим усилением акцента на «доблести». Это качественные показатели военного, экономического, политического состояния афинского общества и его образа жизни в военное время. «Долг», «родина», «мужество» – понятия, составляющие эмоционально-смысловые признаки «доблести». Во всей речи история афинян предстает в трех временных измерениях: прошлое – приобретение свободы, настоящее – величие и могущество города, будущее – вечные памятники бедствий и побед; все объединяет доблесть человека. После прославления демократического образа жизни следует ремарка пророческого предсказания: «Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам»¹⁶.

Таков глубинный уровень понимания речи Перикла в передаче Фукидида. Применение структурно-композиционного анализа дает основу для пересмотра ее общей характеристики как панегирика. Исследуемый материал содержит не столько идеализацию действительности и ее приукрашивание, сколько описание реальности в сочетании с идеальной нормой, которой стремится соответствовать человек гражданского общества.

Реальность же такова, что, по словам Перикла, «...в нашем государстве мы живем свободно... Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинемся властям и законам, особенно установленным в защиту обижаемым, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным»¹⁷. Итак, вектор социального действия (коммуникации) человека

пролегал через реальность к идеальной норме – «самодостаточному» состоянию личности и государства. Заметим, что военная сфера деятельности не исключение из этой общей линии развития человека, а ее подтверждение.

Представление об идеальной норме было общим для духовной жизни греков. Достаточно вспомнить творчество Софокла, где люди изображались такими, какими они должны быть. Идеальны образы героев Троянской войны у Гомера. Идеален образ гражданина в творчестве скульптора Поликлета, в модели государства Платона. Вполне вероятно, что здесь мы встречаемся с конкретизацией универсального понятия гармонии через взаимодействие противоположных начал, разработанного еще философами архаической эпохи. Одним таким началом была идеальная норма, выраженная собственной мыслью; другим – реальность, а идеализация представляла собой движение от второго состояния к первому.

Мысль о единстве и противоположности теории и практики в античной демократии стала предметом исследовательского внимания в современном антиковедении. В монографии Л.П. Маринович «Античная и современная демократия» об этом сказано с большой убедительностью. «Античность оставила современному миру не только принципы демократии, но и показала, как они могут быть реализованы, насколько близко практика может приближаться к теории или удаляться от нее, какие коллизии следует считать изначально заложенными в народовластии и какие условия создают их те или иные модели»¹⁸.

Подобный подход позволяет увидеть новые грани общественного развития древних греков во время наивысшего развития демократии, в частности помогает осмыслить взаимосвязь идеализации, идеальной нормы и исторической реальности в лексике политического мышления древних греков времени Пелопоннесской войны. Традиционная критика источников, дополненная методом структурно-композиционного анализа, позволяет говорить о неразрывности взаимосвязи войны и мира в судьбе античного человека. Это вполне естественно, поскольку и Пелопоннесская война, и наивысший расцвет могущества Афинского рабовладельческого государства относятся к одному периоду. Диалектика войны и мира у Гераклита раскрыта следующим образом: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными»¹⁹. Однако, если перейти к оценке войны и мира в жизни греков, то их диалектика в мировоззрении эпохи античности очевидна.

Практический реализм этих отношений отмечен в современной критике мифологии. «Военное противостояние богов у Гомера, их позиция – яркое подтверждение того, что война есть продолжение политики иными средствами, а в политике нет места морали, здесь царит одна только целесообразность»²⁰. Прагматика целесообразности особенно четко проявилась во время Пелопоннесской войны, когда религиозные факторы использовались в идеологической и дипломатической борьбе как накануне, так и во время войны. Непреодолимые противоречия между демократическими и олигархическими силами привели к кризису греческую демократию, а Пелопоннесская война принесла ей невозможные потери. В этой ситуации «партия религиозной реакции» не представляла собой какой-либо третьей силы, независимой от политической ситуации. В данном случае реальность и идеальная норма, теория и практика оказались диалектически взаимосвязаны.

В итоге необходимо особо подчеркнуть историческую обусловленность, динамику развития, уникальность и ценность античной демократии, что нашло отражение в диалектике идеалов и практике общественного бытия последующих эпох.

- ¹ Тронский И. М. История античной литературы: Учеб. для ун-тов и пед. ин-тов. 1-е изд., испр. и доп. М., 1983. С. 103.
- ² Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до нашей эры. Мн., 1975. С. 5.
- ³ Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы: Курс лекций. М., 2001. С. 52.
- ⁴ Сидорцов В. Н. Методы исторического исследования. Мн., 2000. С. 137–145.
- ⁵ Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учеб. пособие. Мн., 1997. С. 27.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сидорцов В. Н. Указ. пр. С. 139.
- ⁸ Красных В. В. Свой среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 149.
- ⁹ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 128.
- ¹⁰ Фукидид. История. II, 34–46 // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 180.
- ¹¹ Там же. С. 180.
- ¹² Корзун М. С. Указ. пр. С. 5.
- ¹³ Псевдо-Ксенофонт. Афинская политика // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 91.
- ¹⁴ Аристотель. Политика. VI, 7 // Античная демократия... С. 159–163.
- ¹⁵ Маринович Л. П. Указ. пр. С. 144.
- ¹⁶ Фукидид. Указ. пр. С. 182.
- ¹⁷ Там же. С. 180.
- ¹⁸ Маринович Л. П. Указ. пр. С. 44.
- ¹⁹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогий до возникновения атомистики. М., 1989. С. 202.
- ²⁰ Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире): В 2 ч. Ч. 2. Античный мир. М., 2003. С. 221.

Поступила в редакцию 19.12.2003.

Николай Иосифович Миницкий – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ им. М. Танка.

Е. Д. СМЕРНОВА, С. А. РОГАЧ

КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ: ИСТОКИ ФЕМИНИЗМА*

Главной целью статьи является выделение и означивание того индивидуального «авторского места», которое занимала Кристина Пизанская, первая в эпоху Средневековья профессиональная писательница Европы. Соответственно рассматриваются основные задачи исследования: во-первых, выбор отдельных трактовок ее творчества с попыткой проведения их самостоятельного анализа, во-вторых, нахождение определенных моделей интерпретаций «феминизма/традиционализма» писательницы.

The main object of this article is an accentuation and a designation of an individual «author's place» occupied by Christine de Pizan, the first professional woman-writer in Medieval Europe. From here the principal tasks of research follow: in the first place, selection of *separate treatments* of her creation along with the attempt to realize their independent analysis, and in the second place, finding of some definite model of interpretation of «feminism/traditionalism» of the medieval woman-writer.

Шесть веков отделяют нас от времени жизни и творчества Кристины Пизанской (1364–1431), фактически первой *профессиональной* писательницы эпохи Средневековья, сумевшей открыто (или неявно) выразить свои мысли о необходимости признания достоинств и способностей женщин, не уступающих, а порой и превосходящих мужчин по многим качествам.

Для начала обратим внимание на то, что при ведении современного исторического анализа необходимо помнить, *кем* прежде и *каким образом* выработывались традиционные нормы и принципы изложения истории: по су-

* Памяти Ю. Л. Бессмертного, обратившего наше внимание на личность и творческое наследие Кристины Пизанской 20 лет назад.

ти, осуществлялось это мужчинами, являвшимися основателями европейских университетов, «отцами» академической дисциплины «История», а следовательно, и писавшими ее в соответствии с *собственными* нормативно установленными научными версиями. Если же по-новому – опираясь на гендерные теории – взглянуть на данный исторический фрагмент, возникают совсем иные интерпретации феминистских идей Кристины. Исходя из этого, попытаемся понять, что же она действительно говорила и думала об этом *в свете нашего знания* об окружавшем ее обществе.

Итальянка по происхождению, французская писательница Кристина Пизанская жила при королевских дворах Карла V (Мудрого) и Карла VI (Безумного). Необычные моменты в ее жизни обращают на себя внимание с самого момента рождения: дочь известного итальянского астролога и врача, служившего при дворе Карла V, Кристина получила прекрасное (и не только для женщин!) по тем временам образование и в 15 лет вышла замуж за знатного молодого человека (королевского секретаря). Их брак (как писала Кристина) был счастливым. Однако уже в возрасте 25 лет она становится вдовой с тремя маленькими детьми (одновременно ухаживает за своей матерью и сиротой племянницей: отец Кристины умер несколькими годами раньше)¹ и посвящает себя литературным трудам², которые и сегодня представляют интерес для многих современных историков (в том числе феминисток)*, среди которых выделяются как жесткие критики писательницы, так и ее сторонники.

Западные исследователи неоднократно обращали внимание на специфическую тактику писательницы – умение подчеркнуть свою принадлежность «иному», «женскому полу», на восприятии (по выражению блистательного философа наших дней Ж. Деррида) «феминного как метафоры иного». «...Будучи женщиной, – писала она, – я выступаю за женщин... И именно потому, что я – женщина, я могу нести более правдивые свидетельства..., чем те, у кого нет прямого опыта...»³ (Здесь и далее – перевод авторов статьи.)

Как видится нам, особенности личности Кристины Пизанской (обладавшей в высшей степени отличительным складом ума) в первую очередь проявляются в ее автобиографических трудах (трактатах и поэтических балладах), в нетрадиционных способах самовыражения. Так, в приводимых Кристиной примерах из жизни знатных женщин Средневековья встречаются совершенно нетипичные для того времени предложения по вопросам обеспечения семьи и использования ими собственных доходов⁴. Определенную роль в этом, очевидно, сыграли особенности жизни самой писательницы, а именно непрекращавшиеся длительное время судебные тяжбы, касавшиеся унаследованного от мужа имущества, так или иначе вынуждавшие Кристину обращаться к поискам средств для существования и содержания своей семьи⁵. В результате, как заметил Эрик Хикс, она стала первым профессиональным писателем Европы, получавшим деньги благодаря продаже собственных текстов⁶.

Настолько же нехарактерной для Средневековья была и позиция Кристины в отношении получения женщинами такого же образования, на которое имели право только мужчины из определенного слоя общества⁷. Еще более категорично она выступала по случаям изнасилований женщин: она первой открыто опровергла обвинения женщин в якобы стимулировании ими (по собственным желанием) агрессивных действий мужчин⁸. В своей

* Достаточно большой объем исследований (книг и статей), посвященных французской писательнице, опубликован преимущественно за рубежом. В русскоязычной литературе нам известно лишь имя одной исследовательницы. См.: Елизарова Е. Ю. Система обучения наследника престола в политической мысли Кристины Пизанской // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков: Тез. докл. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых С.-Петербурга. СПб., 1998. С. 59–60.

«Книге о трех добродетелях» Кристина, излагая программу интеллектуального воспитания женщин всех сословий и используя известные клише о «правильной манере и поведении» знатных девушек, весьма нестандартно (в сравнении с большинством средневековых и многих последующих авторов) оправдывает (!) их «неправильное поведение», объясняя существующие негативные трактовки тенденциозной, предосудительной настроенностью мужчин⁹.

Таким же кардинальным отличием Кристины от других авторов средневековых текстов выступает самое последнее из найденных ее произведений – «Слово о Жанне д'Арк» (1429). Поэма была написана сразу после коронации французского дофина: рядом с традиционным для средневековых произведений правилом воспеания короля в ней звучали абсолютно отличные строки Кристины с акцентом на принадлежность Жанны к *женскому* полу (а не стандартное приписывание ей «бесполой» святости) с соответствующим требованием признания *силы* и *чести* женщин (что выступало за рамки традиционного стереотипического разделения «мужских» и «женских» качеств)¹⁰.

Показателем профессионального роста Кристины явилось ее участие в «споре о женщинах» ('querelle des femmes') по поводу «Романа о Розе»¹¹. Первую часть, написанную Лорисом, Кристина, используя сравнительный прием, рассматривает в качестве положительного примера, а его продолжение, автором которого являлся Жан де Мен, – как непристойное оскорбление женщин. Подобные тексты (не только «Роман о Розе», но и, например, «Lamenta» французского писателя-«женоненавистника» Матеолуса)¹², по мнению Кристины, являются недостойными и оскорбительными, а обвинение женщин в якобы постоянно живущем в них всех чувстве зависти не лучшим образом характеризует самих мужчин. На фоне дошедших до нас письменных текстов позднего Средневековья эмоциональные слова Кристины являются ярким подтверждением ее радикального протеста против множества оскорблений, обид и обвинений, адресованных средневековым женщинам теми мужчинами, которые (говоря резкими словами самой Кристины) общались в своей жизни только с подобными им распутными особами либо клеветали на женщин из-за своих предрассудков или из-за потери своих мужских «способностей»¹³.

Как пишет Моурин Киллиган, Кристина во всем проявляла себя «другой», сквозь «решето» обычных, традиционно прописываемых моделей и «норм» в ее текстах постоянно проступали личные требования и взгляды: «...ее собственная интервенция была настолько агрессивным мыслительным актом и была так хорошо организована, что можно... удивляться, была ли это та самая сила, которая представляет собой главный смысл критических текстов средневековой литературы»¹⁴.

Посредством литературной атаки Кристина попыталась разрушить многочисленные обвинения в адрес женщин (о якобы чрезмерной «женской болтливости», «похоти», «лживости» и других, о чем уже было сказано выше) и, более того, направить их на мужчин, которые, как оказывается, сами не допускают «второй пол» в поле своих действий, в сферу обсуждения различных точек зрения и, что самое главное, во властные структуры. В данном контексте нам хотелось бы обратить внимание на статью Лилиан Дюлак «Авторитет в прозаических трактатах Кристины Пизанской: речь писателя, слово принца»¹⁵, посвященную особенностям взаимоотношений Кристины с властью и вопросам взаимности и обратимости контактов и отношений между европейскими интеллектуалами и первыми фигурами государства (конец XIV – начало XV в.), и попробовать разобраться в позиции Кристины. При этом следует учитывать, что для большинства нерелигиозных текстов Средневековья характерным было либо обязательное присутствие в них образов власти в качестве негативных «актеров» либо как объ-

ектов, требующих восхваления. Отметим, что Кристина в своих текстах, посвященных высшим авторитетным лицам государства (в наибольшей степени это проявилось в трактате о Карле V), как «дитя» своего времени воспеваает и оправдывает любые деяния королей. Но (!) вместе с тем ее неординарность проявлялась и здесь: в отличие от других текстописцев Средневековья она старается опереться на те или иные моменты своего личного опыта, что, с одной стороны, говорит о ее психологической глубине, а с другой – об автобиографической направленности*. Вокруг восхвалений и од, посвященных королям или другим персоналиям из высших иерархических структур, Кристина умело демонстрирует свою собственную эрудированность, глубину знаний и интеллектуальные способности. В «Книге о Карле V» она использует принятую несколько ранее технику подати себя как автора («Je, Christine»), одновременно усиливая прием самозащиты и открыто указывая на себя как на женщину. Однако здесь же заметно и ее опасение в недостаточном к себе доверии со стороны авторитетов-мужчин из-за ее принадлежности к «слабому, неразумному женскому полу»¹⁶. Другими словами, своим вторжением в закрытую для женщин территорию письменного политического текста, загороженного как социальными, так и сексуальными барьерами, Кристина незаметно для самой себя высвечивает противоречие, проецируемое в акцентировке авторского индивидуализма, с одной стороны, и традиционной «женской слабости» – с другой¹⁷.

В этом же трактате она впервые приводит в качестве примера идеальной человеческой жизни аллегорию процесса ее «укладки» и «строительства из камня» (maçon)¹⁸, что в последующем послужит Кристине основой для написания самого известного ее труда – «Книги о Граде Женском» (1404–1405), в которой она подчеркивала, что женщина ни в чем не уступает мужчине по своим способностям. Таким образом, она приходит к метафорическому выводу о том, что для объединения женщин, для прекращения злословия в их адрес, для создания прочной защитной стены и для того, чтобы их голоса были услышаны, они должны построить свой собственный Город Женщин¹⁹, но реального примера этой аллегории она не находит...

Проблемы, затронутые Кристиной в ее литературных текстах, эхом откликаются и сегодня: в сущности, она коснулась таких ныне актуальных тем гендерных/феминистских исследований^{**20}, как маргинализация женщин, гендерная идентичность, мужской шовинизм (доминирование), завуалированные формы мужского насилия и сексуальные домогательства, равенство прав с мужчинами (на получение образования, оплату труда, равенство возможностей), признание интеллектуальных способностей женщин и воз-

* Доказательством уникальности стиля Кристины может послужить то, что большинству средневековых источников как письменных, так и визуальных характерна их анонимность, и лишь в эпоху Возрождения наблюдается отход от подобного способа построения текстов, а приоритетным начинает выступать принцип индивидуализма. Психологическая же специфика стиля Кристины проявляется в ее «женском авторстве», где главной особенностью является, во-первых, ее личностно-эмоциональная настроенность, а во-вторых, умение приводить в своем письме автобиографические примеры (с акцентом на различные моменты семейной жизни).

** Незаработанность дефиниций и отсутствие единого мнения о том, что такое «гендер», «феминизм», «гендерные исследования», «женская история» и пр., невольно приводят к разночтению в толковании. Мы предлагаем отталкиваться от мнения Н.Л. Пушкаревой, ограничивающей предмет «женской истории» изучением «прекрасного пола» (в этом смысле «женская история» – часть новой науки феминологии, изучающей совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцию ее социального статуса и функциональных ролей. Временем рождения исторической феминологии или, попросту говоря, «истории женщин» стали 70-е гг. XX в. Первые работы по «истории женщин» выполнялись в рамках объявленной в США особой научной программы, названной «Women's studies»). «История женщин» была четко отделена от «истории мужчин» и сопровождалась готовностью заменить общеупотребительный термин «history» (который можно прочитать и как «his-story», дословно – «его история», «история мужчины») новым термином «her-story» (т. е. «ее история», «история женщины»). Гендерная история (или гендерный подход к истории, что, в сущности, одно и то же), хотя и не исключает «истории женской», избирает предметом своих исследований «диалог полов» в «диалоге времен».

возможность их вторжения в закрытые для них «территории» политики и власти; изменение модели взаимоотношений полов (основанных на стереотипе «господства» мужчин и «подчинения» женщин) и мужской психологии (женское как негативное, мужское как позитивное).

Обобщая сказанное и несмотря на то, что большая часть работ, написанных Кристиной, были посвящены мужским фигурам Средневековья (королям и мужчинам из знати) и «только небольшое количество» – женщинам²¹, можно утверждать, что Кристина действительно может быть названа первым образцом западного феминизма. Данная статья в этом смысле является первой в Беларуси попыткой толкования имплицитно свернутых (то слабо, то ярко проступающих), но радикальных для того времени *феминистских* идей Кристины Пизанской. Хотя ни в XIV в., ни в XV в. самого термина «феминизм» еще не существовало: «...вплоть до девятнадцатого века феминизм [явно] не достигал определенности в своих требованиях»²². Феминистки и суфражистки первой волны (т. е. те, кто создавал первые женские организации) появились во второй половине XIX – начале XX в. и выступали за равенство прав с мужчинами на получение образования, на участие в политической жизни, на равную оплату труда и т. п. В начале 1960-х женщины практически повсеместно добились своих прав и были вынуждены принять условия мужской игры, поэтому феминистки второй волны – начала 1960-х – поставили вопрос о равенстве возможностей реализовывать права, потребовали впустить «второй пол» во властные структуры. В своей статье мы сознательно не затрагивали те причины, которые «сделали» Кристину феминисткой. Возможно, одна из них проступает в постоянно проигрываемых ею переживаниях личной жизни: «Одним-одна, стою перед стеною // Одним-одна, гляжу в окно уныло» или «Когда бы я не свиделась с Палладой (греч. Богиня мудрости, справедливой войны считалась покровительницей женского труда и науки), то радостей и благ была б чужда... Поскольку нет мне счастья от Юноны (лат. Римская богиня брака и материнства)...»

¹ См.: Pisan Ch. de. Le livre de l'advison Christine / Ed. par L. Dulac et Ch. Reno. Paris, 2001.

² См.: Ibid; Pisan Ch. de. Le livre de trois vertus / Ed. par Ch. C. Willard et E. Hicks. Paris, 1989; Pisan Ch. de. Cent Ballade d'amant et de dame / Ed. par J. Cerquiglini. Paris, 1982; Pisan Ch. de. Le livre du chemin de long estude. Geneve, 1974; Pisan Ch. de. Le livre de la mutation de fortune. 4 vol. / Ed. par S. Solente. Paris, 1959–1964; Pisan Ch. de. The Book of the City of Ladies / Transl. by E.J. Richards. New York, 1982 (последняя книга была нам любезно предоставлена петербургским медиевистом Ю.П. Малининым); Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском» // «Пятнадцать радостей брака» и др. соч. фр. авторов XIV–XV вв. М., 1991; Кристина де Пизан. Баллады // Семь веков французской поэзии / Пер. с фр.; Сост., вступ. ст., справки об авторах Е.В. Витковского. СПб., 1999. С. 29–31.

³ Pisan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401' // Women Imagine Change: A Global Anthology of Women's Resistance From 600 B.C.E. to Present / Ed. by E.C. DeLamotte, N. Meeker and J. O'Barr. New York; London, 1997. P. 287.

⁴ См.: Pisan Ch. de. Le livre de trois vertus. P. 201–204.

⁵ Pisan Ch. de. Cent Ballade d'amant et de dame. Paris, 1982; Pisan Ch. de. Le livre du chemin de long estude; Pisan Ch. de. Le livre de la mutation de fortune; Pisan Ch. de. Le livre de l'advison Christine.

⁶ Hicks E. Situation du debat sur le 'Roman de la Rose' // Une femme de Lettres au Moyen Age. Etudes autour de Christine de Pizan / Articles inedits reunis par L. Dulac et B. Ribemont. Orleans, 1995. P. 51–52.

⁷ См.: Pisan Christine de. The Book of the City of Ladies. P. 153–155.

⁸ См.: Ibid. P. 160–164.

⁹ См.: Pisan Ch. de. Le livre de trois vertus. P. 139–147.

¹⁰ См.: Pisan Ch. de. Le Ditie de Jehanne d'Arc // <http://www.geocities.com/Athens/Pantheon/3322/ditie.html>

¹¹ См.: Лорис Г. де, Мен Ж. де. Роман о Розе / Пер. со старофр. Н.В. Забатуровой. Ростов н/Д., 2001.

¹² Pisan Ch. de. The Book of the City of Ladies. P. 3, 7.

¹³ См.: Pisan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401'. P. 285–287.

¹⁴ Killigan M. The Allegory of Female Authority. Christine de Pizan's 'Cite des Dames'. Ithaca & London, 1991. P. 4.

¹⁵ См.: Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan: discours d'ecrivain, parole de prince // Une femme de Lettres au Moyen Age. P. 15–24.

¹⁶ Pizan Ch. de. Livre des fais du sage Roy Charles. 1, Prologue // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France, avec notice litteraire / Par J.-A.-C. Buchon. Paris, 1838. T. 11. P. 210; Ibid. 1, XIX. P. 224; Ibid., 2, XX. P. 256–257.

¹⁷ Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan... P. 17.

¹⁸ Pizan Ch. de. Livre des fais du sage Roy Charles. 2, XX. P. 256–257; См. также: Dulac L. L'autorite dans les traites en prose de Christine de Pizan... P. 20.

¹⁹ См.: Pizan Ch. de. The Book of the City of Ladies.

²⁰ См. подробнее: Пушкарева Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях: прошлое, настоящее, будущее // ГендерLAND. 1997. № 1(5). С. 2–3; Она же. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1. С. 277–311. Не меньший интерес для медиевистов (которые, кстати, первыми поддержали «женскую историю») представляют работы Л.П. Репиной по исследованиям истории женщин средневековой Европы. Назовем лишь некоторые: Репина Л.П. «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 103–109; Она же. История женщин сегодня: Историографические заметки // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 35–73.

²¹ См.: Ferrante J. M. To the Glory of Her Sex: Women's Roles in the Composition of Medieval Texts. Bloomington, 1997. P. 176–177.

²² Gottlieb B. The Problem of Feminism in the Fifteenth Century // Women in the Medieval World / Ed. by J. Kirshner and S.F. Wemple. Oxford; New York, 1985. P. 359–360.

Поступила в редакцию 09.09.2003.

Елена Дмитриевна Смирнова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.

Снежана Александровна Розач – преподаватель истории информационно-экономической гимназии № 149 г. Минска.

С.С. ШАФАЛОВИЧ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСОБОЙ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫМ СОЮЗОМ (ХСС) И ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ СОЮЗОМ (ХДС) ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940–1950-х гг. И ИХ СУЩНОСТЬ

Рассматриваются причины, обусловившие особый статус ХСС в рамках партийно-парламентского блока ХДС/ХСС и основные аспекты его двойственной институциональной роли.

The reasons for getting a special status of Christian Social Union inside the political parliamentary block and the main aspects of its dual institutional role are observed.

Развитие взаимоотношений двух христианских партий, (на протяжении почти всей своей истории) выступающих в едином партийно-парламентском блоке ХДС/ХСС, было обусловлено целым рядом факторов исторического, внутривнутриполитического, общественно-экономического и идеологического характера и от этого во многом неоднозначным и противоречивым.

Во второй половине 1940-х гг. в Германии происходило организационное оформление политических сил христианско-демократического лагеря в прообразе будущего ХДС. В Баварии возникло местное политическое объединение, которое заявило о своей самобытности и выдвинуло претензии на особые отношения с главной организацией. Опираясь на сложившиеся здесь исторические и партикулярные традиции, Христианско-социальному союзу удалось утвердиться в политической системе страны в качестве самостоятельной партии, несмотря на схожие идейные и политические установки с ХДС и вопреки объективным консолидационным тенденциям. К историческим особенностям Баварии всегда относился отсталый аграрный характер местного хозяйства, обусловивший преобладание здесь патриархального крестьянства, всегда отличавшегося своим консерватизмом и

католицизмом. Отмеченная специфика резко отличала Баварию от остальных немецких земель и создавала почву для различных спекуляций на предмет конфессиональной, ментальной и даже этносоциальной идентичности этого региона¹. К тому же не минуло и века с тех пор, как Бавария, имевшая долгую историческую традицию существования в качестве независимого королевства, «железом и кровью» была включена в состав единого немецкого государства. Поэтому в среде коренного населения всегда наблюдались сильные монархические и сепаратистские настроения. Все указанные предпосылки обусловили формирование в этом регионе самобытной партикуляристской традиции. Так, во времена Веймарской республики наряду с главной политической организацией католиков – партией Центра в Баварии существовала Баварская народная партия, которая являлась ее младшим союзником. Обе организации связывала лишь совместная деятельность в объединенной парламентской фракции. Именно такую форму межпартийного сотрудничества взяли за основу функционеры ХСС при оформлении отношений с ХДС. Среди прочих причин, обусловивших самостоятельное развитие ХСС, следует назвать и непоследовательную политику американских оккупационных властей в отношении будущего государственного устройства немецких земель. В первые послевоенные годы ими был взят курс на территориальное разделение Германии, следствием чего стало официальное объявление 2 сентября 1945 г. о восстановлении государственной независимости Баварии. Такое решение содействовало росту про-баварских настроений среди местной политической элиты, которая и провозгласила о создании самобытного ХСС². Впоследствии в политике западных властей на контролируемых ими территориях возобладали объединительные тенденции, однако они не смогли остановить стремление новой политической партии к достижению максимальной самостоятельности. Позже отмеченные тенденции дополнились целым рядом обстоятельств, способствовавших развитию этого процесса.

С момента основания в Христианско-социальном союзе сформировались два противоположных крыла. Большинство партии придерживались баварских партикуляристских традиций и подвергали сомнению целесообразность вообще какого-либо сотрудничества с христианско-демократическими организациями. Сторонники председателя партии Йозефа Мюллера стояли на умеренно центристских позициях и рассматривали свою партию в качестве автономной составляющей будущего ХДС. Будучи политиком общегерманского масштаба, Й. Мюллер принимал активное участие в процессах политического обустройства Германии. По его инициативе ХСС и приступил к реализации практического сотрудничества с ХДС. Летом 1946 г. на встрече христианско-демократических организаций в Кёнигштайне было объявлено о создании «Рабочего содружества ХДС и ХСС в Германии» в целях координации совместных действий на межзональном уровне. Однако нежелание большинства баварских политиков даже чисто формально согласовывать свои действия с кем бы то ни было привело к тому, что реальное взаимодействие начало осуществляться лишь после второй кёнигштайнской встречи в феврале 1947 г., когда был сформирован единый руководящий орган. Но и после этого сотрудничество носило во многом номинальный характер, поскольку из-за противоречивой политики оккупационных властей в Германии и личных амбиций руководителей земельных организаций такое межзональное объединение могло лишь в незначительной степени выполнять возложенные на него интеграционные функции. В 1950 г. в своем докладе бывший генеральный секретарь «Содружества» Бруно Дёрпингхауз вынужден был констатировать, что уже в 1948 г. «вся активная объединительная деятельность во всех четырех зонах закончилась»³.

«Рабочее содружество ХДС и ХСС» было реанимировано в преддверии первых западногерманских парламентских выборов в целях выработки общей программной платформы и координирования совместной избирательной кампании. В форме такого своеобразного межпартийного альянса ХДС и ХСС добились первого крупного политического успеха, превзойдя по итогам выборов СДПГ и сформировав первое коалиционное федеральное правительство. Однако тесная совместная работа представителей обеих партий в государственных органах власти не привела к более тесной структурной интеграции ХСС в ХДС, а, наоборот, послужила еще большему организационному дистанцированию. Вскоре после выборов в бундестаге была создана самостоятельная баварская фракция, получившая название Земельной группы ХСС в Бонне. Она в качестве автономной единицы образовала совместную фракцию с парламентской группой ХДС. «Рабочее содружество ХДС и ХСС в Германии» вообще прекратило свое существование, а его функции частично перешли к «Фракционному содружеству ХДС и ХСС», которое являлось лишь парламентским союзом двух христианских партий с целью координации совместных действий в законодательных институтах. На земельном уровне два христианских союзника заключили соглашение, согласно которому ХСС ограничивал свою деятельность территорией Баварии, а ХДС обязывался не создавать здесь своего филиала. На федеральном уровне ХСС благодаря альянсу с ХДС закрепил за собой двойственное институциональное положение и завладел особым статусом в западногерманской партийно-политической системе. Основной формулой взаимоотношений с главным «Союзом» у его младшего партнера вскоре стало понятие «конкурирующая кооперация», а их характер определили растущие противоречия⁴. Охлаждение между партнерами по блоку дошло даже до того, что на второй съезд ХДС в 1952 г. ХСС не отправил ни своих наблюдателей, ни даже приветственного письма⁵.

Такую тенденцию в отношениях между двумя «родственными» партиями в конце 1940-х – начале 1950-х гг. обусловили несколько факторов. Большое влияние на политику ХСС оказала деятельность созданной в 1948 г. Баварской партии (БП). Эта организация носила крайне традиционалистский и моноконфессиональный характер и была ориентирована на коренное население аграрных районов исторической Баварии. БП выдвинула, и не без успеха, претензии на занятие той ниши в местной политической системе, которую занимал ХСС. Номинально межконфессиональный характер ХСС и центристские устремления его руководства, а также активное участие последнего в общегерманском государственном устройстве с подозрением воспринимались местными избирателями, которыми во главу угла ставились земельные интересы. Баварская же партия с ее про-монархическими и про-баварскими замашками наиболее полно соответствовала чаяниям данной категории граждан, которые оказали ей существенное доверие уже на коммунальных выборах в том же 1948 г. В создавшихся условиях между ХСС и БП развернулась ожесточенная конкуренция за право называться выразителем «истинно» баварских интересов, что вынуждало Христианско-социальный союз переходить на все более правоконсервативные и крайние федералистские позиции. Внутри партии уже давно велась бескомпромиссная борьба между сторонниками либерального и традиционного направлений, которая привела к тому, что в конце 1946 г. на пост главы земельного правительства был избран Ханс Эхард, а не действующий председатель правящей партии Й. Мюллер. Успехи Баварской партии обострили до предела и без того напряженную ситуацию в ХСС. На первых общегерманских парламентских выборах БП сумела заручиться 25 % баварского электората и сенсационно вошла в федеральный парламент. Лишь категорически отрицательная позиция ХСС помешала ее представителям войти в

коалиционное федеральное правительство⁶. Такое развитие событий привело к переходу в ряды своего основного политического конкурента некоторых видных деятелей ХСС. Другая часть функционеров вознамерилась создать Баварскую крестьянскую партию, отделившись от головной организации. В этой тяжелой политической ситуации выход был найден в смене партийного руководства. Преемником Й. Мюллера на посту председателя ХСС в декабре 1949 г. стал Ханс Эхард, который был более компромиссной фигурой для противоборствующих сторон и в то же время являлся приверженцем более консервативной про-баварской политики. При его правлении произошла переориентация партийных приоритетов в пользу земельной политики на региональном уровне и политики организационного дистанцирования от ХДС – на федеральном.

Следующим фактором, обусловившим самостоятельное развитие ХСС, был организационно-политический. До самого конца 1940-х гг. ХДС существовал лишь на уровне своих земельных филиалов и представлял собой конфедерацию последних, в каждой из которых влиятельные партийные боссы заботились лишь о собственных интересах⁷. Этот момент серьезно сдерживал интеграционные потуги руководства ХДС. Организационное слияние с таким децентрализованным объединением было для амбициозного и сверхцентрализованного ХСС малопривлекательным и неприемлемым. У руководства христианских демократов практически отсутствовали серьезные рычаги для оказания влияния на своего младшего партнера. Создание федеральной организации Христианско-демократического союза произошло только в 1950 г. на первом партсъезде в Госларе. К тому времени вопрос о форме взаимоотношений с ХДС в самом Христианско-социальном союзе уже не стоял. Более того, консолидация ХДС привела к ответной защитной реакции со стороны ХСС, выразившейся во всяческом подчеркивании своего специфического характера и особого положения во взаимоотношениях с ХДС. Баварским политикам сыграло на руку и то, что даже после своего учреждения ХДС до середины 1960-х гг. так и не создал достаточно централизованной структуры и был далек от идеала современной политической организации. До начала 1960-х гг. ХДС не имел даже единой штаб-квартиры. Представительство ХДС в Бонне располагалось в 11 различных зданиях, принадлежащих его соответствующим земельным филиалам. Долгое время Христианско-демократический союз оставался организацией старого типа и не имел эффективной централизованной структуры. С одной стороны, такому положению способствовала сама идея межконфессионального и внесловного народного союза, причем на федеративных началах. С другой стороны, политические и экономические успехи федерального правительства во главе с Конрадом Аденауэром обеспечивали его партии широкую поддержку избирателей и гарантировали уверенные победы на парламентских выборах, что избавляло ХДС от необходимости поиска внутренних ресурсов для дальнейшего развития. Недаром Христианско-демократический союз в эпоху всемогущего канцлера характеризовали как «партию Аденауэра»⁸. Руководящие структуры ХДС того времени практически полностью коррелировались со структурой госаппарата, и все организационные вопросы решались узким кругом приближенных канцлеру лиц. Совершенно иная ситуация сложилась в ХСС. В середине 1950-х гг. на выборах в земельный ландтаг его основные конкуренты объединили свои усилия и образовали так называемую «Коалицию 4-х», вытеснив тем самым ХСС в оппозицию. Причиной такого развития событий стали как политические просчеты партийного руководства, так и недостатки организационного плана. Новый председатель партии Ханс Зайдель и его команда стали последовательно исправлять допущенные ошибки и основные усилия направили на модернизацию партийной организации, реформирование партаппа-

рата. За короткое время численность первичных организаций выросла до 200, значительно превзойдя по плотности аналогичные структуры ХДС⁹. Своей сетью ХСС охватил практически каждую сельскую общину и создал условия для максимального привлечения избирателей. Важным элементом процесса преобразований в ХСС стало многократное увеличение числа официальных партийных чиновников. Работа на общественных началах была ограничена только вспомогательной деятельностью во время предвыборной кампании. ХСС стал наподобие СДПГ «партией функционеров»¹⁰. Была разработана централизованная система ротации кадров, введены федеральные избирательные округа и пост генерального секретаря, отвечающего за всю организационную работу. Роль последнего постоянно возрастала, а функции расширялись. Кроме того, при ХСС была создана сеть партийных организаций: рабочие кружки по территориальному и профессиональному признаку, христианский профсоюз, молодежная организация «Молодой Союз» как кузница партийных кадров и др. Проведенные мероприятия содействовали преобразованию ХСС в массовую, централизованную, функционально дееспособную партию с эффективным аппаратом, который состоял из квалифицированного персонала¹¹. Все это выгодно отличало баварский Союз в глазах простых избирателей и позволяло на равных выступать с ХДС.

Немаловажное значение для ХСС и для Баварии в целом имела собственная экономическая политика, основанная на устранении традиционных диспропорций в структуре народного хозяйства и общей модернизации с помощью современных технологий, что вступало в противоречие с приоритетными направлениями федерального курса. ХСС, исходя из своих убеждений и экономической необходимости, проводил политику выраженного сословного и аграрного протекционизма в соответствии с местной общественно-экономической структурой, основу которой составляли сельскохозяйственный сектор и средняя промышленность. В идеологическом плане ХСС провозглашал себя выразителем интересов среднего сословия и всячески отстаивал соответствующие принципы в практической деятельности. Такая позиция баварского Союза диссонировала с политикой федерального правительства, которое делало ставку на поддержку и развитие крупной промышленности. Во второй половине 1950-х гг. баварское земельное правительство занялось осуществлением собственной энергетической политики, которая была вызвана необходимостью поиска дополнительных и по возможности альтернативных энергетических ресурсов для обеспечения процессов ускоренной индустриализации и структурной модернизации местной экономики. Баварское министерство экономики организовало консорциум, куда вошли крупнейшие мировые нефтяные компании, задачей которого была реализация уникального проекта по проведению в Баварию через Альпы нескольких нефтепроводов от средиземноморских портов и создание на ее территории нескольких нефтеперерабатывающих заводов. До конца 1950-х гг. этот проект осуществился и тем самым были сняты преграды для дальнейшей индустриализации. Такая политика земельного руководства шла вразрез с экономическим курсом федерального правительства, чьи основные усилия направлялись на развитие угольной и химической промышленности в земле Северный Рейн – Вестфалия. Наличие же собственного представителя на федеральном уровне в лице ХСС гарантировало Баварии лоббирование и защиту ее экономических интересов. Благодаря успешной экономической и социальной политике ХСС, которой Бавария была обязана своим динамичным развитием в этот период, Христианско-социальному союзу удалось монополизировать государственную власть в регионе и выступать в качестве гегемона в баварской партийно-политической системе.

Важной отличительной особенностью ХСС являлась его идеологическая составляющая. Несмотря на схожие мировоззренческие установки, ХСС, в

отличие от ХДС, представлял собой партию с выраженной правоконсервативной ориентацией, что обуславливалось, как уже было сказано выше, общественно-исторической традицией и особенностями местного менталитета, а также новой социально-демографической ситуацией. В первые послевоенные годы в Баварию хлынул огромный поток немцев-переселенцев, составивших впоследствии до 25 % всего баварского населения, по своим политическим воззрениям настроенного реваншистски и националистически. Пополняя ряды ХСС, в том числе и руководящие органы партии, эта категория граждан, безусловно, вносила в его характер дополнительный специфический мотив. В первые послевоенные годы представители новых слоев населения создали влиятельную политическую организацию «Союз изгнанных и лишенных прав», которая до начала 1960-х гг. играла большую роль в политической системе Баварии. В середине 1950-х гг. ХСС в первый и последний раз на три года оказался в оппозиции к коалиции четырех конкурирующих с ним партий. Неблагоприятная ситуация была преодолена благодаря выходу из «Коалиции 4-х» «Союза изгнанных» и заключению коалиционного договора с ХСС в 1957 г. С этого времени в баварском Союзе отношениям с эмигрантскими организациями уделялось большое внимание¹². На рубеже 1960-х гг. «Союз изгнанных» прекратил свое существование, а члены этой организации в полном составеполнили ряды ХСС. На протяжении всей последующей истории многие из них постоянно занимали важные партийные посты и существенным образом влияли на определение официального партийного курса.

В такое положение дел органично вписывалась и политическая стратегия партийного руководства, стремящегося занять свою идеологическую нишу в политической системе страны. Выдвинув лозунг «Ни одной демократической организации, стоящей справа от ХСС»¹³ ХСС начал активную абсорбционную политику в отношении многочисленных правоконсервативных группировок, порой даже крайне радикальной ориентации¹⁴. В партийных программах ХСС официально именовал себя «консервативной силой», «христианским и антисоциалистическим бастионом» с миссионерскими претензиями и стремился завоевать симпатии определенной категории граждан в целях привлечения дополнительного избирательного ресурса. В смутное время второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. позиция ХСС находила много сочувствующих по всей стране, что вылилось в появление родственных организаций в других немецких землях. На этой почве в ХСС даже обсуждалась возможность распространения Христианско-социальным союзом своей организации за пределы Баварии и создания «Четвертой партии». Однако этим планам не суждено было сбыться из-за решительной позиции руководства ХДС и из-за сомнительных политических перспектив, ставящих под вопрос не только особый статус ХСС, но и его существование в целом. Являющийся порождением региональных партикуляристских традиций, баварский Союз зависел всецело от них и был жестко ограничен средой их культивирования.

Таким образом, в отмеченный период ХСС сохранил свою организационную самостоятельность в отношениях с ХДС и институционально ее закрепил, что дало ему возможность проводить собственную политику в партийных интересах и интересах представляемой им Баварии. В целом же деятельность ХСС в отмеченный период была направлена на поддержку

¹² Так, во время серьезных дискуссий в баварском правительстве в 1973 г. по поводу подачи нормативной жалобы от Баварии в Конституционный суд на подписанный федеральным правительством «Основной договор» государственный министр Пиркль сослался на то, что эмигрантские группировки будут разочарованы, если таковая не последует (D. Blumenwitz, Die Christlich-Soziale Union und die deutsche Frage, in: Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU 1945–1995. München, 1975. S. 344). В итоге с перевесом в один голос этот вопрос был решен положительно.

общефедерального курса канцлера Аденауэра, поэтому Христианско-социальный союз того времени называют «лояльной Аденауэру партией»¹⁴. Верность баварского союзника главе христианского правительства никогда, однако, не распространялась на возглавляемый им ХДС, от которого ХСС всегда подчеркнуто дистанцировался. Уже в этот относительно бесконфликтный период обозначились предпосылки серьезных политических разногласий и межпартийных конфронтаций в лагере христианских союзников, в полной мере проявивших себя в последующем.

¹ См.: Mintzel A. Die CSU in Bayern 1945–1972. Strukturwandel einer konservativen Partei. Opiaden, 1975. S. 56.

² См.: Stammes T. Einigkeit und Recht und Freiheit. Westdeutschen Innenpolitik 1945–1955. Opladen, 1968. S. 44.

³ Becker W. CDU und CSU 1945–1950, Vorläufer, Grundung und regionale Entwicklung bis zum Entstehen der CDU-Bundespartei. Mainz, 1987. S. 192.

⁴ См.: Mintzel A. Geschichte der CSU. Ein Überblick. Opiaden, 1977. S. 92.

⁵ См.: Muchler G. CDU/CSU. Das schwierige Bündnis. München, 1976. S. 124.

⁶ См.: Wolf K. CSU und Bayernpartei. Ein besonderes Konkurrenzverhältniss 1948–1960. Köln, 1984. S. 21.

⁷ См.: Geschichte der BRD 1957–1963. Bonn, [Б. г.]. S. 153.

⁸ Haungs P. Die Christlich demokratische Union Deutschlands (CDU) und die Christlich-Soziale Union in Bayern (CSU), in Christlich-demokratische und konservative Parteien in Westeuropa. Paderborn, 1983. Bd. 1. S. 61.

⁹ Берч Г. Христианско-демократический союз без маски. М., [Б. г.]. С. 463.

¹⁰ Там же. С. 464.

¹¹ Mintzel A. Geschichte der CSU. Opiaden, 1977. S. 219.

¹² Ibid. S. 198.

¹³ См.: Ibid. S. 289.

¹⁴ См.: Fenske H. Deutsche Parteiengeschichte. Paderborn, 1994. S. 274.

Поступила в редакцию 10.10.2003.

Сергей Сергеевич Шафалович – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор П.А. Шупляк.

А.В. ГУРЫН

ВЫВУЧЭННЕ ПРАБЛЕМ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН* НА ГІСТАРЫЧНЫМ ФАКУЛЬТЭЦЕ БДУ ў 1980-я гг.

Рассматриваются основные направления научной деятельности на историческом факультете БГУ в 1980-е гг.; анализируются специализация кафедр с указанием основных публикаций сотрудников, связи факультета с зарубежными исследовательскими центрами в области международных отношений.

The article summarizes the main directions of the research carried out at the Historical Faculty of the Belarusian State University in the 1980-s, gives the analysis of the research work of its chairs as well as the specialization of the staff, their publications, the links of the faculty with other research centers on the international research.

Гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта быў створаны ў 1934 г., і ўжо ў даваенныя часы яго выкладчыкі праявілі пэўныя поспехі ў вывучэнні айчынай і сусветнай гісторыі. Нягледзячы на значныя цяжкасці, звязаныя з матэрыяльнай базай, кадравым складам, на факультэце стварыўся моцны падмурак для развіцця беларускай гістарычнай навукі. У пасляваенныя часы факультэт стаў вядучым у рэспубліцы цэнтрам падрыхтоўкі спецыялістаў адпаведнага профілю.

Развіццё беларускай гістарычнай навукі ў савецкія часы характарызаваўся пашырэннем спектра навуковых распрацовак. Яна з'яўлялася арганічнай часткай грамадствазнаўства, таму праблематыка даследаванняў у асноўным тычылася гісторыі Расіі і Беларусі, прычым савецкага перыяду;

* Артыкул прысвечаны 70-годдзю гістарычнага факультэта БДУ.

гісторыі КПСС і КПБ і г. д. У той час, калі ў агульнасавецкай гістарычнай навуцы склаліся накірункі вывучэння праблем гісторыі міжнародных адносін, у Беларусі вывучэнне азначанай тэматыкі насіла эпізадычны характар. Тым не менш у савецкія часы (асабліва ў 1960–1980-я гг.) сфарміраваліся пэўныя традыцыі вывучэння знешняй палітыкі Беларусі і гісторыі міжнародных адносін. Адным з цэнтраў згаданай дзейнасці быў гістарычны факультэт БДУ.

Вывучэнне міжнароднай праблематыкі ў названы перыяд ажыццяўлялася тут у тэматычна і храналагічна абмежаваных рамках. Асноўным крытэрыем для вызначэння пытанняў даследаванняў сталі накірункі дзейнасці вядучых супрацоўнікаў факультэта: гісторыя міжнародных адносін у Еўропе на мяжы Сярэднявечча і Новага часу; гісторыя міжнародных адносін у другой палове XIX ст., звязаная з працэсам аб'яднання Германіі; гісторыя еўрапейскіх міжнародных адносін у XX ст. міжваеннага перыяду і пасляваенных часоў.

Адным з напрамкаў працы беларускіх медыявістаў было вывучэнне міжнародных адносін у сярэднявечковай Еўропе. У 1980-я гг. у гэтай галіне плённа працаваў дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў Ю.Я. Івонін. У 1984 г. ён абараніў у Ленінградзе доктарскую дысертацыю, прысвечаную перыяду станаўлення буржуазных адносін у Еўропе¹. У манаграфіі «У истоков европейской дипломатии нового времени», выданай у тым жа годзе, аўтар прааналізаваў міжнароднае становішча на кантыненте ў XV–XVI ст., калі пачалося зараджэнне сучаснай дыпламатыі², акрэсліў галоўныя вузлы супярэчнасцей міжнародных сістэм таго часу: сутыкненне гандлёвых і каланіяльных інтарэсаў Іспаніі, Францыі і Англіі; узаемаадносінны еўрапейскіх дзяржаў і Турэцкай імперыі; барацьбу паўночных краін за падпарадкаванне прастораў Балтыйскага мора. Ю.Я. Івонін падзяляе міжнародныя адносінны ў Еўропе на два перыяды: 1) ахоплівае першую палову XVI ст., калі дыпламатычная барацьба ажыццяўлялася паміж Францыяй і Свяшчэннай Рымскай імперыяй; 2) асноўны змест у другой палове XVI ст. складалі супярэчнасці Англіі і Іспаніі³. Вынікі даследаванняў дацэнта Ю.Я. Івоніна знайшлі сваё адлюстраванне ў шэрагу публікацый⁴. Другая яго манаграфія «Становление европейской системы государств», надрукаваная ў 1989 г., стала ўдалай спробай на прыкладзе адносін Англіі і імперыі Габсбургаў разгледзець пытанні станаўлення еўрапейскай сістэмы дзяржаў, паказаць узнікненне і развіццё міжнародных супярэчнасцей у Еўропе новага часу⁵.

Шмат увагі міжнароднай праблематыцы надаваў загадчык кафедры старажытнага свету і сярэдніх вякоў Д.С. Клімоўскі, які вывучаў германа-польскія адносінны ў 1919–1939 гг., праблемы стварэння сістэмы калектыўнай бяспекі ў Еўропе. Асноўныя яго манаграфіі былі выдадзены ў 1960–1970-я гг.; артыкулы, надрукаваныя ў пачатку 1980-х гг., характарызавалі сувязі нямецкіх і польскіх камуністаў у 1930-я гг., пашырэнне антыпольскіх настрояў у Германіі ў тыя ж часы⁶.

Асноўным накірункам работы кафедры новай і навейшай гісторыі з моманту яе стварэння стала вывучэнне знешняй палітыкі еўрапейскіх дзяржаў у XIX – пачатку XX ст. Ён захаваўся амаль да пачатку 1990-х гг. і стаў агульнапрызнаным у навуковай дзейнасці кафедры. Вялікі ўклад у распрацоўку адзначаных праблем унёс загадчык кафедры доктар гістарычных навук, прафесар Л.М. Шнеерсон, які ў 1980-я гг. ахарактарызаваў міжнароднае становішча другой паловы 60-х гг. – першай паловы 70-х гг. XIX ст., увесць комплекс праблем аўстра-руско-германскіх адносін гэтага перыяду⁷. Пэўным падсумаваннем яго плённай працы ў галіне даследавання міжнародных адносін у 60–70-я гг. XIX ст. стала манаграфія «На перепутье европейской политики: австро-руско-германские отношения 1871–1875 гг.» (Мн., 1984). На базе архіўных матэрыялаў, публікацый дыпламатычных і іншых дакументаў аўтар прааналізаваў асноўныя тэндэнцыі знешняй палітыкі Германіі, Аўстра-Венгрыі і Расіі пасля франка-прускай вайны, разгледзеў праблемы стварэння і дзеяння Саюза трох імператараў. Л.М. Шнеерсон піша, што некаторыя

гісторыкі памылкова адлюстроўвалі ў сваіх даследаваннях ролю Саюза, указваючы, што ён быў нібыта заснаваны «больше на чувствах, чем на интересе, и не имел никакой договорной основы»⁸. Вучоны адзначае, што Саюз быў карысны для ўдзельнікаў, хоць кожная з дзяржаў і імкнулася захаваць за сабой некаторы суверэнітэт. Асабліва карысным удзел у Саюзе трох імператараў стаў для Расіі, таму што аказаў уплыў на знешнепалітычны курс Англіі ў часы ўсходняга крызісу 1875–1878 г. Вывучэнне азначанай праблематыкі таксама ажыццяўлялася кафедрай новай і навейшай гісторыі на дысертацыйным узроўні. Так, аспірантка кафедры Н.В. Шульгіна абараніла кандыдацкую дысертацыю «Австро-прусская война 1866 г. и общественное мнение Германии»⁹.

Даследаванню гісторыі еўрапейскіх міжнародных адносін міжваеннага перыяду прысвяціў свае распрацоўкі прафесар кафедры новай і навейшай гісторыі Г.М. Трухноў. Вынікам яго плённай працы стаў цыкл манаграфій і артыкулаў па гісторыі міжнародных адносін у 1920–1930-я гг.¹⁰ Манаграфія Г.М. Трухнова «Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.)» (Мн., 1979) прысвечана савецка-германскім адносінам першай і пачатку другой палавіны 1920-х гг. На выснове навейшых на той час матэрыялаў аўтар даследаваў эканамічнае і палітычнае супрацоўніцтва Савецкай Расіі і Германіі; ахарактарызаваў прычыны і перадумовы падпісання і выканання імі Рапальскага, Маскоўскага і Берлінскага дагавораў. Таксама ў манаграфіі асвятляецца гістарыяграфія знешняй палітыкі Германіі ў 1920-я гг.

Вывучэнне дадзенай тэматыкі Г.М. Трухноў працягнуў у манаграфіі «Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.)» (Мн., 1982), дзе даследаваў рапальскую палітыку СССР і Германіі ў перыяд ад заключэння Маскоўскага дагавора аб нейтралітэце да пачатку сусветнага эканамічнага крызісу. Аўтар прааналізаваў савецка-германскія палітычныя, эканамічныя, культурныя і навуковыя адносіны. Даследаванне міжнародных адносін у Еўропе ў 1920-я гг. таксама ажыццяўлялі аспіранты, якія працавалі пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Трухнова; В.А. Космач прысвяціў сваю дысертацыю германа-савецкім навукова-тэхнічным і культурным сувязям; Т.І. Паваліхіна даследавала барацьбу паміж Францыяй і Англіяй вакол германскай праблемы ў часы Рурскага крызісу¹¹.

Значнае месца ў беларускай гістарыяграфіі ўсеагульнай гісторыі і гісторыі міжнародных адносін 1980-х гг. займала германская тэматыка; яе вывучэнню прысвяцілі сваю дзейнасць беларускія вучоныя, у тым ліку М.Г. Елісееў, У.Е. Снапкоўскі і інш. Дацэнт кафедры новай і навейшай гісторыі М.Г. Елісееў разгледзеў узаемаадносіны паміж дзвюма германскімі дзяржавамі ў перыяд «халоднай вайны». У манаграфіі «Между конфронтацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ» (Мн., 1989) на вялікім фактычным матэрыяле аўтар прааналізаваў удзел Свабоднай дэмакратычнай партыі ФРГ у вызначэнні знешнепалітычнага курсу краіны; праблемы супрацоўніцтва ФРГ з ГДР, СССР і іншымі дзяржавамі. У.Е. Снапкоўскі абараніў кандыдацкую дысертацыю па праблемах узаемаадносін ГДР і ФРГ. У 1989 г. М.Г. Елісееў і У.Е. Снапкоўскі надрукавалі сумесную манаграфію «Два германских государства и европейская безопасность: история и современность» (Мн., 1989). Аўтары апісалі гісторыю ўзнікнення і развіцця ГДР і ФРГ і іх месца ў еўрапейскай сістэме міжнародных адносін у 1949–1989 гг.¹²

Манаграфія Г.А. Космача «Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918–1929 гг.» (Мн., 1989) была прысвечана палітычнай барацьбе ў Германіі пасля Першай сусветнай вайны¹³. Даследчык ахарактарызаваў сутнасць нямецкага лібералізму ў часы Веймарскай рэспублікі. У адной з глаў Г.А. Космач апісаў асаблівасці знешнепалітычнай дактрыны Нямецкай

дэмакратычнай партыі, якая была скіравана на рэвізію Версальскага дагавора, перагляд усходніх межаў і г. д.

Гісторыя знешняй палітыкі Германіі, удзел ГДР і ФРГ у міжнародных адносінах даволі актыўна разглядаліся аспірантамі гістарычнага факультэта М.В. Стральцом, С.І. Філіпенкам, якія абаранілі кандыдацкія дысертацыі па азначаных тэмах¹⁴.

Традыцыйна даследаванне гісторыі знешняй палітыкі Беларусі (на прыкладзе Беларускай ССР), супрацоўніцтва БССР і СССР з замежнымі краінамі ажыццяўлялася ў Інстытуце гісторыі Акадэміі навук БССР. Аднак названыя накірунак адлюстраваліся і ў працах універсітэцкіх гісторыкаў. Так, пералічаныя праблемы дасканала вывучаў прафесар кафедры гісторыі СССР эпохі сацыялізму гістарычнага факультэта Д.Б. Мельцар, які ўсебакова прааналізаваў адносіны паміж Балгарыяй і БССР. У манаграфіі «Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая» (Мн., 1981), прысвечанай 1300-годдзю балгарскай дзяржаўнасці, вучоны раскрыў шматвяковую гісторыю сувязей беларускага і балгарскага народаў¹⁵, вызначыў эканамічныя, палітычныя, навуковыя і культурныя накірункі супрацоўніцтва БССР і НРБ. У працы выкарыстаны багаты вопыт міжнародных даследаванняў супрацоўнікаў Інстытута гісторыі АН БССР. У тым жа годзе кніга была выдадзена і ў Балгарыі.

С.Ю. Ліўшыц, Р.Т. Сячкоў займаліся ў 1980-я гг. вывучэннем беларуска-балгарскіх і савецка-балгарскіх адносін, С.У. Пазняк – культурным супрацоўніцтвам СССР з сацыялістычнымі краінамі¹⁶.

На гістарычным факультэце БДУ таксама разглядаўся знешнепалітычны вектар гісторыі еўрапейскіх краін. Так, дацэнт Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта Р.Р. Лазько абараніў кандыдацкую дысертацыю ў БДУ па польска-французскіх адносінах у 1930-я гг. Міжнародным адносінам у Еўропе ў 1920-я гг. прысвяцілі свае навуковыя працы А.М. Космач, І.М. Паграбінская¹⁷.

У 1980-я гг. на гістарычным факультэце працягвалася вывучэнне гісторыі арабскіх краін. Дзякуючы намаганням дацэнта, а потым прафесара і загадчыка кафедры новай і навейшай гісторыі У.С. Кошалева ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі былі прааналізаваны некаторыя аспекты новай і навейшай гісторыі Егіпта, у тым ліку і міжнародныя. У манаграфіі «Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981)» (Мн., 1984) аўтар на аснове арыгінальных дакументаў і твораў егіпецкіх і заходніх навукоўцаў апісаў барацьбу егіпецкага народа за незалежнасць¹⁸. Былі ахарактарызаваны міжнародная дзейнасць гэтай краіны ў 1950-я гг., усталяванне кантактаў і падпісанне дагавораў з СССР і краінамі савецкага блока. У 1988 г. У.С. Кошалеў абараніў у Маскве доктарскую дысертацыю «Социально-политическая борьба и антиколониальное движение в Египте. 1879–1924»¹⁹. У гэтай навуковай рабоце разгледжаны асноўныя накірункі і формы барацьбы егіпецкага народа за эканамічную і палітычную незалежнасць; ахарактарызавана еўрапейская каланіяльная экспансія ў Егіпце, якая прывяла да ўсталявання англа-французскага кантролю над краінай; прааналізавана дзейнасць егіпецкай патрыятычнай эміграцыі за мяжой. Гэтай жа праблематыцы была прысвечана манаграфія «Египет от Ораби-паши до Саада-Заглула. 1879–1924», выдадзеная ў 1992 г.²⁰ і прысвечаная палітыцы СССР адносна Егіпта ў 1920-я гг., англа-егіпецкім адносінам у першыя месяцы Другой сусветнай вайны²¹.

Супрацоўнікі кафедры новай і навейшай гісторыі падрыхтавалі і выдалі пад кіраўніцтвам Л.М. Шнеерсона некалькі калектыўных прац па праблематыцы сусветнага рэвалюцыйнага працэсу, асноўных тэндэнцыях міжнароднага развіцця ў 1980-я гг.²² Пытанні еўрапейскай і сусветнай бяспекі вывучаў А.А. Разанаў; У.І. Адамушка – удзел беларускай моладзі ў руху прыхільнікаў за мір у канцы 1970-х – пачатку 1980-х гг.²³

Кафедры гістарычнага факультэта ў 1980-я гг. ажыццяўлялі міжнародныя кантакты з замежнымі калегамі, вучоныя выязджалі на міжнародныя канферэнцыі і семінары, навуковыя і педагагічныя стажыроўкі. Так, у супрацоўніцтве з гісторыкамі ленскага ўніверсітэта (ГДР) на кафедры новай і навейшай гісторыі былі выдадзены зборнікі сумесных навуковых прац²⁴. Кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў, новай і навейшай гісторыі ўдзельнічалі ў рабоце Навуковага савета (які з'яўляўся органам Інстытута гісторыі АН БССР) па тэме «Гісторыя СССР і БССР». Ажыццяўлялася кардынацыя навуковых даследаванняў у Беларусі па адпаведных перыядах сусветнай гісторыі, у тым ліку па тэматыцы міжнародных адносін.

Такім чынам, у 1980-я гг. на гістарычным факультэце БДУ працаваў кваліфікаваны калектыў даследчыкаў у галіне вывучэння міжнародных адносін. Напрыклад, за адзначаны перыяд навукоўцамі факультэта было выдана па гэтых праблемах больш за дзесяць манаграфій. Аднак у другой палове 1980-х гг. назіраюцца некаторыя крызісныя з'явы ў азначанай галіне, што звязана ў першую чаргу са зменай пакаленняў даследчыкаў. Так, у азначаны перыяд не было абаронена ніводнай доктарскай дысертацыі (акрамя Ю.Я. Івоніна); большасць работ па міжнароднай праблематыцы 1980-х гг. вяліся на кандыдацкім узроўні. Па падліках аўтара артыкула (А. Г.) па тэматыцы міжнародных адносін было абаронена каля 15 кандыдацкіх дысертацый у 1980-я гг.

Нягледзячы на пашырэнне кола даследчыкаў і тэматыкі, спецыялізацыя ў галіне вывучэння ўніверсальнай гісторыі міжнародных адносін, а таксама знешнепалітычнай дзейнасці і замежных сувязей БССР у 1980-я гг. заставалася абмежаванай храналагічна, тэматычна і метадалагічна. Напрыклад, не праводзілася вывучэння гісторыі знешняй палітыкі Беларусі да ХХ ст., адсутнічалі вучэбныя курсы ці спецкурсы па гэтай праблематыцы, уключаючы знешнепалітычную дзейнасць БССР. Некаторыя навуковыя працы мелі залішне ідэалагізаваны характар; пры ўсёй каштоўнасці пэўных манаграфій яны былі выкананы на недастатковым узроўні; высновы рабіліся на аднабаковым матэрыяле. Адзначым, што гэта была ўвогуле недапрацоўка беларускай гістарычнай навукі, якая залежала ад агульнасаюзнага цэнтра.

Сваё лагічнае развіццё ў 1980-я гг. атрымалі вышэйазначаныя традыцыі і накірункі развіцця беларускай гістарыяграфіі міжнародных адносін: даследаванне іх ўніверсальнай гісторыі, міжнародных сувязей Беларусі з замежнымі краінамі (на прыкладзе БССР). Багаты вопыт кафедраў гістарычнага факультэта ў галіне гістарыяграфіі міжнародных адносін успрыняла кафедра міжнародных адносін БДУ, якая была створана на факультэце ў 1992 г. Яе фундамент і традыцыі былі закладзены плённай дзейнасцю супрацоўнікаў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Стварэнне ў БДУ структурнай адзінкі па вывучэнню праблем міжнародных адносін і міравой палітыкі – кафедры, а потым і факультэта міжнародных адносін не прывяло да спынення навуковай працы па гэтай тэматыцы. Накірункі даследаванняў, замацаваныя ў 1980-я гг., развіваліся ў 1990-я гг. і працягваюць вывучацца і ў наш час.

¹ Ивонин Ю. Е. Англия и Священная Римская империя в системе международных отношений конца XV – первой половины XVI вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1984.

² Ивонин Ю. Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Мн., 1984.

³ Ивонин Ю. Е. Там же. С. 8.

⁴ Ивонин Ю. Е. Западная Европа и Османская империя во второй половине XV–XVI в. // Вопросы истории. 1982. № 4; Он же. Современная буржуазная историография о международных отношениях позднего Средневековья // Вопросы истории. 1984. № 1; Он же. О характере англо-шотландских отношений при первых Тюдорах // Вопросы истории. Межведомственный выпуск. Мн., 1981. № 8.

⁵ Ивонин Ю. Е. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Мн., 1989.

⁶ Климовский Д. С. Усиление антипольских тенденций в политике Германии перед приходом гитлеровцев к власти // Вопросы истории. Межведомственный выпуск. Мн., 1979.

№ 6. Он же. Интернациональная солидарность немецких и польских коммунистов в борьбе за мир (30-е гг.) // Пролетарский интернационализм и его противники. Мн., 1983. С. 149–156.

Шнеерсон Л. М. Немецкая буржуазная историография о политике Бисмарка 1866–1871 гг. // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1980. № 2. С. 13–16; Он же. Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 году // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1982. № 1. С. 16–19; Он же. Бисмарк и его противники в канун австро-прусской войны 1866 года // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1984. № 3. С. 24–27.

⁸ Шнеерсон Л. М. На перепутье европейской политики: Австро-русско-германские отношения 1871–1875 гг. Мн., 1984. С. 174.

⁹ Шульгина Н. В. Австро-прусская война 1866 г. и общественное мнение Германии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1988; Она же. Австро-прусская война 1866 г. и общественное мнение Баварии // Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время. Куйбышев, 1988. С. 59–70.

¹⁰ Трухнов Г. М. Поучительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926). Мн., 1979; Он же. Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929). Мн., 1982; Он же. Из истории борьбы между Англией и Францией по репарационному процессу (до Рурского кризиса 1923 г.) // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1983. № 1. С. 15–18.

¹¹ Космач В. А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1984; Повалихина Т. И. Борьба между Англией и Францией вокруг германской проблемы в период Рурского кризиса 1923 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1982.

¹² Елисеев М. Г. Между конфронтацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ. Мн., 1989; Елисеев М. Г., Снапковский В. Е. Два германских государства и европейская безопасность: история и современность. Мн., 1989; Снапковский В. Е. Политика ГДР в отношении ФРГ – важный элемент разрядки международной напряженности (70-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1980.

¹³ Космач Г. А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918–1929 гг. Мн., 1989.

¹⁴ Стрелец М. В. СДПГ и проблемы ограничения и сокращения вооружений в Европе (1969–1982 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1984; Филиппенко С. И. Германия и Лига наций (1919–1926 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1984; Он же. Вступление Германии в Лигу Наций и позиция СССР (1924–1926 гг.) // Актуальные проблемы общественных и естественных наук. Мн., 1981; Он же. Создание Лиги Наций и Германия // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1982. № 3. С. 19–23.

¹⁵ Мельцер Д. Б. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. Мн., 1981.

¹⁶ Лившиц С. Ю. Советско-болгарское сотрудничество в области народного образования и художественной культуры (1976–1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1982; Сечков Р. Т. Советско-болгарское экономическое и научно-техническое сотрудничество (1966–1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1985; Позняк С. В. Участие Белорусской ССР в культурном сотрудничестве Советского Союза с социалистическими странами Европы (1971–1975 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1981.

¹⁷ Лазько Г. Г. Польско-французские отношения в годы подготовки Германией агрессии в Европе (1933–1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1979; Он же. Польско-французское соглашение о займе 1936 г. // Вопросы истории. Межведомственный сборник. Мн., 1983. № 10; Космач Е. Н. Англо-советские научно-технические и культурные связи в 1924–1931 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1981; Погребинская И. М. Польско-английские отношения (1925–1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1984.

¹⁸ Кошелев В. С. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). Мн., 1984.

¹⁹ Кошелев В. С. Социально-политическая борьба и антиколониальное движение в Египте. 1879–1924: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.

²⁰ Кошелев В. С. Египет от Ораби-паши до Саада-Заглула. 1879–1924. М., 1992.

²¹ Кошелев В. С. Подъем национально-освободительного движения в Египте в 1919–1924 гг. и интернациональная помощь Советского государства // Пролетарский интернационализм и его противники. Мн., 1983; Он же. К вопросу об англо-египетских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1940) // Ближний и Средний Восток (экономика, история). М., 1976.

²² XXVI съезд КПСС о мировом революционном процессе. Мн., 1982; Великая победа и мировой революционный процесс. Мн., 1985; XXVII съезд КПСС об основных тенденциях международного развития. Мн., 1987.

²³ Адамуско В. И. Вклад молодежи Белорусской ССР в борьбу за мир и дружбу между народами (1976–1985 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1988; Розанов А. А. Критический анализ основных направлений буржуазной фальсификации курса КПСС на разрядку международной напряженности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1982; Он же. Политика мира и мифы "советологии": критика буржуазных фальсификаций внешней политики КПСС. Мн., 1985.

²⁴ Пролетарский интернационализм и его противники. Мн., 1983; Zur Geschichte des proletarischen Internationalismus // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1982. № 2.

Паступіў у рэдакцыю 26.06.2003.

Аляксандр Валер'евіч Гурын – аспірант кафедры міжнародных адносін. Навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар У.Е. Снапкоўскі.

С.М. МАЩИТЬКО

Э. ГУССЕРЛЬ И Ж. ДЕРРИДА: ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ЗНАКА

Исследуется проблема связи времени и знака в рамках феноменологии Э. Гуссерля и деконструкции Ж. Деррида. Обосновывается существенная значимость понимания данных категорий для отношения к возможности самоприсутствия бытия как фундаментальной философской проблемы, артикулированной в деконструкции Ж. Деррида. Статья написана на основе оригинальных текстов Гуссерля и Деррида.

The problem of the relation between time and sign in phenomenology of E. Husserl and deconstruction of J. Derrida is analysed in this article. The author proves an essential importance of these concepts for the possibility of presence of being as the basic philosophical problem raised in deconstruction of Derrida. The original texts of Husserl and Derrida are used in this article.

Проблема времени является одной из главных в трансцендентальной философии, тогда как проблема знака принадлежит к числу основных проблем в постструктурализме, во многом определившем лицо современной философии. Это, конечно же, не случайно, как не случайно и то, что лингвистический поворот в философии XX в. произошел на фоне глубокой и кропотливой аналитики времени, проведенной Эдмундом Гуссерлем и Мартином Хайдеггером.

Отметим, что существует, несомненно, глубокая взаимосвязь между проблемой времени и проблемой знака, более того, это коррелятивные понятия и, как будет показано в дальнейшем, их корреляция осуществляется в трансцендентальном процессе смыслообразования.

Различие между классической и неклассической парадигмами философии коренится, по сути, в отношении к возможности самоданности бытия, будь то бытие, представленное в форме идеальных смыслов или же в форме чувственных вещей. Возможность присутствия бытия в его самоданности является фундаментальной презумпцией классической и модернистской установок. Феноменология Гуссерля в данном контексте являет собой трансцендентальную версию этой установки, достаточно вспомнить лозунг, провозглашенный основателем феноменологии: «Назад к самим вещам!». Позиция Деррида в отношении феноменологического проекта представляет не просто критику некоего частного философского направления; обращаясь к феноменологии, французский философ анализирует многовековую традицию западноевропейской метафизики присутствия со всеми ее центризмами и бинаризмами.

Как показывает Деррида, понимание времени и наряду с этим концепция знака играют решающее значение для принципиальной установки философствования, определяемой отношением к возможности самоприсутствия бытия.

Метафизика присутствия, по мнению Деррида, зиждется на двух предпосылках:

- 1) приоритете настоящего момента времени, или точки «теперь»;
- 2) конститутивной роли сознания или трансцендентального субъекта.

Роль времени в процессе смыслоконституирования становится очевидной уже в трансцендентально-критической философии Канта. Он рассматривает соединение чувственности и рассудка как временные синтезы, а время – как посредника между чувственностью и рассудком. Функционирование категорий в естественнонаучном познании трактуется Кантом как система темпоральных синтезов, производимых согласно схемам трансцендентального воображения: «Схемы суть не что иное, как временные определения а priori согласно правилам, и последние соответствуют по порядку категорий временному ряду, временному содержанию, временному порядку и, наконец, временной совокупности в отношении всех возможных предметов»¹.

Вышеизложенное определяет главную функцию времени как функцию смыслообразования: «Схемы чистых понятий рассудка суть истинные и единственные условия, придающие этим понятиям отношения к объектам и тем самым значение...»²

Однако, если у Канта время осмысляется в функционально-операциональном контексте, то в феноменологии Гуссерля темпоральность составляет сущностную характеристику сознания. Собственно «сознания» уже и нет, есть сознание-время. Как пишет В. Молчанов, «для Гуссерля вопрос о сознании может быть задан только косвенно – как вопрос о времени, с другой стороны, вопрос о природе времени может быть поставлен только косвенно – как вопрос о сознании»³. Описание нозсиса и нозмы производится в соответствии со структурой внутреннего сознания-времени. Нозгические, смыслопридающие акты при этом отождествляются с темпоральными фазами сознания. Нозма, в свою очередь, выступает как длительность, ее завершенность достигается лишь за счет приостановки времени. Конституирующее сознание описывается в терминах сочетания первичных временных фаз: ретенции – теперь – протенции. При этом именно точка «теперь» является, по словам Гуссерля, первичным источником темпоральных различий вообще, кроме того, важно, что именно этот модус времени-сознания является коррелятом феноменологической очевидности, т. е. оригинальной данности предмета сознанию. Преимущественно с этой временной фазой связаны такие базовые характеристики феноменологического присутствия, как интенциональность, актуальность, оригинальная данность. Гуссерль характеризует точку «теперь» как абсолюте, представляя ее как творческое начало, поскольку в этой точке происходит конституирование смыслов трансцендентальной субъективностью, а также их презентация, отличная от репрезентации.

Таким образом, время в рамках трансцендентального идеализма выполняет важнейшую функцию – связывания сознания и бытия, трансцендентального и трансцендентного, точнее, пассивных и активных моментов сознания, поскольку трансцендентное, как таковое, редуцируется в трансцендентализме. У Канта эта функция тематизируется как функция референции в категориальных синтезах, у Гуссерля время есть среда, в которой конституируется смысл, способ соотнесения нозсиса и нозмы. Ясно, что темпоральность смысла Гуссерль связывает с темпоральностью смыслоконституирующих актов.

С точки зрения представителей постструктурализма, в частности Деррида, такое понимание времени является фундаментальной предпосылкой, на которой базируется метафизика присутствия.

Деконструкцию основополагающих интенций метафизики присутствия в контексте проблемы времени Деррида осуществляет в двух своих работах: «Презентации времени» и «Усия и Грамма». Французский философ прин-

ципально отказывается от поиска способа соприкосновения сознания и бытия. Его концепт *differance* фиксирует невозможность подобного соприкосновения и нацелен на деконструкцию категории присутствия, являющегося в системе *differance* всего лишь следом. Будучи трансцендентальным понятием, *differance* тесно связано с категорией времени. С помощью этого понятия Деррида показывает опосредованный характер присутствия, его производность. *Differance* создает то отношение опосредования, благодаря которому мы можем говорить о присутствии и благодаря которому присутствие всегда является уже не собственно присутствием. Поскольку оно связывается с моментом «теперь», «созидательной темпоральной точкой, точкой источником темпоральных различий вообще»⁴, то Деррида, проводя деконструкцию этой категории, опровергает первичность момента «теперь», показывает его зависимость от прошлого и будущего. В соответствии с феноменологическим учением о времени прошлое есть прошедшее и удержанное «теперь». В «Голосе и феномене» Деррида, напротив, показывает, что точка «теперь» с ее интенциональным содержанием существует только в силу своего отношения к прошлому. Таким образом, настоящее конституируется как «...неизбежно неодносоставный и неисходный синтез следов, удержаний и охранений, пользуясь феноменологическим и трансцендентальным языком...»⁵.

Понятие следа, выступающее в связке с концептом *differance*, имеет свои корни в лакановской трактовке знака как замещающего вещь и указывающего на ее отсутствие. Так и след имеет негативный смысл и указывает на выпадение из языка означаемого. Но какова роль времени в этом процессе?

Выше уже было указано на то, что в трансцендентализме Канта и Гуссерля время играет позитивную роль; что же касается Деррида, то, определяя *differance* как овременение-опространствливание, он подчеркивает то, что темпорализация отделяет сознание от присутствия, от вещи, данной в живой интуиции: «...неприсутствие для себя живого настоящего в одно и то же время определяет отношение как к другому вообще, так и отношение к себе, вовлеченное в темпорализацию»⁶.

Время в трансцендентальной философии – это то, что связывает сознание с бытием, данным в интуиции или рефлексии. Деррида же показывает, что время проявляется в виде запаздывания или откладывания присутствия, встречи сознания и бытия.

Интегрирующая, связующая функция, обернувшаяся дезинтегрирующей, и есть один из аспектов *differance*. Запаздывание не есть нечто, что может быть описано с помощью феноменологического понятийного аппарата ретенции – теперь – протенции, для его описания гораздо более подходят понятия, относящиеся к бессознательному, выработанные психоанализом. «Структура запаздывания в самом деле препятствует тому, чтобы из овременения делали простое диалектическое осложнение присутствующего, существующего как изначальный и непрерывный, постоянно для себя возобновляемый, на себе сосредоточенный синтез ретенциональных следов и протенциональных увертюров. В отношении инаковости бессознательного мы имеем дело не с горизонтами модифицированных присутствующих..., но с прошлым, которое никогда не было присутствующим и которое никогда им не будет»⁷.

Гуссерль указывал на знак как на агента временного синтеза, трансцендентальная функция которого в синтезе времени состоит в том, что знак позволяет удерживать дискретные моменты и объединять их в ход времени. Но проблема, которую обнаруживает здесь Деррида, состоит в том, возможен ли вообще доступ к присутствию, непосредственный словом или знаком, можно ли представить себе присутствие или присутствие для себя субъекта в безмолвном, интуитивном сознании?

Мы подошли, таким образом, к точке пересечения проблемы времени и проблемы знака. В «Логических исследованиях» Гуссерля слой знакового выражения вторичен по отношению к живой интуиции смысла. Слой знакового выражения является в собственном смысле «слоем», который можно снять, редуцировать.

Феноменологическая теория знака не является революционной для философии, напротив, ее значение в том, что она фактически эксплицирует предпосылки понимания сущности знака традиционной метафизикой присутствия и путем феноменологической рефлексии и интенционального анализа подтверждает их. Несмотря на то что Гуссерль критикует традиционную метафизику, Деррида, анализируя его «Логические исследования», стремится доказать, что гуссерлевская концепция остается в рамках метафизики присутствия с ее приоритетом означаемого, понятого как трансцендентальное означаемое и фоно-лого-центризм.

В рамках своей программы антипсихологизма Гуссерль проводит сущностное различие двух значений одного понятия «знак»: знак как выражение (Ausdruck) и знак как указание, индекс (Anzeichen). Оба вида знака имеют значение, но означать, как пишет Гуссерль, не всегда есть значить (Bedeutung). Индекс всегда означает нечто по способу отсылки к другому, как дым, например, отсылает к огню, как флаг символизирует государство, другими словами, один факт отсылает к другому. Это эмпирические отношения. Знак-выражение, или экспрессия (это прежде всего лингвистический знак), характеризуется феноменологическим единством означаемого и означаемого, своей чувственно воспринимаемой стороны и значения, или смысла, выражаемого знаком, между тем, как в случае индекса, в отношении между означаемым и означаемым вовлечены эмпирические условия пространство и время.

Именно поэтому в любом дискурсе, где наличествует пусть потенциально другой, имеет место индикация. Проще говоря, физическая составляющая, которая отделяет знак от внутреннего сознания, есть индикация, и поэтому в речи к экспрессии, выражению всегда «примешивается» индикация. Индикативность отсутствует, как считает Гуссерль, только во внутренней жизни сознания, где оно производит осмысленные акты. Эта сфера названа Гуссерлем «одиноким жизнью души» (einsame Seeleben), или сферой «со-лилога», беседы души с самой собою, так как здесь нет отношения к другому, нет необходимости проявлять, овнешнять, нарушать присутствие в себе. Функция проявления, манифестации есть индикативная функция. Таким образом, там, где наличествует нечто внешнее, проявление или «неприсутствие в себе», там и возникает индикация.

Осуществляя деконструкцию гуссерлевской концепции знака, Деррида выделяет следующие положения:

1. Прежде всего различие выражения и индикации имеет целью утвердить власть присутствия, точнее, самоприсутствия идеального, не нуждающегося в отсылках к фактическому, мирскому, постороннему.

2. Выражение не существует без интенции субъекта. Смысл/значение выражения не самостоятелен, он зависим от смыслоконституирующей функции сознания, а различие между индексом и выражением «скорее функционально, чем субстанционально». Трансцендентальное сознание сохраняет здесь привилегированное положение.

3. Автономность значения по отношению к референту и психическому представлению выступает как феноменологическая редукция применительно к выражению, но, кроме того, она призвана еще и утвердить, зафиксировать самоприсутствие в виде возможности повторения.

В самом деле все реально, фактически существующее неповторимо и индивидуально, а для значения должна существовать возможность воспро-

изводит его всегда тождественным самому себе (теорема Пифагора должна быть одинаковой всегда и для всех), поэтому значение не должно зависеть от референта.

В связи с этим задача Деррида заключается в том, чтобы показать наличие индикации во внутреннем монологе и тем самым доказать, что внутри самоприсутствия живого настоящего неискоренимо находится неприсутствие.

Прежде всего очевидно, что различие выражения и индикации зиждется на оппозиции презентации и репрезентации, или первичной данности и повторения. Деконструкция этой оппозиции отсылает нас обратно к феноменологической модели сознания-времени, еще раз демонстрируя глубокую связь между пониманием времени и теорией знака.

В ходе анализа «Логических исследований» и других работ Гуссерля Деррида анализирует скрытое противоречие, изнутри подрывающее гуссерлевскую концепцию знака, нарушающее основополагающее различие между выражением и указанием. Время, которое было союзником феноменологического выражения и значения, оборачивается против них, заражая их индикацией.

Как же оказывается, что время начинает работать против гуссерлевской теории знаков? Выражение, презентующие идеальность в ее самоприсутствии, основывается на том, что момент «теперь» идентичен и равен самому себе. Только в этом случае возможно самоприсутствие в настоящем. Однако идентичное переживание, данное себе мгновенно, предполагает точечность этого мгновения, дискретность времени, которое оказывается разделенным на самоидентичные моменты. Очевидно, что так мыслить можно только находясь под властью метафизических представлений, в которых, более того, не изжиты элементы механицизма.

Но вместе с тем суть темпоральных дескрипций, которые Гуссерль проводит в «Феноменологии внутреннего сознания времени», заключается в том, что время представляется здесь как поток, в котором воспроизведенное «теперь» несводимо к актуально переживаемому «теперь», репродуктивная память – к ретенции, репрезентация – к презентации. Несколько упрощая смысл этих важных в данном контексте высказываний, отметим, что прошлое не является модификацией настоящего, но обладает по отношению к нему самостоятельной сущностью, оно в полном смысле другое. Время не есть ряд точек, поочередно становящихся актуальными для сознания и уходящих во мрак неприсутствия. «Отношение к неприсутствию, – пишет Деррида, – не постигает, не окружает и не утаивает присутствие первичной импресии. Оно, скорее, делает возможным его всегда обновляемый объем и нетронутость. Однако оно основательно разрушает возможность простой самотождественности»⁸. Деррида тонко подмечает, что гуссерлевская диалектика феноменологической темпоральности заключается не в различии между двумя формами «теперь» – актуальным и не актуальным, а в различии между двумя формами прошедшего – ретенцией и репродукцией. С одной стороны, живое «теперь» должно конституироваться в потоке, т. е. в единстве с ретенцией, а с другой стороны, уже говорилось о том, какую значимость для идеальности имеет возможность повторения, сохраняющего идентичность, ведь на этой возможности зиждется реактивация очевидностей: идеальность повторяется как *та же самая в актуальности настоящего*. Здесь имеет место реактивация, репродукция. Общим корнем и ретенции, и репродукции Деррида называет повторение как таковое, т. е. *differance*, след, который оказывается старше присутствия и обуславливает последнее, т. е. повторение должно предшествовать первичной данности.

Знак, другими словами, не может иметь место только один раз, поэтому речь с самого начала вовлечена в безграничную репрезентацию. Деконст-

рукция различия между реальным присутствием и присутствием в повторении вовлекает в деконструкцию всю систему языковых различий, включающих и различие между означающим и означаемым, стирание которого является основной чертой постструктурализма. В результате Деррида выдвигает главный тезис, ради которого он и предпринимает деконструкцию различия презентации и репрезентации: «Присутствие настоящего производно от повторения, а не наоборот».

Таким образом, критика линейной модели времени и отрицание смыслопорождающей функции темпоральной фазы «теперь» опирается на понимание знака не как средства выражения смыслов, вкладываемых в него трансцендентальным субъектом, а как самостоятельного агента, функции которого обусловлены его повторяемостью. Вместе с тем концепция знака, в которой отсутствует означаемое знака, не выражающего присутствия бытия, основана на деконструкции самоидентичности момента «теперь», его свойстве отсылать к прошлому и будущему, его зависимости от них как смыслового фона и горизонта. Принцип тождества, положенный в основание гуссерлевской модели времени и знака (как и всех классических моделей), заменяется принципами повторения и различия, которые делают невозможной данность Бытия, понимаемого как присутствие. Единственно доступной реальностью становится теперь знаковая реальность. Принципы, согласно которым она функционирует, это принципы отсылки, повторения и различия. Таким образом, выступая против метафизики присутствия, Деррида показывает, что в ее основании лежат линейная модель времени и концепция знака (основанная на принципах референции, репрезентации, интенциональности), которые также фиксируют сущностную связь между данным пониманием времени и знака.

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 127.

² Там же. С. 127.

³ Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988. С. 92.

⁴ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 70.

⁵ Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999. С. 139.

⁶ Деррида Ж. *Голос и феномен*. С. 54.

⁷ Деррида Ж. *Differance*. СПб., 1999. С. 140.

⁸ Деррида Ж. *Голос и феномен*. С. 89.

Поступила в редакцию 03.06.2003.

Сергей Михайлович Мащитко – аспирант кафедры философии культуры. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т.Г. Румянцева.

Г.И. ИВАНЧИН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: СПЕЦИФИКА НАЦИОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ

Рассматриваются основные модели национализма, характерные для Западной и Центрально-Восточной Европы, и указывается специфика белорусского национального развития, обусловленная своеобразным культурно-историческим процессом и географическим положением Беларуси.

The article deals with the main theoretical models of national development, adopted in Western, Central and Eastern Europe. The formation of Belarusian Nation and its further development, the peculiarities as well as the geographical position of Belarus.

В современном мире реализуются две основные тенденции: с одной стороны, интеграционные процессы в экономике и политике, предопределяющие распространение универсальной массовой культуры, с другой – национальный Ренессанс, проявляющийся в актуализации национального самосознания как ответа на глобализацию. Проблема корреляции данных

тенденцій важна для определения значения нации в трансформирующемся мире и ее перспектив как формы организации социумов. Для Беларуси важно выработать модели национальной экзистенции в условиях «нового мира», поскольку возможен процесс утраты культурного своеобразия, что в данном случае будет означать денационализацию.

В социогуманитарном знании приняты две основные модели нациогенеза (возникновение и развитие нации), предложенные еще в 1907 г. немецким историком Ф. Майнеке (в работе «Мировая буржуазия и национальное государство»), который считал, что нациогенез возможен по схемам либо «государство – нация», либо «нация – государство». В первом случае нация развивается в рамках суверенного государства – *Staatsnation*. Общий суверенитет порождает общие институты и культурный партикуляризм этносов, входящих в состав государства, преодолевается через принятие идеи нации, являющейся, в сущности, программой совместной экзистенции людей, различных в культурном, классовом, расовом, религиозном и многих других отношениях. Такая идея всегда содержит обоснование того, почему необходимо консолидироваться в рамках именно этого сообщества, а не какого-либо другого (используются аргументы географического месторасположения, культурно-языковой общности, близости экономических интересов и т. д.). Определение нации Э. Ренаном (1882) как «повседневного плебисцита»¹ подтверждает то, что объединяющая идея должна быть мобильной в смысле соответствия социально-экономической и политической динамике, в противном случае сообщество не имеет будущего.

Данный путь нациогенеза характерен для Западной Европы, а для Восточной и Центральной Европы больше соответствует вторая концепция «нация – государство» (*Kulturnation*), согласно которой нация может вырасти только внутри оболочки своеобразной культуры, поэтому она определяется скорее как культурная, нежели политическая общность.

Вместе с тем нация, конституирующаяся на основе культуры, имеет целью создание национального государства, в котором она сможет наиболее динамично развиваться. Э. Смит называет эти модели соответственно западная, или «гражданская нация», и «этническая» – не западная. Первая, по его мнению, состоит из следующих компонентов: историческая территория, политико-юридическая общность, политико-юридическое равенство членов, общая гражданская культура и идеология; для второй характерно единство генеалогии и якобы общее происхождение, мобилизация народа, родной язык, обычаи и традиции. Место, которое в западной гражданской модели занимает закон, в этнической модели отдается народной культуре, преимущественно языку и традиции, поэтому лексикографы, филологи и фольклористы играют центральную роль на ранних этапах нациогенеза в Восточной Европе и Азии². Р. Брубайкер отмечает относительную культурную гомогенность западноевропейских территориальных государств, формировавших национальные сообщества, в то время как в Центральной и Восточной Европе политические единицы были значительно меньше культурных или значительно большими, как это наблюдалось в случае империй – Османской, Габсбургов и Романовых. Исходя из этого, нация трактуется как этнокультурное сообщество, обычно сообщество языка³.

Вышеназванные модели Ю. Хлебвчик обобщил в виде двух схем нациестроительных процессов в Западной и Центрально-Восточной Европе (а – Западная Европа; б – Центрально-Восточная):

а) государственная общность → языковая общность → национальная общность (государственно-национальная); б) языковая общность, культурно-цивилизационная общность (в условиях национально-языкового пограничья) → национальная общность → государственная общность (государственно-национальная)⁴. Исследователь выделяет две фазы нациестроительного процесса для Центрально-Восточной Европы:

1) культурно-языковую – эмансипация, интеграция, а также унификация отдельных этнически-языковых групп. В результате этого процесса появляется новый вид общественного коллектива – национальность (современный литературный язык, общие обычаи и традиционализм);

2) политическую, когда национальность преобразуется во внутренне сплоченную; четко идентифицирующуюся со стороны национальную группу⁵.

Народы Центральной и Восточной Европы, не имея собственной государственности, выдвинули из своих «недр» наиболее пассионарную часть интеллектуальной элиты, которая для доказательства культурной самобытности апеллировала к этнографии, истории, лингвистике. Подобная деятельность проводилась с целью пробудить народы, а сама интеллигенция могла быть названа «будителями» (термин конкретно употреблялся в Чехии конца XVIII – первой половины XIX в.). Р. Радзик отмечает, что в Центральной и Восточной Европе культуротворительным и нациетворительным словом, специфическим для этой части континента и не имеющим своего эквивалента на Западе, была интеллигенция⁶.

Наиболее полно концепция «культурной» нации представлена у Ф. Занецкого, утверждающего, что формирование общества с национальной культурой начинается от относительно небольшого общественного ядра, влияние которого расширяется и постепенно охватывает миллионы людей. Это ядро составляют независимые, индивидуальные лидеры разнообразных сфер культурной деятельности, которые постепенно создают национальную культуру, синтезирующую множество традиционных, региональных культур⁷. Среди этих лидеров исследователь называет писателей, историков, этнографов, национальных идеологов, артистов, музыкантов, экономистов и ученых в целом. Целью их деятельности является идеал культурно-монолитного и солидарного в общественной сфере сообщества. Осуществление этого идеала должно преодолеть культурные, политические, религиозные, классовые и другие партикуляризмы. Интеллектуальная элита для достижения своих целей использует два метода: пропаганду и воспитание. Они содержат целый набор техник, с помощью которых пропагандисты стараются сделать массы осознающими свою принадлежность к объединенной нации, – культ героев, мифы об общем происхождении и расовом единстве, преданность родной стране как коллективной собственности группы, а также призыв к объединению сил для защиты перед общим врагом⁸.

Ю. Халасиньский продолжает развивать эту концепцию, анализируя конкретный эмпирический материал. У него нация является продуктом распада сословного общества: люди-аутсайдеры, не входящие в сословный строй, прежде всего аутсайдеры-интеллектуалы, поддерживаемые передовыми аристократами и нуворишами, распространявшими революционную идею нации как общества, основанного на единстве представлений и, таким образом, преодолевающего равно как аутсайдерство, так и господство сословного принципа⁹. Далее Ю. Халасиньский делает обобщающий вывод: «Нация есть сообщество, в формировании которого основную роль сыграли интеллектуалы, то есть люди, работающие для создания, сохранения и передачи из поколения в поколение идей-представлений о жизни, человеке и обществе»¹⁰.

Чешский историк М. Грох предложил периодизацию национальных движений Центральной и Восточной Европы, имеющих целью конституирование наций. Они состоят из трех стадий:

1. (А) – период научной заинтересованности некоторых ученых в аргументах, подтверждающих идею о том, что определенная этническая группа является отдельной общностью, имеющей свой язык, культуру и историю. Эта заинтересованность была мотивирована патриотизмом просвещенческого типа в смысле деятельной любви к краю, в котором жили исследова-

тели, и гносеологической жаждой познания неизвестного. Данная фаза характеризуется отсутствием организационной базы и творческой раздробленностью.

2. (В) – фаза патриотической агитации начинается тогда, когда снижается интерес к языку и культуре и начинается работа по формированию национального сознания среди представителей собственной нации. Научные исследования на этой стадии продолжались, но приобрели патриотические функции именно как основополагающее средство для консолидации нации. Особенностью периода является наличие определенной коммуникационной структуры (книгоиздание, система образования, пресса), позволяющей проводить патриотическую агитацию на всей территории нации.

3. (С) – стадия наступления массовых национальных движений, когда широкие массы втягиваются в деятельность политических партий и т. д.¹¹

Возникновение и развитие белорусской нации имели ряд специфических особенностей, детерминировавших ее способность к сопротивлению и самосохранению:

1) нахождение длительное время в орбите политики Речи Посполитой и Российской империи, что препятствовало формированию собственной независимой государственности;

2) поликонфессиональная ситуация в регионе; углубляющая децентрализацию социума;

3) пограничный характер Беларуси, ставшей местом диалога культур (Запад – Восток, Север – Юг), причем часто выливающийся в военные конфликты, обусловил культурный плюрализм на ее землях и затянувшееся состояние транзитивности в социально-экономических отношениях;

4) отсутствие высших учебных заведений (1832 г. – закрытие Виленского университета) и соответственно обучение в России или Польше (где белорусская молодежь подвергалась воздействию русификаторских или полонизаторских идей), реже – в других странах;

5) большая часть белорусской интеллектуальной элиты, разочаровавшись в возрождении собственной государственности и культуры, стала участвовать в развитии русской или польской культуры. Московское государство «много почерпнуло отсюда (из Беларуси. – Г. И.) моральных и научных сил для своего возрождения»¹². Таким образом был восстановлен интеллектуальный потенциал России после татарского ига, когда готовить своих специалистов не хватало времени и средств, а значительно проще было воспользоваться уже подготовленными профессионалами других государств. Польша в не меньшей степени использовала белорусские творческие ресурсы. В. Игнатовский писал об этих процессах следующее: «Голова народа, его интеллигенция, люди просвещения отошли от некультурного, забитого панщиной белоруса – мужика и слились с интеллигенцией Польши или Великорусии... И кто, как ни она, эта полонизированная белорусская интеллигенция, подарила польскому народу его великого песняра, новогрудского жителя А. Мицкевича»¹³. В качестве других примеров можно назвать И. Федорова, П. Мстиславца, С. Полоцкого, И. Копиевича, которые внесли огромный вклад в развитие русской культуры; А. Нарушевича, Ю. Немцевича, И. Крашевского, С. Монюшко, явившихся титанами польской культуры, и многих других этнических белорусов, ставших выдающимися деятелями культур других народов;

6) в странах Западной Европы и у ближайших соседей региона Центральной и Восточной Европы движущей силой национальных движений выступало мещанство, поскольку его образовательный и в целом культурный уровень был выше, чем у сельских жителей. На территории Беларуси ситуация была иной: опустошительные войны ВКЛ, а затем и Речи Посполитой с Московским государством, деэтнизация белорусской социальной элиты

(добровольная и принудительная культурная ассимиляция с поляками или русскими) привели к уменьшению численности белорусов среди горожан (табл. 1).

Таблица 1

Размещение белорусского населения в городах в 1897 г.¹⁴

Величина города	Количество городов	Численность населения	% белорусов
2–5 тыс.	17	63 723	36,0
5–10 тыс.	18	134 824	25,4
10–20 тыс.	6	80 852	22,6
20–50 тыс.	6	209 811	14,8
Свыше 50 тыс.	3	311 315	7,3
Все города свыше 2 тыс.	50	800 525	16,1

Крестьяне, лишившись направляющей роли национально ориентированных элит, часто идентифицировали себя как «тутэйшых», т. е. местных жителей, проживающих на определенной территории. Надлокальная интеграция в таких условиях весьма проблематична, хотя следует признать, что именно в крестьянской среде сохранились элементы белорусской народной культуры, но для конституирования нации этого недостаточно, поскольку ценности «титального» этноса принимаются иноэтническими образованиями, проживающими в той же стране, только при эффективной работе соответствующих пропагандистских институтов (система образования, учреждения культуры, средства массовой информации и коммуникации). Важной проблемой, задерживающей формирование национального самосознания, была неграмотность большей части белорусского населения, что затрудняло принятие идеологических категорий мышления (табл. 2);

Таблица 2

Умеющие читать в возрастной группе 10–49 лет в 1897 г.¹⁵

Губерния	% белорусов	% не белорусов
Вильно	34,7	50,3
Гродно	34,0	47,2
Витебск	18,8	53,4
Могилев	17,7	58,3
Минск	16,2	54,0

7) нациестроительные процессы в странах Центрально-Восточной Европы происходили вокруг мощных культурных центров, имеющих знаково-символическую ценность для того или иного народа. У чехов была Прага и Карлов университет, у поляков – Варшава и Краков (Ягеллонский университет), у украинцев Мать городов русских – Киев (позднее в деле консолидации украинской нации возросло значение Львова). Для белорусов таким центром был Вильно, город, овеянный легендами и сказаниями, столица ВКЛ. В результате исторических коллизий этот город стал столицей другого государства и соответственно его консолидирующий потенциал позитивно сказался на литовском нациогенезе. В подобной ситуации в белорусском нациогенезе другие факторы получили первостепенное значение. Самым важным из них с точки зрения создания национальных символов и мифов является героическая борьба с немецко-фашистскими захватчиками в годы Второй мировой войны. И здесь Брест, Минск, Могилев и другие города обладают потенциалом национально-культурных центров, который реализуется в конституировании нового национального самосознания.

Культурно-этническая модель нациогенеза в Беларуси в условиях культурного, этнического и конфессионального плюрализма и при активном вмешательстве в нациестроительные процессы извне (Польша и Россия) не имела своим результатом создание внутренне консолидированной нации,

как это произошло, например, в польском или чешском варианте. На наш взгляд, на современном историческом этапе только синтез двух концепций нациогенеза – культурно-этнической и политико-государственной – способен выработать парадигму национальной экзистенции «новой» Беларуси. Национально ориентированная политика государства, использующая культурно-этнические аргументы пропаганды идеи нации, может сделать более эффективным нациогенез Беларуси.

¹ См.: Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч. Эрнеста Ренана: В 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 101.

² См.: Сміт Є. Д. Національна ідентичність. Київ, 1994. С. 20–21.

³ См.: Brubaker R. Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie / Przekład Jan Łuczyński. Warszawa; Krakow, 1998. S. 43–44.

⁴ См.: Chlebowski J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotworcze we wschodniej Europie srodkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa; Krakow, 1983. S. 23.

⁵ См.: Там же. С. 39–48.

⁶ См.: Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie rodkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000. S. 80.

⁷ См.: Znaniecki F. Współczesne Narody. Warszawa, 1990. S. 44–45.

⁸ См.: Там же. С. 124.

⁹ См.: Chałasinski J. Kultura i narod. Studia i szkice. Warszawa, 1968. S. 34.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ См.: Hroch M. Evropska narodni hnutí v 19. Století. Spolecenské předpoklady vzniku novodobých národů. Praha, 1986. S. 63–65.

¹² Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн., 1993. С. 82.

¹³ Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі (Лекцыі, чытаныя для студэнтаў Менскага Педагагічнага Інстытуту у г. Яраслаўлі у 1917–1918 року). Мн., 1921. С. 5.

¹⁴ Wróbel P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska. Warszawa, 1990. S. 18.

¹⁵ Там же. С. 20.

Поступила в редакцию 25.06.2003.

Геннадий Иванович Иванчин – аспирант кафедры философии культуры. Научный руководитель – доктор культурологии, доцент В.Ф. Мартынов.

С.В. ТАЛАЙКО, О.Ю. СВЕТЛАКОВА

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА-Я ПОДРОСТКА

Анализируется факторная структура Образа-Я подростков в возрасте 14–15 лет, выявленная при помощи техники репертуарных решеток Дж. Келли.

The factor structure of self-image of a teenager (at the age of 14–15) has been determined in this article. To achieve the aim we used the repertory grid technique (J. Kelly).

Наиболее важными отличительными признаками подросткового периода являются фундаментальные изменения в сфере самосознания, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления подростка как личности. Именно в этот период, согласно позиции Б.Г. Ананьева, сознание, пройдя через многие объекты отношений, само становится объектом самосознания и, завершая структуру характера, обеспечивает его целостность, способствует образованию и стабилизации личности. Подросток начинает осознавать свою особенность и неповторимость, переориентируется с внешних оценок (преимущественно родительских) на внутренние. Таким образом, постепенно у него формируется своя Я-концепция, которая влияет на дальнейшее поведение молодого человека¹.

Э. Эриксон считает, что возникающий в этот период параметр связи с окружающими колеблется между положительным полюсом идентификации Я и отрицательным полюсом путаницы ролей. Перед подростком стоит задача обобщить все, что он знает о себе (как о школьнике, сыне, спортсмене, друге и т. д.). Все эти роли он должен собрать в единое целое, осмыслить их, связать с прошлым и спроецировать в будущее. Если молодой человек успешно справится с задачей психосоциальной идентификации, то у него появится ощущение того, кто он есть, где находится и куда идет².

В нашем исследовании приняли участие 80 школьников восьмых классов (14–15 лет): 40 человек – из средней школы № 196 г. Минска, 40 – из средней школы г. п. Чисть Молодечненского района Минской области.

Методическим приемом проведения исследования стала техника репертуарных решеток (ТРР) Дж. Келли³. Основные понятия, используемые нами при описании результатов исследования: личный конструкт – это биполярная шкала оценивания, особое субъективное средство, сконструированное самим человеком, с помощью которого он выделяет, оценивает и прогнозирует события, организует свое поведение, «понимает» других людей, реконструирует систему отношений и строит Образ-Я. Факторная структура Образа-Я личности есть иерархизированная по весу факторов, образованных личностными конструктами, категориальная структура индивидуального сознания, направленного на оценку своего Я. Когнитивная дифференцированность (КД) – это мера того, насколько сложным и многомерным является восприятие данным человеком определенной области опыта. Данная вели-

чина может быть определена по весу первого фактора в факторной структуре: чем больше его вес, тем меньше величина КД.

На первом этапе участникам тестирования предлагался список из десяти ролей: *я; мать; отец; брат; сестра; ближайший друг; бывший друг; человек, вызывающий жалость; человек, на которого хочется быть похожим; счастливый человек*. Испытуемому необходимо было в соответствии с каждой ролью указать конкретного человека при условии, чтобы один и тот же человек не выступал в двух ролях. Затем ему предъявлялись в диадах эти ролевые обозначения. Испытуемый должен был последовательно работать в соответствии с инструкцией: по какому существенному психологическому признаку эти люди похожи друг на друга? Напишите эту черту в строке данной диады под буквой А, а под буквой Б – противоположное свойство (А – общительный, Б – необщительный и т. п.).

На втором этапе школьники работали с заданными конструктами: 1) «Мои товарищи смеются надо мной – мои товарищи не смеются надо мной»; 2) «Я счастливый человек – Я несчастный человек»; 3) «Мне трудно знакомиться – мне легко знакомиться»; 4) «Я всегда грустный – Я всегда веселый»; 5) «Я умный – Я глупый»; 6) «Я стеснительный – Я не стеснительный»; 7) «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске – Я не нервничаю, когда меня вызывают к доске»; 8) «Моя внешность раздражает меня – моя внешность не раздражает меня»; 9) «Когда вырасту, буду значительным человеком – когда вырасту, буду незначительным человеком»; 10) «Я волнуюсь перед контрольной работой – Я не волнуюсь перед контрольной работой»; 11) «Я непопулярен – Я популярен»; 12) «В школе я себя хорошо веду – в школе я себя плохо веду»; 13) «Когда что не так, это моя вина – когда что не так, это не моя вина»; 14) «Я приношу неприятности моей семье – Я не приношу неприятности моей семье»; 15) «Я сильный – Я слабый».

По указанным личным конструктам испытуемым необходимо было оценить четыре ролевые позиции: 1) «Я сейчас»; 2) «Я год назад»; 3) «Я через 5 лет»; 4) «Идеал Я». Личные конструкты были взяты из теста «Шкала детской Я-концепции» Пирса-Харриса, пункты опросника которого основаны на коллекции детских утверждений, собранных А. Джерсильдом⁴.

Для обработки результатов была использована компьютерная программа «Келли» (репертуарные решетки), разработанная В.И. Похилько и Н.Н. Страховым.

Факторная структура Образа-Я подростков группы из Минска. Как показали результаты факторного анализа системы заданных личных конструктов учащихся Минска, факторная структура Образа-Я подростков состоит из двух факторов.

Вес первого фактора составляет 10,558 (70,389 % объясняемой дисперсии) и включает в себя двенадцать показателей: «Мне трудно знакомиться – мне легко знакомиться» (0,997), «Мои товарищи смеются надо мной – мои товарищи не смеются надо мной» (0,987), «Я всегда грустный – Я всегда веселый» (0,987), «Я умный – Я глупый» (-0,939), «Я сильный – Я слабый» (-0,930), «Я стеснительный – Я не стеснительный» (0,927), «Я непопулярен – Я популярен» (0,869), «Моя внешность раздражает меня – моя внешность не раздражает меня» (0,788). Личные конструкты: «Когда вырасту, буду значительным человеком – когда вырасту, буду незначительным человеком» (-0,652*), «Когда что не так, это моя вина – когда что не так, это не моя вина» (0,622*), «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске – Я не нервничаю, когда меня вызывают к доске» (0,538*), «Я волнуюсь перед контрольной работой – Я не волнуюсь перед контрольной работой» (0,531*) – вошли с большими факторными нагрузками во второй фактор, поэтому при

⁴ Личные конструкты, отмеченные *, входят также в другой фактор, но с большей факторной нагрузкой.

интерпретации данного фактора мы их не учитывали. Первый фактор является биполярным, его можно обозначить как «Неуверенность в себе».

Второй фактор составляет 3,503 веса факторных нагрузок (23,352 % объясняемой дисперсии) и состоит из восьми личных конструкторов: «Я счастливый человек – Я несчастный человек» (0,949), «Я приношу неприятности моей семье – Я не приношу неприятности моей семье» (-0,949), «В школе я себя хорошо веду – в школе я себя плохо веду» (0,878), «Когда вырасту, буду значительным человеком – когда вырасту, буду незначительным человеком» (0,756), «Когда что не так, это моя вина – когда что не так, это не моя вина» (-0,737), «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске – Я не нервничаю, когда меня вызывают к доске» (-0,635), «Я волнуюсь перед контрольной работой – Я не волнуюсь перед контрольной работой» (-0,623), «Моя внешность раздражает меня – моя внешность не раздражает меня» (-0,566*). Последний конструктор вошел также в первый фактор, но с большей нагрузкой, поэтому мы его не учитывали при интерпретации второго фактора. Данный фактор биполярный и его можно назвать «Счастливый ученик».

Далее опишем результаты проекции ролевых элементов («Я сейчас», «Я год назад» «Я через 5 лет», «Идеал Я») в факторное пространство, координатными осями которого являются выявленные факторы, проинтерпретированные как «Неуверенность в себе» и «Счастливый ученик». Ролевой элемент «Я сейчас» оценивается по одинаковым полюсам личных конструкторов с позицией «Я год назад», но противоположно ролевым элементам «Я через 5 лет» и «Идеал Я». Так, подростки оценивают «Я сейчас» по следующим полюсам личных конструкторов: «Мне трудно знакомиться», «Мои товарищи смеются надо мной», «Я всегда грустный», «Я стеснительный», «Я непопулярен», «Моя внешность раздражает меня», «Я приношу неприятности моей семье», «Когда что не так, это моя вина», «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске», «Я волнуюсь перед контрольной работой».

Отметим, что степень выраженности самооценок «Я сейчас» по этим показателям значительно ниже, чем оценки ролевого элемента «Я год назад», что свидетельствует о позитивной динамике изменения самооценок школьников.

Ролевые элементы «Я через 5 лет» и «Идеал Я» оцениваются по полюсам личных конструкторов, противоположных ролевым позициям «Я сейчас» и «Я год назад». Так, самооценки подростков относительно своего Я в будущем носят значительно более позитивный характер, чем в прошлом и настоящем. Они оценивают себя как «Я умный», «Я сильный», «Я счастливый человек», «В школе я себя хорошо веду», «Когда вырасту, буду значительным человеком», причем степень выраженности самооценок у «Идеал Я» выше, чем у ролевой позиции «Я через 5 лет». Эти факты свидетельствуют о позитивности представлений подростков о себе в будущем.

Таким образом, факторная структура Образа-Я заданных личных конструкторов школьников, обучающихся в Минске, состоит из двух факторов, обозначенных как «Неуверенность в себе» и «Счастливый ученик», причем можно отметить негативный характер самооценок по личным конструкторам, образующих выявленные факторы.

Факторная структура Образа-Я подростков группы из г. п. Чисть. Как показывают экспериментальные данные, заданные личные конструкторы распределились в два фактора. Вес первого составляет 13,592 (90,195 % объясняемой дисперсии), он является биполярным и содержит четырнадцать личных конструкторов: «Когда вырасту, буду значительным человеком – когда вырасту, буду незначительным человеком» (-0,998), «Я сильный – Я слабый» (-0,997), «Моя внешность раздражает меня – моя внешность не раздражает меня» (0,995), «Мои товарищи смеются надо мной – мои товарищи не смеются надо мной» (0,993), «Я всегда грустный – Я всегда веселый»

(0,985), «Когда что не так, это моя вина – когда что не так, это не моя вина» (0,977), «Мне трудно знакомиться – мне легко знакомиться» (0,977), «Я счастливый человек – Я несчастный человек» (-0,974), «Я умный – Я глупый» (-0,973), «Я стеснительный – Я не стеснительный» (0,968), «Я непопулярен – Я популярен» (0,943), «Я волнуюсь перед контрольной работой – Я не волнуюсь перед контрольной работой» (0,925), «Я приношу неприятности моей семье – Я не приношу неприятности моей семье» (0,896), «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске – Я не нервничаю, когда меня вызывают к доске» (0,847). Данный фактор мы обозначили как «Неуверенность в себе».

Второй фактор, вес которого 1,220 (8,132 % объясняемой дисперсии), включает в себя два личных конструкта: «В школе я себя хорошо веду – в школе я себя плохо веду» (0,998), «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске – Я не нервничаю, когда меня вызывают к доске» (-0,525*). Последний личный конструкт входит также в первый фактор, но с большей весовой нагрузкой, поэтому при интерпретации данного фактора мы его не учитывали. Второй фактор можно проинтерпретировать как «Дисциплинированность».

Теперь проанализируем степень позитивности-негативности самооценок школьников: результат проекции ролевых элементов «Я сейчас», «Я год назад», «Я через 5 лет», «Идеал Я» в пространство их личных конструктов, образующих указанные выше факторы «Неуверенность в себе» и «Дисциплинированность».

Так, ролевые элементы «Я сейчас» и «Я год назад» оцениваются по следующим полюсам личных конструктов: «Моя внешность раздражает меня», «Мои товарищи смеются надо мной», «Я всегда грустный», «Когда что не так, это моя вина», «Мне трудно знакомиться», «Я стеснительный», «Я непопулярен», «Я волнуюсь перед контрольной работой», «Я приношу неприятности моей семье», «Я нервничаю, когда меня вызывают к доске», что свидетельствует о негативности самооценок школьников второй группы. Необходимо отметить, что степень негативности самооценок «Я сейчас» ниже, чем «Я год назад», что говорит о позитивной динамике самооценок подростков.

Ролевые позиции «Я через 5 лет» и «Идеал Я» получили оценки по следующим полюсам личных конструктов: «Когда вырасту, буду значительным человеком», «Я сильный», «Я счастливый человек», «Я умный», «В школе я себя хорошо веду». Заметим, что степень выраженности этих характеристик у «Идеал Я» выше, чем у «Я через 5 лет», что может означать перспективу саморазвития подростков в направлении их «Идеал Я».

Таким образом, факторная структура школьников, обучающихся в периферийной школе, включает в себя два фактора, проинтерпретированных как «Неуверенность в себе» и «Дисциплинированность». Отметим также негативный характер самооценок данной группы школьников. Можно предположить, что наличие фактора «Дисциплинированность» может свидетельствовать о том, что для родителей и педагогов, оказывающих воздействие на данную группу респондентов, свойственны более жесткие и авторитарные стили обучения и воспитания. В связи с этим представления о себе подростков напрямую связаны с их поведением в школе, измеряемым личным конструктом «В школе я себя хорошо веду – в школе я себя плохо веду».

Необходимо подчеркнуть, что степень негативности самооценок подростков двух групп относительно ролевых элементов «Я сейчас» и «Я год назад» значительно не различается. Что касается ролевых элементов «Я через 5 лет» и «Идеал Я», то у школьников г. п. Чисть самооценки «Я через 5 лет» и «Идеал Я» значительно ближе к друг другу в семантическом пространстве выявленных факторов, чем аналогичные ролевые позиции минских учащихся. Установленный факт может свидетельствовать о более реалистичных представлениях о себе в будущем столичных школьников и о более высоком уровне их притязаний.

Негативный характер самооценок, выявленный у подростков в отношении ролевых элементов «Я сейчас» и «Я год назад», согласуется с экспериментальными данными ряда исследований⁵. Психологи отмечают, что в целом у подростков 12–14 лет самооценки снижаются по сравнению с самооценками детей 8–11 лет, причем постепенное увеличение адекватности самооценки в подростковом возрасте указывает на их больший реализм, в то время как детям свойственно завышать оценку собственных качеств⁶.

Высокую степень негативности самооценок можно объяснить тем, что в свете объективных данных период пубертата выступает как время наибольшей психологической депрессивности. Пубертат сам по себе не действует на Я-концепцию, но повышает уязвимость личности перед лицом обстоятельств, которые могут оказывать неблагоприятное воздействие на самосознание. У подростка повышается критичность к себе, поскольку в критический период формирования эго-идентичности он должен согласовать внутреннее Я с множеством социальных ролей. Ему необходимо выработать единую картину мировосприятия, в которой ценностные представления родителей, учителей и сверстников должны быть синтезированы и согласовываться между собой⁷.

Теперь проанализируем систему выявленных методом диад личных конструктов двух групп, представленную в таблице.

Система выявленных личных конструктов подростков

№ п/п	Личный конструкт	Группа, Минск		Группа, Чисть	
		Частота упоминания (%)	Ранг	Частота упоминания (%)	Ранг
1	Наличие внешних признаков (волосы, ноги, руки, лицо и т. п.) – отсутствие этих признаков	0	0	77,5	1
2	Веселый – грустный	100	1	57,5	5
3	Вспыльчивый, нервный – спокойный	80	2	27,5	14
4	Умный – глупый	77,5	3	72,5	3
5	Близкие интересы – разные интересы	72,5	4	0	0
6	Добрый – злой	67,5	5	60	4
7	Красивый – некрасивый	60	6,5	50	7
8	Общительный – замкнутый	60	6,5	45	10
9	Трудолюбивый – ленивый	55	8	42,5	11
10	Волевой – безвольный	52,5	9	47,5	9
11	Воспитанный – невоспитанный	40	10	52,5	6
12	Понимающий – непонимающий	35	11	0	0
13	Счастливый – несчастный	32,5	12	0	0
14	Нежный – грубый	30	13	0	0
15	Смелый – трусливый	22,5	14	22,5	16
16	Жадный – щедрый	20	15	0	0
17	Близкие интересы – разные интересы	0	0	75	2
18	Сильный – слабый	0	0	50	8

Наиболее часто употребляемыми личными конструктами у подростков с периферии являются те, которые оценивают их физический облик, что свойственно для более младших школьников и свидетельствует о более низком уровне их самосознания относительно столичных школьников, у которых подобные личные конструкты вообще отсутствуют. Наряду с этим фактом обнаружено, что для респондентов минской группы более значимыми параметрами оценивания являются личные конструкты «веселый – грустный» и «спокойный – беспокойный», что, возможно, обусловлено более высоким уровнем их эмоциональной неустойчивости.

Заметим, что для обеих групп школьников значимым является личный конструкт «красивый – некрасивый», занимающий соответственно шестую и седьмую ранговые позиции у минских подростков и учащихся периферийной школы. Этот факт согласуется с литературными данными, согласно которым у подростков позитивность самооценок напрямую связана с удовлетворенностью своей внешностью⁸.

Отметим также, что общее количество выявленных личных конструктов у подростков минской группы значительно превышает их число у школьников с периферии (116 относительно 86). Указанные данные свидетельствуют о более высоком уровне когнитивного развития подростков столичной школы и соответственно более высоком уровне их самосознания. На наш взгляд, полученные результаты обусловлены более высоким уровнем развития вербального и невербального интеллекта минских подростков, что было показано в нашем предыдущем исследовании⁹. Так, нами было отмечено, что существует взаимосвязь между показателем КД и IQ (коэффициентом интеллектуального развития), поскольку при прочих равных условиях индивиды с высоким IQ, как правило, быстрее овладевают формальным мышлением, чем индивиды с низким IQ. Способность к абстрагированию является необходимой предпосылкой как для дифференциации Образа-Я и представлений об окружающем мире, так и личностной интеграции на более высоком уровне. Низкий уровень КД в целом для подростков на возрастном этапе 14–15 лет можно связать с преобладанием процесса интеграции в представлениях о себе над процессом дифференциации, обусловленным кризисным периодом формирования зрелой идентичности.

¹ См.: Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб., 2001.

² См.: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

³ См.: Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева и др. М., 1987.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ См.: Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М., 1986.

⁶ См.: Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.

⁷ См.: Бернс Р. Указ. пр.

⁸ См.: Райс Ф. Указ. пр.

⁹ См.: Талайко С.В. О связи структуры самосознания личности младшего подростка с уровнем его интеллекта // Психология и дети: рефлексия по поводу защиты прав ребенка: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 24–25 марта 1999 г. / БГПУ им. М. Танка, фак. прикл. психологии. Мн., 1999. С. 125–126.

Поступила в редакцию 02.06.2003.

Светлана Валентиновна Талайко – кандидат психологических наук, доцент.

Ольга Юрьевна Светлакова – педагог-психолог средней школы г. п. Чисть.

Ю.С. СМЕРНОВА

ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, МЕХАНИЗМЫ, ЭФФЕКТЫ

Исследуется социально-психологическая проблема предубеждений. Раскрывается содержание категории, рассматриваются основные психологические механизмы и последствия данного явления.

The social-psychological problem of prejudices is analyzed. The content of the concept, the basic psychological mechanism and the psychological consequences of prejudices are considered.

Распространенным явлением в обществе является наличие социальных групп, обладающих негативной репутацией, которые становятся объектом дискриминации, отвержения, предвзятого, неоправданно негативного, враждебного отношения окружающих. Членам этих социальных групп присваиваются отрицательные ярлыки и приписываются соответствующие характеристики: жадность, нечестность, глупость, наглость, слабость, безволие, лень и т. д. В социальной психологии данное явление освещается в рамках исследований предубеждений и феномена стигматизации.

Предубеждения пронизывают все сферы отношений между людьми и могут касаться самых разных сторон социальной жизни. Выделяют расовые, этнические, гендерные, классовые, религиозные, политические, профессиональные, возрастные предубеждения, предубеждения по отношению к сексуальным меньшинствам, алкоголикам, наркоманам, преступни-

кам, нищим, безграмотным, страдающим психическими заболеваниями, толстым или худым, холостым и разведенным и т. д.

Определим содержание категории "предубеждение". В "Словаре русского языка" С.И. Ожегова данное понятие определяется как "предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-чему-нибудь"¹. Близким по своему значению является слово "предрассудок" – "ставший привычным ложный взгляд на что-нибудь"². Отметим, что феномен предубеждений получил широкое освещение в англоязычных источниках по социальной психологии, где используется английское слово "prejudice", переводимое на русский и как предубеждение, и как предрассудок. В психологической литературе встречаются различные определения понятия "предубеждение". Пытаясь обобщить существующие формулировки, ученый Ashmore выделил четыре основные характеристики **предубеждений**³:

- они имеют место по отношению к какой-либо социальной группе, а также отдельному человеку при условии его идентификации с этой группой; являясь межгрупповым феноменом, проявляются в сфере межличностных отношений. Общие свойства, приписываемые группе, превращаются в частные, характерные отдельному индивиду;

- рассматриваются как аттитюд (отношение, социальная установка), имеющий трехкомпонентную структуру: когнитивный (негативные знания, убеждения), аффективный (негативные чувства) и поведенческий (готовность к агрессии, склонность к дискриминации) компоненты;

- подчеркивается, что предубеждения представляют собой негативный аттитюд, т. е. негативную оценку группы и ее членов, отрицательное, враждебное, презрительное отношение, антипатию, неприязнь, осуждение;

- неадекватность, необоснованность, ложность предубеждений, которые основываются на ошибочной негибкой генерализации, неполной, неверной, неточной информации; предубеждения препятствуют адекватному восприятию и интерпретации сообщения или действия.

В дополнение к указанным рассмотрим еще одну существенную характеристику предубеждений, позволяющую использовать данное понятие и в более широком смысле: предвзятость, априорный характер; они выступают как *предварительное, предшествующее объективному знанию, заранее принятое мнение, преждевременное суждение, не основанное на фактах, убеждение "пред"*.

О. Клайнберг определяет предубеждение как "априорное суждение, т. е. чувство или реакцию на людей или вещи, предшествующие всякому реальному опыту и, таким образом, не опирающееся на него"⁴.

Степень ошибочности и неточности предубеждений тогда является следствием их априорного характера и может быть различной. Они могут базироваться как на вполне адекватной (пусть предварительной и непроверенной) информации об объекте, так и быть полностью ложными, ошибочными.

При таком понимании предубеждения могут содержать не только негативную информацию об объекте (оценку, отношение). Во многих случаях оценка не может быть определена как однозначно негативная или позитивная. Отношение к объекту может оказаться амбивалентным. Предубеждения могут содержать информацию о характеристиках объекта, оценка которых зависит от контекста его восприятия, личностных особенностей оценивающего, его социальной идентичности, психического состояния и т. д.

В своем широком смысле понятие предубеждения может быть использовано не только при анализе межгрупповых отношений, но в более широком контексте (например, к рекламе, товарам отечественного или зарубежного производства, желтой прессе, бразильским сериалам и т. д.).

Таким образом, предубеждение традиционно определяется как необоснованно негативное отношение к группе и отдельным ее членам. Близким по своему содержанию является термин “дискриминация” как неоправданно негативное поведение по отношению к группе или ее членам, часто имеющее в своей основе отрицательную установку предвзятости, т. е. предубеждение. В более широком смысле данная категория трактуется как предвзятая установка в отношении какого-либо объекта.

Предубеждения в большинстве своем поддерживаются социальными стереотипами, под которыми понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. При определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженный оценочный характер, нагруженность “ошибочным” компонентом, устойчивость. Стереотип признается преимущественно негативным явлением, препятствующим полному и адекватному взаимопониманию людей, искажающему восприятие и интерпретацию социальной реальности⁵. Любой стереотип содержит пространство адекватности и пространство обобщений и упрощений, в силу чего не может считаться точной характеристикой группы и зачастую ведет к ошибкам социальной перцепции.

Отметим, что вопрос о соотношении понятий стереотип и предубеждение неясен⁶. Понятия “стереотип” и “предубеждение” часто отождествляются. Социальный стереотип, как и предубеждение, рассматривается в качестве разновидности социальной установки в отношении какой-то социальной группы и отдельных ее представителей, нагружен “ошибочным компонентом”, иррационален, эмоционально окрашен, оценочен, препятствует адекватному восприятию. Но такое отождествление является неверным, если под предубеждением понимать исключительно неоправданно негативное отношение к группе и отдельным ее членам. В таком случае не все стереотипы являются предубеждениями, существуют, например, позитивно окрашенные стереотипы. Непредубежденные люди, кроме того, могут обладать знанием негативных стереотипов.

Вопрос о том, все ли предубеждения стереотипичны, также является дискуссионным. Так, в основе предубеждений может лежать недоверие, страх, неприязнь и непринятие людьми всего, что отличается от них, неизвестно и, следовательно, непредсказуемо⁷. Принадлежность людей к разным социальным группам подчеркивает их различия, разделение на “мы” и “они”, где последние будут рассматриваться как далекие, другие, непонятные, непредсказуемые, вызывающие опасение и т. д. Предубеждения в таком случае могут использоваться для оправдания своего негативного поведения и рационализации негативных чувств. Они также позволяют избежать ответственности и чувства вины за свои поступки, оправдать свои недостатки и поддержать самоуважение, компенсировать чувство неполноценности и подчеркнуть свое преимущество, добиться подчинения себе других, повысить свой статус и т. д.

Предубеждения могут быть следствием поспешных и необоснованных выводов, базирующихся на личном опыте, а также результатом некритичного усвоения стереотипов, распространенных в определенной социальной группе. Сформировавшись, предубеждение может работать по механизму самореализующихся пророчеств: то, что воспринимается как реальное, становится таковым по своим последствиям. Предубеждение может сохраняться также вследствие конформности, когда люди согласовывают свое поведение с предубеждением, которое доминирует и является социально приемлемым в их окружении.

Отмечается, что предубежденный субъект совсем не желает осознавать, что он пристрастен или консервативен, и не может дать объективную, неза-

висимую оценку происходящим событиям. Осознание же собственной пристрастности и несправедливости в оценках не обязательно ведет к снижению предубежденности, но способствует использованию человеком таких когнитивных и речевых стратегий выражения предубеждений, которые позволяют сохранять позитивный образ самого себя и осуществлять оптимальную самопрезентацию в качестве терпимого, понимающего, широко мыслящего гражданина⁸. Анализ таких когнитивных и речевых стратегий осуществляется в рамках дискурсивно-аналитических исследований коммуникации по поводу стигматизированных меньшинств.

Для рассмотрения механизмов и последствий функционирования предубеждений остановимся на характеристике такого социально-психологического явления, как стигматизация.

Стигма – “любой недостаток или дефект, или знак таковых, который оказывает серьезное негативное воздействие на социальное принятие затронутого индивида”⁹. Это знак, служащий для того, “чтобы мы могли увидеть что-то необычное или плохое в нравственном облике носителя этого знака”¹⁰. Стигма представляет собой некий атрибут, дискредитирующий человека в глазах окружающих, это качество, выдающее некое “постыдное” свойство индивида, его ущербность, дефект, нежелательное отличие от нормы. Она наделяет индивида статусом неполноценного человека (“не вполне человека”), вызывает его неприятие или по меньшей мере отсутствие готовности взаимодействовать с ним “на равных”¹¹.

Стигматизация, таким образом, предстает как процесс “клеймения”, навешивания негативного ярлыка (стигмы), вызывающего предубежденное отношение к его носителю, неприятие, отвержение, дискриминацию, осуждение. В ярлыках выражается наиболее абстрактная и общая информация об объекте, и, по очень точному замечанию Гордона Олпорта, они “действуют как sireны, заставляя нас забывать обо всех более тонких различиях”¹².

Исследования феноменов предубеждений и стигматизации осуществляются не только в направлении изучения социальных установок стигматизаторов, их источников и функций, закономерностей формирования, функционирования и коррекции. Исследуются также следствия предубежденного отношения для членов стигматизированных групп.

Указываются на следующие возможные проявления негативных последствий предубежденного отношения к представителям стигматизированных групп.

Снижение самооценки. Отношение к представителям стигматизированных групп детерминировано имеющимися в отношении них предубеждениями. Носители стигмы воспринимаются окружающими как неполноценные, неспособные люди, а стигма оценивается окружающими как некое порочащее, “постыдное” качество. Результатом становится чувство стыда, которое испытывается в связи с обладанием стигмой, и стремление скрыть этот факт (если возможно) от окружающих. Носитель стигмы может также вслед за окружающими осознавать свою неполноценность, стыдиться ее.

Представители стигматизированных групп часто подвергаются социальному отчуждению, дискриминации со стороны окружающих, что в значительной мере снижает вероятность их успешности в различных сферах жизнедеятельности. Самооценка человека зависит от уровня его достижений, поэтому вероятность формирования заниженной самооценки у членов стигматизированных групп высока.

Вместе с тем вопреки данной логике рассуждений эмпирические исследования в этой области продемонстрировали, что самооценка членов стигматизированных групп по своему уровню не ниже, а иногда даже выше самооценки представителей нестигматизированных групп. Crocker и Major указали на следующие способы поддержания самооценки стигматизированных на высоком уровне¹³:

1) приписывание причин своих неудач действию предубеждений и дискриминации;

2) обесценивание тех сфер, в которых в силу своей стигматизированности они не могут проявить себя;

3) избирательное сравнение себя с другими обладателями стигмы, а не с нестигматизированными индивидами.

Формирование негативной социальной идентичности. Я-концепция личности включает в себя личностную и социальную идентичности. Согласно концепции Г. Тэджфела и Дж. Тернера, индивиды стремятся к достижению и сохранению позитивной социальной идентичности. Осознание своей принадлежности к стигматизируемой социальной группе, субъективная идентификация с ней соответственно могут привести к формированию негативной социальной идентичности и снижению самооценки.

Данное положение справедливо для тех случаев, когда человек стал обладателем стигматизирующего качества уже после того, как усвоил доминирующие в обществе стереотипы и предубеждения и сам в прошлом подвергал стигматизации и отвержению соответствующие категории людей, относился к ним с пренебрежением (например, включение человека в группу нищих, просящих милостыню).

По мнению авторов концепции социальной идентичности, когда последняя не удовлетворяет человека, он стремится либо покинуть низкостатусную социальную группу и присоединиться к более высокооцениваемой группе, либо подчеркнуть позитивное отличие своей группы от остальных релевантных аутгрупп. Исследование динамики идентификации человека с группой нищих обнаружило феномен постепенного разотождествления со стигматизированной группой по основным личностным качествам, приписываемым представителям этой группы¹⁴.

Депрессия, подавленность. Стигматизация сопровождается ощущением подавленности, бесперспективности собственного существования. В частности, как отмечает А. Финзен, люди, страдающие психическими заболеваниями (например, шизофренией), задаются вопросом, связанным с потребностью скрывать свое заболевание, отрицать его: "Стоит ли продолжать жить с этим заболеванием?" Такая установка повышает риск суицида. Одиночество и социальная изоляция, будучи результатом стигматизации и предубежденного отношения окружающих, могут стать источником безнадежности и отчаяния, а это основные мотивы суицида¹⁵.

Снижение чувства контроля над окружающим миром, наученная беспомощность, пессимистический атрибутивный стиль. Наученная беспомощность возникает в тех случаях, когда человек считает себя неспособным контролировать то, что с ним происходит. Сталкиваясь с многочисленными неудачами, он формирует своеобразную предуготованность к будущим неудачам, снижает уровень ожидаемой эффективности, что, в свою очередь, обрекает его на новые неудачи. Он начинает вести себя как жертва – пассивно и неэнергично. Наученная беспомощность есть разновидность утраты веры в справедливый мир. Человек при этом прибегает к пессимистическому (депрессивному) атрибутивному стилю, при котором негативные переживания, результаты и жизненные обстоятельства он относит на счет неконтролируемых личностных или ситуативных факторов¹⁶.

Наличие вторичной выгоды. Так, например, в ряде случаев наличие стигмы и используется ее носителями для оправдания собственной неуспешности, которая имела место по причинам, не связанным с обладанием стигмой. Это способ избежать социальной ответственности: "Как я такой неполноценный могу достичь успеха?" Устранение стигмы (например, устранение физического недостатка путем хирургической операции) делает человека беззащитным перед возрастающими требованиями окружающих и

лишает его возможности оправдания собственного бездействия и неудач, несостоятельности. Если человек не готов справиться с подобной ситуацией, он может избрать невротическую модель поведения¹⁷.

Низкий уровень достижений. Ощущение собственной беспомощности может привести к снижению уровня притязаний, пассивности и бездействию и, как следствие, низким результатам и достижениям. Но такая ситуация может быть обусловлена и объективно наличием дискриминации носителей стигмы, их непринятием и социальной изоляцией, а это существенно снижает вероятность их успеха в той или иной сфере.

Вторичная девиация. Стигматизация как акт навешивания ярлыка рассматривается в качестве источника девиантного поведения. Г. Беккер отметил, что девиация есть «...не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против "нарушителя"»¹⁸. Появление девиантного поведения возможно при одном только определении индивида как социально отклоняющегося и применении по отношению к нему репрессивных или исправительных мер. Постепенно человек сам привыкает считать себя таковым и начинает вести себя в соответствии с новой ролью. Таким образом, предубеждения могут оправдываться по механизму самореализующихся пророчеств.

Последствия для общения. Результатом предубежденного отношения и стигматизации являются подозрительность и недоверие представителей стигматизированных групп к окружающим. Они либо ведут себя агрессивно, занимают оборонительную позицию, либо становятся замкнутыми и избегают контакта с окружающими в ожидании враждебного отношения с их стороны или по меньшей мере особо пристального внимания к своей персоне и своему "недостатку". Стигматизированные часто стремятся скрыть, если это возможно, то качество, которое может вызвать предубеждения в отношении них. Ведь даже если окружающие тщательно контролируют свои высказывания и свое поведение со стигматизированными, они все равно демонстрируют неловкость в общении с последними, боясь неосознанно их оскорбить, лишней раз напомнить об их "неполноценности".

Таковы основные последствия предубеждений и стигматизации. Можно вести речь о двух основных направлениях в отношении их профилактики и преодоления. Одно из них концентрирует свое внимание на возможностях изменения социальных установок предвзятости, доминирующих в обществе. Разрабатываются соответствующие программы дестигматизации, предназначенные для реализации через систему образования и СМИ. Ряд авторов высказывают пессимизм в отношении эффективности подобных мер. А. Финзен предлагает сконцентрировать внимание прежде всего на социальной и психологической работе специалистов с носителями стигмы и их ближайшим окружением. Такое направление в профилактике и преодолении последствий стигматизации и предубеждений состоит во внешнем вмешательстве, направленном на повышение самооценки стигматизируемых, коррекцию атрибутивного стиля, что обеспечивает их успешную адаптацию в условиях стигматизации. Очевидно, что работа должна вестись и в том и в другом направлении. При этом необходимо знание природы предубеждений в отношении стигматизированных групп. Представляет интерес изучение структурных, содержательных, динамических и функциональных характеристик предубеждений. Понимание социальных и психологических механизмов их функционирования может помочь в разработке стратегий по преодолению их негативных последствий.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 472.

² Ожегов С. И. Там же. С. 471.

³ См.: Devine P. G. Prejudice and Out-Group Perception // *Advanced Social Psychology* / A. Tesser (ed.). Magrourhili, 1995. P. 486.

⁴ Робер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. С. 172.

Психалогія

⁵ См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

⁶ См.: Агеев В.С. Там же; Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 267–269.

⁷ См.: Communicating prejudice / M.L. Hecht (ed.). Thousand Oaks, 1998.

⁸ См.: Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 294–300.

⁹ Киселев М.Ю. Страх и стигма: о социально-психологических механизмах стигматизации больных СПИДом и жертв радиационных катастроф // Психологический журнал. 1999. № 4. С. 40.

¹⁰ Цит. по: Финзен А. Психоз и стигма. М., 2001. С. 190.

¹¹ См.: Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Harmondsworth, 1986.

¹² Цит. по: Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000. С. 126.

¹³ The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology / A.S.R. Menstead, M. Hewstone (eds.). London, 1998. P. 633–635.

¹⁴ Дьяконов И.Ю., Бутовская М.Л. Динамика идентификации человека с группой нищих // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 79–89.

¹⁵ См.: Финзен А. Указ. пр. С. 57–70.

¹⁶ См.: Андреева Г.М. Указ. пр. С. 158–161.

¹⁷ См.: Goffman E. Op. cit.

¹⁸ Becker H. Outsiders. New York, 1963. P. 9.

Поступила в редакцию 09.09.2003.

Юлия Сергеевна Смирнова – преподаватель кафедры психологии.

О.Т. ЛАШКЕВИЧ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ» – «СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ» КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Представлены различные толкования понятия «публик рилейшнз», раскрываются его основные теоретические положения: цели, задачи, функции, принципы.

The article describes the spectrum of interpretation of the concept «public relations», considers its basic theoretical positions: purposes, tasks, functions, principles.

Понятие «публик рилейшнз» (ПР) («public relations»), ставшее у нас популярным в последнее время, тем не менее не приобрело определенности. С одной стороны, это можно объяснить неформальностью самого явления в условиях трансформационного общества. Отсутствие четких профессионально-этических стандартов, нехватка глубоких академических исследований в этой сфере, а главное – неразвитость партнерских политико-экономических отношений между институтами приводят во многом к дискредитации этого явления. С другой стороны, интерес и неоднозначность подходов к «публик рилейшнз» на Западе, где они имеют более долгую историю, свидетельствуют о сложности понятия.

В обществе, где информация становится основным производственным ресурсом, «связи с общественностью» любой организации, будь то государственный институт, политическая партия или коммерческая организация, имеют важнейшее значение. Формулировку «связи с общественностью», используемую как русскоязычный эквивалент «public relations», многие авторы считают неадекватной, не полно отражающей суть явления, поэтому теоретики и практики чаще употребляют английский вариант термина, в том числе в его русской транскрипции, либо аббревиатуру. В данной работе используется как оригинал, так и перевод.

Существует около 500 дефиниций этого понятия. Авторы всегда приводят целый спектр толкований, среди которых особо выделяют обобщенное, синтезированное: «Публик рилейшнз» – это особая функция управления, способствующая установлению и поддержанию общения, взаимопонимания, расположения и сотрудничества между организацией и ее общественностью. Она включает в себя решение различных проблем: обеспечивает руководство организации информацией об общественном мнении и оказывает ему помощь в выработке ответных мер; способствует деятельности руководства в интересах общественности; поддерживает его готовность к различным переменам путем заблаговременного предвидения тенденций; использует исследование и открытое общение в качестве основных средств деятельности¹.

Данную трактовку можно отнести к так называемому альтруистическому подходу в отношении ПР. Классическое определение Сэма Блэка, английского мэтра «по публик рилейшнз», цитируемое столь многими авторами и

часто рассматриваемое как излишне приглаженное и идеологизированное, также представляет подобный подход: «Паблик рилейшнз – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности»².

Выделяют также компромиссный и прагматический подходы к этому явлению. Компромиссный подход, не столь абстрактный по сравнению с альтруистическим, исходит из учета двусторонних интересов. Именно такая более жизненная трактовка была предложена на форуме тридцати национальных ассоциаций ПР в Мехико в 1978 г.: «Практика “паблик рилейшнз” – это искусство и социальная наука, позволяющие анализировать тенденции, предсказывать их последствия, консультировать руководство организаций и претворять в жизнь планируемые заранее программы действий, которые служат интересам как организаций, так и общественности»³.

Прагматические трактовки стремятся максимально учесть существующие на практике тенденции, избавиться от идеалистического окраса: «ПР – это система информационно-аналитических и процедурно-технологических действий, направленных на гармонизацию взаимоотношений внутри некоторого проекта, а также между участниками проекта и его внешним окружением в целях успешной реализации данного проекта»⁴.

Логичны дефиниции, которые совмещают специфику трех подходов: «ПР – это такая разновидность социально-психологического менеджмента, в котором на основе точной и полной информации, полученной в результате анализа тенденций политического, социально-экономического развития (страны, региона или отдельных отраслей, предприятий) и соблюдения общепризнанных этических норм и общественных интересов, планомерно и непрерывно осуществляется комплекс мероприятий по достижению обоюдного доверия, гармоничных и взаимовыгодных отношений между организацией и обществом, между ними и властью»⁵.

Подобное многообразие описаний представляется целесообразным, так как ПР – развивающаяся система. Во всех перечисленных определениях речь идет о взаимоотношениях между организацией – корпорацией-институтом и их общественностью как внешней, так и внутренней, говорится о процессах, процедурах, способствующих анализу, уточнению, изменению этих взаимоотношений. Процессы в идеальном варианте должны учитывать существующие тенденции и быть направлены на достижение позитивного результата, будь то разрешение кризисной ситуации либо создание имиджа. Процедуры должны проводиться с учетом этико-правовых норм и ценностей.

Таким образом, предметом «паблик рилейшнз» являются общественные процессы, отношения, взаимосвязи, характер которых и определяет ПР как политическую категорию. В литературе встречается разграничение ПР на политические, финансовые, кризисные и правительственные⁶. Рассматривать данную классификацию как исчерпывающую и безоговорочную не совсем логично, так как она базируется на разных основаниях. На наш взгляд, правомернее разделять «связи с общественностью» по направленности деятельности на вертикальные, работающие между институтами государства и общества, и горизонтальные, действующие между субъектами одного уровня. По субъекту «паблик рилейшнз» можно разделить на правительственные, бизнес-ПР (финансовые), ПР общественных организаций; по характеру, к примеру, на кризисные, избирательные и т. д.

Властные структуры, бизнес-структуры, институты «третьего сектора» обоюдонаправленно выступают субъектами этих отношений, разноплановость которых обуславливает на практике многообразие проявлений ПР: правительственные паблисити – информирование общественности о направлении своей политики; информационно-коммуникативные усилия поли-

тических и коммерческих структур по урегулированию кризисных ситуаций; лоббирование интересов групп, институтов гражданского общества как способ информирования и воздействия на властные структуры; комплекс действий по созданию благоприятного образа института либо политического лидера и т. д.

«Связи с общественностью» являются частью институциональной коммуникационной политики. Ряд французских экспертов по коммуникации исключают политическую сферу из «паблик рилейшнз», тем самым представляя узкую концепцию ПР. Они считают, что в политическом плане правомерно говорить лишь о пропаганде. В такой позиции есть определенное противоречие, так как эти исследователи, в частности Филипп Буари, видят ПР ориентированными на социального, общественного человека, что, так или иначе, затрагивает политическую область. «И что такое политика, как не коммуникация с целью властвовать? Практика коммуникационных обменов, позволяющая захватить власть, а кроме этого, определенные противоречия, навязанные социальной организацией, – именно так политическая коммуникация выявляет в своей природе глубину всего феномена коммуникации: это способ управления обществом открытым и развитым», – отмечает Роббер Тиксье-Гишар, один из теоретиков и практиков ПР во Франции⁷.

Понимая под ПР деятельность по оптимизации институциональных отношений с помощью эффективной системы информации и коммуникации, можно сделать вывод об их закономерности и всеохватности. Исходя из философии «связей с общественностью», коммуникация, предполагающая диалог, должна быть ориентирована на поиск согласия, консенсуса. Достижение взаимопонимания, установление доброжелательных отношений между структурой и ее общественностью рассматривают как главную цель «паблик рилейшнз». Поиск консенсуса на основе согласования интересов – процесс, представляющий серьезное онтологическое значение. Крупнейший немецкий философ и социолог, автор теории коммуникативного действия Юрген Хабермас видит возможности нахождения ценностей цивилизационного развития в «дискурсе свободной общественности»: «Понятие коммуникативного действия наряду с телеологическим аспектом проведения в жизнь того или иного плана действий выделяет в этом процессе коммуникативный аспект совместного истолкования ситуации, и вообще, аспект достижения консенсуса»⁸.

Снискание доверия, достижение взаимопонимания через согласование интересов в субъект-объектных отношениях как стратегическая цель «паблик рилейшнз» предполагает реализацию комплекса закономерно вытекающих, взаимообусловленных целей: продвижение субъектом собственного благоприятного образа, анализ и воздействие на общественное мнение и поведение, налаживание механизма эффективной двусторонней коммуникации. В масштабе основополагающей цели подобный комплекс может рассматриваться как ряд задач, но на различных этапах ПР-проекта каждая из них выступает отдельным ориентиром. Совокупность задач, решаемых для достижения намеченных перспектив, довольно обширна и опять же иерархична: исследование общественных взглядов, тенденций, отсюда – проведение опросов, мониторинга СМИ; выработка конкретных рекомендаций руководству, проведение информационно-коммуникативных мероприятий – пресс-конференций, презентаций, выставок, рассылка пресс-релизов и др. Отмеченные общие цели и задачи приобретают реальное наполнение в каждой конкретной ситуации. К примеру, имея целью разрешить кризис, структура, осознающая важность общественного мнения, осуществляя наряду с ресурсно-технологическими информационные мероприятия, будет стремиться вызвать доверие к себе как к организации компетентной, адекватно реагирующей, учитывающей интересы общественности. Некоторые

цели носят достаточно неоднозначный характер, что порождает многочисленные дискуссии. Уязвимость грани между ПР и манипулятивными техниками таит в себе опасности и поднимает многие вопросы: например, насколько правомерно структуре создавать общественные ориентиры, воздействуя на сознание и поведение людей?

Часто «паблик рилейшнз» определяют через последовательное перечисление присущих этому понятию деталей, задач, функций. Целесообразно принять подобную точку зрения в дополнение к синтезированному взгляду. В качестве функций могут рассматриваться и выполняемые задачи, и отдельно взятые, уже упоминавшиеся цели. Учитывая направленность конечной цели, некоторые авторы выделяют три основные функции: 1) контроль мнения и поведения общественности (общественность – «жертва»); 2) реагирование на общественность (общественность – «хозяин»); 3) достижение взаимовыгодных отношений⁹. Исходя из направления информационных потоков, комплекс ПР-действий объединяют в два блока: функции сбора и анализа информации (работа на входе системы), функции по распространению информации (работа на выходе системы)¹⁰. Синтезируя в обобщенную схему действия, роли, обязанности, выполняемые в рамках связей с общественностью, выделяют: аналитико-прогностическую, консультативно-методическую, информационно-коммуникативную, организационно-технологическую функции¹¹, причем все они представляют определенную целостность и взаимообусловленность.

- *Аналитико-прогностическая* функция направлена на выработку стратегии и тактики информационной политики. Она предполагает анализ ситуации, существующих тенденций, мониторинг общественного мнения, подготовку аналитических данных, прогнозов по поводу дальнейшего развития ситуации, возможных последствий предполагаемых решений и т. п.

- *Консультативно-методическая* функция включает выработку рекомендаций центру, принимающему решения, руководству структуры на основе уже упомянутого анализа, консультирование его с учетом сделанных прогнозов с целью повысить эффективность работы института, способствовать его приспособлению к внешним условиям.

- *Информационно-коммуникативная* функция предполагает информирование институтом своей общественности о сути принимаемых руководством решений, о направлении своей политики. Без этой функции «связи с общественностью» теряют смысл.

- *Организационно-технологическая* функция связана с конкретным практическим воплощением комплекса процедур и мероприятий по реализации принятых программ, репрезентации выработанных решений через механизмы и средства ПР.

Такая классификация не является исчерпывающей, ибо, охватывая спектр закономерных задач, ряд стратегических целей и ролей оставляет неучтенными. В ней, в частности, не отражена ориентация «паблик рилейшнз» на управление общественным мнением и поведением. Используемый для этого комплекс воздействий дает основание говорить об *идеологической* функции ПР. Она связана с влиянием на существующие ценностные ориентации, с возможностью утверждения в обществе новых ценностей политической культуры, а также с обоснованием в общественном сознании целесообразности политической системы.

Содействие осознанию интересов целевых групп с осуществлением их последующего согласования можно определить как *социальную* функцию. *Управленческая* функция, совмещающая в себе информационно-коммуникативную, идеологическую компоненту госуправления, должна быть направлена на его демократизацию, повышение открытости и эффективности. Учитывая, что воздействие на общественные ориентиры осуществляется не все-

гда с идеалистическими целями, а понимание общественных интересов в условиях неразвитости демократических традиций крайне размыто, имеет смысл говорить о *манипулятивной* функции. При воздействии используются как открытые, так и скрытые механизмы влияния, что дает возможности для манипулирования. Этому могут способствовать такие приемы подачи информации, как умолчание, монтаж, подгонка опросов и рейтингов и др.

Функциональное многообразие позволяет понять суть «связей с общественностью», определяющую ряд принципов, на которых должна строиться ПР-деятельность. *Принцип демократии* предполагает, что субъекты общественных отношений, взаимодействуя с целью согласования интересов, обладают равными правами и обязанностями. Для формирования открытого общества необходим *принцип альтернативности*, проявляющийся в неисчерпаемости вариантов при выборе партнеров и ресурсов, а также при целеполагании. Под *принципом гражданского консенсуса* понимают необходимость максимально учитывать потенциал сторон и искать взаимовыгодные решения. Обязательное воплощение теоретических конструкций данной деятельности на практике в виде конкретных форм, процедур обуславливает *принцип технологичности*¹².

Для ПР-деятельности как организованной коммуникации характерны общие принципы распространения информации: планомерность, комплексность, оперативность, непрерывность, объективность, законность, эффективность. Долгосрочное планирование работы, прогнозирование возможных изменений в общественной жизни подчиняются принципу планомерности. Комплексность предполагает учет требований и интересов всех слоев общественности. На этом принципе основывается и организационно-технологическая сторона ПР-деятельности, так как проекты состоят из комплекса согласованных мероприятий. Оперативность как проявление профессионализма значима на этапе реагирования на любые изменения среды. В процессе функционирования института его связи с общественностью должны осуществляться непрерывно, причем базироваться на использовании достоверных данных. Деятельность организации на всех этапах предполагает легитимность используемых средств, способов получения и распространения информации. Принцип эффективности, наконец, исходит из того, что полученные результаты должны оправдывать понесенные затраты¹³.

Таким образом, «паблик рилейшнз» – «связи с общественностью» многогранны, отсюда такое количество подходов и определений, целей, функций и классификаций. Диалог государства и общества, поиск гражданского консенсуса оказываются особенно востребованными в условиях переходного периода. Проблема в том, что при отсутствии партнерских традиций, развитых общественных отношений «паблик рилейшнз» также носят нецивилизованный характер. Складывается ситуация, созвучная публицистическому заголовку: «Дело PR бессмертно, смысл его неизвестен»¹⁴. Для улучшения подобной ситуации необходимы изменения политической культуры общества, его правовой организации, политического режима. Но тщательный всесторонний анализ связей с общественностью и привлечение внимания к ПР также способствуют его кристаллизации и более профессиональной реализации.

¹ См.: Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М., 1990. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Чумиков А. Н. Связи с общественностью. М., 2001. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Моисеев В. А. Паблик рилейшнз. Теория и практика. М., 2001. С. 98.

⁶ См.: Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М., 2000. С. 390.

⁷ Лебедева Т. Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. М., 1999. С. 72.

⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 201.

⁹ См.: Королько В. Г. Основы паблик рилейшнз. М., 2000. С. 38.

¹⁰ См.: Иванченко Г. В. Реальность публик рилейшнз. М., 1999. С. 52.

¹¹ См.: Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под ред. В.С. Комаровского. М., 2001. С. 52.

¹² См.: Моисеев В. А. Указ. пр. С. 92–94.

¹³ См.: Варакута С. А., Егоров Ю. Н. Связи с общественностью: Учеб. пособие. М., 2001. С. 6.

¹⁴ Дело PR бессмертно, смысл его неизвестен // Коммерсантъ-DAILY. 1995. 9 нояб. № 207.

Поступила в редакцию 12.10.2003.

Ольга Тихоновна Лашкевич – аспирантка кафедры политологии. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н.П. Денисюк.

М.В. ИЛЬИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Выявлены особенности проведения политического анализа в системе государственного управления и причины актуализации этой проблемы. Предлагаются направления трансформации базовых стратегий и варианты организационных сред для их разработки.

The peculiarities of the political analysis implementation in the government system and the reasons for increasing the importance of this problem are revealed. The directions of the basic strategies of transformation and the versions of organizational areas for working out of these strategies are offered.

В настоящее время в Республике Беларусь весьма актуальны проблемы повышения эффективности государственного управления.

Государственное управление – «...это наука о характере и функциях государства и его правительства как органа, через который государство реализует свою власть, о целенаправленном курсе действий органов власти по формированию и реализации важнейших направлений государственной политики, о сущности и содержании процессов принятия политических (управленческих) решений»¹.

Сложность системы государственного управления обуславливает необходимость ее *декомпозиции* по определенным принципам. **Свойства элементов** системы государственного управления подбираются, исходя из *характера целей* управления. Система нормально функционирует при *органическом взаимодействии* всех ее элементов, хотя каждый из них играет самостоятельную роль в достижении целей системы².

Из существующего множества вариантов интерпретаций остановимся на следующей *возможной комбинации* элементов системы управления:

$$C = Ц + ПР + М + Ф + П + О + И + ТХ + Т + К,$$

где *Ц* – цели управления (фундаментальные, стратегические, тактические и оперативные); *ПР* – принципы управления (общесистемные и структурные, в том числе *структурно-функциональные*); *Ф* – функции управления (общие и специальные, внешние и внутренние, в том числе функция *анализа*); *М* – методы управления (воздействия на персонал и *реализации функций управления*); *О* – организационная структура; *П* – персонал управления (в том числе ЛПР – *лица, принимающие решения*); *Т* – технология управления; *И* – управленческая информация; *ТХ* – техника государственного управления, *К* – организационная культура.

Цели, принципы, методы и функции управления реализуются в рамках конкретной организационной структуры персоналом, располагающим необходимой информацией, техникой и владеющим соответствующими технологиями, в частности **технологиями прикладного политического анализа** (ППА) в процессе разработки управленческих решений (УР).

Проведение ППА связано с *особенностями* реализации *функции анализа* системы государственного управления *адекватными методами* и выяв-

лением соответствующих *структурно-функциональных принципов* государственного управления – существенных и устойчивых отношений, закономерностей и взаимосвязей.

Актуализация проблемы ППА в системе государственного управления Республики Беларусь обусловлена *целым рядом причин, факторов и обстоятельств*:

1. Способность разрабатывать эффективные УР в *динамичной, сложной и неопределенной среде* зависит от наличия в государстве *специальных структур*, готовых на высоком уровне осуществлять ППА, который должен предшествовать *интуитивному балансированию и политическим импровизациям*. Особую актуальность приобретают проблемы организации современных *высокотехнологичных информационно-аналитических и экспертных структур, «встроенных» в контур государственного управления*, непосредственно участвующих в той деятельности, которую они обслуживают.

2. Постоянный *диалог с обществом* и его политическими структурами, завоевание *активной политической поддержки населения*, оценка *динамики отношений с международными организациями* требуют проведения *ситуационного ППА* на весьма профессиональном уровне. Население страны становится все более открытым к внешним информационным и политическим воздействиям в условиях, когда *стираются грани между внешней и внутренней политикой* Республики Беларусь, а *экономическое пространство Беларуси не ограничивается ее территорией*.

3. Ряд независимых «*мозговых*» центров Беларуси, *способных проводить качественный ППА*, активно оппонировать власти, демонстрируя постоянные контакты с влиятельными зарубежными центрами, а цивилизованный *внутренний рынок консультирования в сфере ППА* находится в стадии развития.

4. Функционирование органов государственного управления Беларуси осуществляется в *политически ориентированной среде*. Без проведения ППА, абстрагируясь от текущего контекста политических отношений и расклада политических сил, влияющих на формирование и проведение государственной политики, ЛПР невозможно четко *сформулировать цели, принципы, методы, функции государственного управления, проектировать организационные структуры и управлять персоналом*, выработать приемлемую форму взаимодействия с органами разработки курсов политики.

5. Стратегия предпринимаемых попыток реформирования государственного управления значительно шире, чем простое совершенствование внутренних связей системы. *Государственное управление нельзя отделить от политики*. Овладение государственными служащими навыками ППА поможет им *адаптироваться* к реальной политической и управленческой ситуации, позволит в определенной мере *оптимизировать отношения государственной службы и политической власти*.

6. Определенное «*наложение*» *административной и политической деятельности* в условиях «открытости» структур государственного управления, формирования гражданского общества отнюдь не означает «*политизации*» *государственного аппарата*. Нельзя отрицать фактов участия государственных служащих в подготовке *вариантов политических решений*, консультировании политиков.

ППА осуществляется в рамках разработки **определенного класса УР**, типология которых предопределяет его принципы, методы, технологии, оргструктуры, а также технику поиска, сбора, хранения и структурирования необходимой для проведения анализа информации. Классификация разнообразных УР, разрабатываемых в системе госуправления, представлена в табл. 1. Очевидно, что перечень критериев этого варианта классификации

не претендует на исчерпывающую полноту, но позволяет оценить *диапазон разрабатываемых УР*.

Решения, разрабатываемые в высших органах государственного управления, являются уникальными *стратегическими, многоцелевыми, творческими*, компромиссными, принимаемыми в *конфликтно-конкурентных условиях неопределенности, риска* при наличии многих противоречивых критериев выбора.

Качество, «конкурентоспособность» подобных решений на внешнем и внутривнутриполитическом рынке Республики Беларусь во многом определяются эффективностью ППА, осуществляемого информационно-аналитическими структурами.

Таблица 1

Классификация управленческих решений в системе госуправления	
Критерий	Класс решений
По важности цели и длительности действия управленческого решения	Стратегические. Тактические. Оперативные
По количеству целей управления	Одноцелевые. Многоцелевые
По степени определенности информации о целях, проблемах, ограничениях, критериях, последствиях	Решения: принимаемые в условиях определенности; принимаемые в условиях вероятной определенности; принимаемые в условиях неопределенности
По порядку разрешения подведомственных вопросов в процедуре принятия решения	Индивидуальные. Коллегиальные
По степени повторяемости	Рутинные. Периодические. Уникальные. Творческие
По стилю принятия управленческих решений	Решения: уравновешенные; импульсивные; инертные; рискованные
По характеру компетенции органов, издающих акты государственного управления	Акты: общего управления, издаваемые Президентом Республики Беларусь, правительством, исполнительными комитетами; межотраслевого управления; отраслевого управления
По юридическим свойствам правовых актов государственного управления	Акты: нормативные, рассчитанные на многократное применение; административные, которые не содержат норм права и являются актами применения норм права к конкретным обстоятельствам

Разработка и реализация стратегических решений в неопределенной, сложной и динамичной ситуации требуют от ЛПР *умения пользоваться властью в среде небюрократического типа организационной культуры, создавать гибкие, адаптивные организационные структуры*.

Структуры, осуществляющие информационно-аналитическое обеспечение разработки УР и заинтересованные как в качестве прикладного политического анализа, так и его востребованности, должны принимать во внимание **особенности личности ЛПР**.

Отличия характерных признаков стратегических и тактических УР отражены в табл. 2.

Таблица 2

Влияние типа решения на его характерные признаки		
Характерные признаки	Стратегические	Тактические
Структурированность	Слабо структурированы	Структурированы
Число целей	Многоцелевые	Одноцелевые
Количественная определенность	Качественные	Качественно-количественные
Основа принятия	Часто – интуиция	Интуиция, опыт, анализ

Востребованность результатов прикладного политического анализа невозможна без адекватной оценки аналитиками:

- существующих индивидуальных и постоянных черт ЛПР;
- административного стиля и психологического типа ЛПР;
- системы ролей и лидерских качеств ЛПР;

- требований к УР и меры ответственности ЛПР.

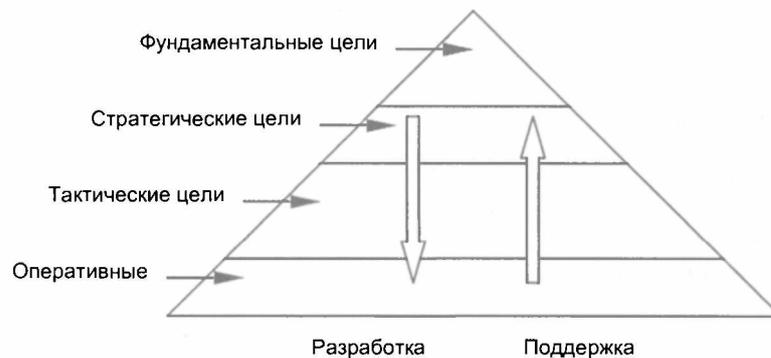
В рамках поведенческого подхода выявлены три ставших классическими **стиля руководства**: авторитарный, демократический, нейтральный (или либеральный), которые, как правило, не встречаются в чистом виде, а комбинируются ЛПР под обстоятельства³.

При этом ЛПР демонстрируют разные предпочтения в **организации процесса разработки УР**, двумя крайними вариантами которых являются:

- стремление получать *максимальную* информацию о всех сторонах вопроса, в том числе противоречащую собственной точке зрения. Организуются дополнительные каналы поступления альтернативной информации. Большое внимание уделяется структурированию, интегрированию и визуализации объективной, достоверной и полной информации. Преобладают детализация решения, его согласование, проработка всех этапов и выбор варианта на основе эффективного анализа;

- способность воспринимать лишь ту информацию, *которая совпадает* с собственной точкой зрения. Преобладают волевые решения на основе здравого смысла и интуиции, УР могут затягиваться и отменяться в зависимости от субъективной интерпретации ситуации ЛПР.

В **иерархии системы целей** государственного управления **идеология** относится к разряду **фундаментальных**, определяя общую направленность и являясь исходным пунктом построения дерева целей (рисунок).

Иерархия в системе целей

Идеология белорусского государства формируется как *совокупность целей*, интересов, идей, оценок, требований, играющих весьма важную роль в построении всей **системы государственного управления**, в том числе и **реализации функции анализа**. В государственном управлении Беларуси оперируют такими понятиями, как национальная идеология, идеология государственности, государственная идеология, национальная идея, общегражданская интегративная идеология, идеология устойчивого развития и т. п.

Цели государственного управления должны быть достижимы, гибки, конкретны, совместимы, обоснованы, объективно обусловлены, системно организованы и четко сформулированы.

Оперируя понятиями стратегического менеджмента, Беларусью неуклонно реализовывались **следующие комбинации базовых стратегий**, отвечающие ее национальным интересам:

1) в рамках *интенсивного концентрированного роста* использовалась стратегия усиления позиции на российском рынке, предпринимались серьезные маркетинговые усилия по продвижению белорусских товаров;

2) в рамках *интегрированного роста* творчески применялась *стратегия обратной вертикальной интеграции* в организации поставок энергоносителей в сочетании со стратегией *вперед идущей вертикальной интеграции* в работе с российскими регионами.

Сегодня на повестке дня достаточно остро стоит вопрос **поиска новой комбинации базовых стратегий** (включая стратегии *диверсификации и сокращений*), отвечающих национальным интересам Беларуси и России в условиях расширения ЕС, НАТО и возможного вступления России в ВТО.

Формирующаяся идеология белорусского государства *должна соответствовать объективным реалиям глобализации и региональной интеграции*, а фундаментальные цели госуправления России и Беларуси не могут не согласовываться.

Психологический тип, административный стиль, амплуа *ЛПР*, культивируемый им тип организационной культуры играют существенную роль *при формировании организационной среды для генерирования фундаментальных целей государственного управления и разработки приемлемых стратегий*.

Возможны следующие **способы создания стратегии**:

1. *Аналитический* – на первый план выступает тщательная организация ЛПР информационного процесса сбора, обработки, анализа, накопления, хранения и актуализации больших объемов внутренней и внешней информации в рамках технологии разработки УР.

2. *Административно-интуитивный* – когда стратегия разрабатывается на основе интуиции, формулируется самим ЛПР и внедряется по направлению сверху вниз.

3. *Организационно-интерактивный* – когда ЛПР сознательно и целенаправленно вовлекает сотрудников в стратегический процесс, базирующийся на взаимодействии и обучении, а с помощью призывов, лозунгов, символов, образов создается творческая и целеустремленная обстановка.

Перечисленные способы *комбинируются и интегрируются* в один сложный стратегический процесс.

Трансформация роли национальных государств в современном мире заставляет обозначить в рамках ППА и **проблему наполнения суверенитета реальным содержанием**.

Альтернатива классической суверенной государственности в условиях федерализации новых государственных образований, подобных ЕС, не может не вызвать *трансформации фундаментальных целей* госуправления стран-членов ЕС, *изменений в системах госуправления и механизмах разработки УР*.

Политико-управленческие элиты ищут оптимальные сочетания государственного, национального и народного *суверенитетов* с народной, национальной и государственной *идеологиями*.

Таким образом, «**встраивание**» **структур ППА в систему государственного управления** предполагает «*отслеживание*» *нестационарности каждого элемента этой системы*, постоянную *адаптацию структур ППА к их изменениям*, а также к *изменениям элементов политической системы общества и внешней среды с учетом соревновательности в политическом процессе, «тендера» идей и ротации ЛПР*.

¹ Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Мн., 2003. С. 4.

² См.: Теория системного менеджмента: Учеб. пособие. Ч. 1. Система менеджмента / Под общ. ред. В. Н. Кривцова, Р. С. Седегова, В. Г. Янчевского. Мн., 1998. С. 10, 11.

³ См.: Урбанович А. А. Психология управления: Учеб. пособие. Мн., 2002. С. 63–65.

⁴ См.: Ильин М. В. Национально-государственный суверенитет в контексте глобализации и трансформация роли национальных государств (системно-управленческий подход) // Беларусь – Россия – Китай: к новой парадигме истории: Сб. науч. тр. Мн., 2003. С. 420–429.

⁵ См.: Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации: Учеб. для вузов / Пер. с англ. М., 2001. С. 189.

Поступила в редакцию 15.12.2003.

Михаил Васильевич Ильин – кандидат технических наук, доцент, заместитель директора НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Сацьялогія

С.А. КУЛЕШ

КОММЕРЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА: ПРИРОДА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Анализируются особенности влияния коммерческой и политической рекламы на сознание человека и последствия этого воздействия для общества. Выделяются общие черты рекламы; рассматриваются конкретные приемы достижения ее эффективности.

Features and efficacy of influence of commercial and political advertising upon modern human mind and the consequences of this process are analyzed. Common features for these kinds of advertising are determined. Specific methods for successful commercial and political advertising are observed.

При изучении положения и роли рекламы в различных сферах современного общества мы исходим из того, что реклама – это вид пропаганды и одновременно вид коммуникативной связи, порождаемой и поддерживаемой системой образов, символов, т. е. имиджей товаров, организаций, лидеров. Данная коммуникативная связь в виде циркуляции имиджей формируется между производством и потреблением, между властью, политиками, политическими партиями, движениями и общественностью.

В качестве символа, образа имидж, присущий товару, организации, лидеру, способствует процессу управления поведением людей. Коммерческая реклама своей задачей ставит создание яркого образа товара, фирмы, предприятия, компании с целью привлечения потребителей. Политическая реклама конструирует имиджи политических партий, движений для вовлечения в свои ряды избирателей.

Реклама в сфере бизнеса связывает производство и потребление, способствует реализации товара, ускоряя процесс купли-продажи, стимулирует оборачиваемость капитала, способствует превращению торговли в самостоятельную сферу экономики. Коммуникативная функция рекламы заключается не только в информировании потребителя о движении товаров, услуг, финансовых потоков, но и в обеспечении «обратной связи» между рынком и потребителем. Таким образом, реклама контролирует продвижение товаров на рынке, способствует созданию предпочтения к рекламируемым объектам. Отметим, что существует определенная связь между расходами на производство потребительских товаров и расходами на искусственное создание потребности в них. Путь для расширения производства «прокпадывается» соответствующим увеличением рекламного бюджета¹.

Возрастание затрат на рекламу есть следствие постоянного увеличения количества товаров и услуг на рынке, обострения конкурентной борьбы. Реклама не только формирует спрос, но и управляет им в рамках отдельных социальных групп. Известный американский исследователь Р. Ривс полагает, что реклама – это искусство внедрения единственного в своем роде потребительского мотива в сознание наибольшего числа людей при наи-

меньших затратах² путем создания символов, а по сути, – имиджем товаров. Имидж товара, услуги диктуют образ жизни, определенный стиль поведения.

Можно сказать, что реклама создает особый социальный код, благодаря которому она вливается во всеобъемлющий смысловой мир, закрепляет и удерживает «удобные» для ее целей смыслы других социальных институтов, а также внедряет системы знаний и ценностей собственного толка. Наиболее удачными в этом плане можно признать рекламирование кода вещей таким образом, чтобы они из параллельной, вспомогательной системы опознавательных знаков превратились в единственно важный код маркировки социального статуса людей. Данная цель достигается прежде всего посредством снабжения товаров броским, оригинальным внешним видом, повышающим их привлекательность, с одной стороны, за счет яркости, а с другой – за счет доступности и однозначности толкования стоящих за ними значений. В то же время с помощью своих многочисленных и вездесущих посланий реклама с необычайной выдумкой, занимательно и разнообразно иллюстрирует, как удобно, практично и во всех отношениях приятно пользоваться этими вещами-знаками в повседневной жизни: снимается проблема знакомства, отпадает надобность в длинных и нудных рассказах о себе; достаточно пользоваться вещами с соответствующими значениями, а уж они лаконично и исчерпывающе донесут нужную информацию окружающим, удовлетворив их потребность знать, с кем имеешь дело.

Через рекламу в итоге достигается поставленная цель, и человек не только отказывается от «утративших актуальность» статусных кодов и возводит в абсолют вещи, но и вообще переориентируется на так называемый «рекламный стиль общения».

Отметим, что благодаря рекламе процесс субъективации социальной стратификации из сферы материального производства смещается в сферу потребления. Самоутверждение каждого происходит не через трудовую деятельность, а через потребление товаров. Иерархия классовых отношений заменяется иерархией потребительских товаров. Положение личности на социальной лестнице определяется теми «престижными товарами», которые он может приобрести. Привилегированные слои общества стремятся покупать и, естественно, демонстрировать «элитные» автомобили, «эксклюзивную» одежду, аксессуары и т. п., при этом находящиеся на более низких ступенях расцениваются не как эксплуатируемый класс, а как «другая потребительская группа».

И тогда вертикальную мобильность можно рассматривать как движение снизу вверх по лестнице престижных товаров, обладание которыми подчеркивает принадлежность человека к определенному социальному классу. Предполагается, что престиж товара свидетельствует о соответствующем значении и достоинстве человека, владеющего им.

Социальная принадлежность личности к тому или иному слою базируется не на отношении к процессу производства, а на отношении к процессу потребления. Потребительские товары становятся наглядными знаками «истинной цены» человека в обществе. Значимость работы в некоторой степени снижается для определенного круга людей. Такие условия побуждают их приобретать то, что может символизировать высокий статус, значение, «цену» в обществе. Когда же граждане, имеющие низкое материальное положение, начинают покупать товары, олицетворяющие престиж, находящиеся на высших ступенях социальной лестницы могут изменить свои вкусы и начать приобретать новые товары, которые и станут новыми показателями престижа. Подобные перемены предпочтений восстанавливают изначальную социальную дистанцию до тех пор, пока поддерживается искусственный дефицит предлагаемых товаров престижа. Если редкие това-

ры становятся доступными для более широких слоев населения, создаются новые товары для поддержания нужной дистанции, и таким образом воспроизводится статусная иерархия. Потребители все время сталкиваются с быстрым обесцениванием статусно-символической «валюты», которое происходит среди тех, кто активно борется за лидерство.

Реклама обостряет противоречие между объективными условиями принадлежности человека к социальному классу и его субъективным мнением о своем месте в социальной структуре. Взаимоотношения между людьми рассматриваются как следствие отношений между предметами. Конструируется иллюзия успеха, позволяющая человеку ощущать себя более значимым и выдающимся, чем он является на самом деле, что приводит к несоответствию между ожиданиями и реальностью и представляет угрозу неверной самооценки.

Члены социума значительно отличаются друг от друга по способности потреблять, и, следовательно, некоторые стоят выше, другие – ниже. Различия между покупательной и потребительской способностями объясняют и оправдывают существующие различия в статусах (а иные виды различий не признаются существенными). Появляются разнообразные возможности для достижения успеха, понимаемого как потребление.

Искусственно формируя совокупность представлений индивидов о действительности, реклама тем самым оказывает влияние на развитие общества. Телевидение, например, транслирует формы массовой культуры, свойственные потребителю обществу, создает систему культурных мифов, которые связывают «товарный мир» с реальным³.

Для современного потребителя товар не просто единичное явление само по себе. Под влиянием рекламы в сознании формируется долгосрочное предпочтение к товару, которое основывается на комплексном воздействии упаковки, товарного знака и других элементов рекламы, объединенных определенной идеей и однотипным оформлением, выделяющим товар среди конкурентов, и создающих его образ⁴.

Управление потреблением товаров и услуг неразрывно связано с изучением ценностных ориентаций, потребностей, покупательских мотивов и далее – с созданием новых на базе уже существующих. Реклама внедряет в общественное сознание идеи, облеченные в образ жизни (товары, услуги, принципы, позиции, модели поведения), при этом, ориентируясь на сознательное и бессознательное, на бесчисленные повторения, с одной стороны, отражает ценности общества, в котором ретранслируется, с другой – формирует новые.

«Формирование рекламой новых ценностей проходит три стадии: на первой стадии «старые» ценности поддерживаются и являются как бы нулевой отметкой для эффективного общения; на второй стадии происходят небольшие изменения и только на третьей стадии имеет место определенная конверсия как результат этих небольших, но постепенно накапливающихся «подвижек»⁵.

Используя рекламу как средство управления спросом, рекламодатели и рекламопроизводители своей целью ставят создание и укрепление имиджа не только товара или услуги, но и имиджа фирмы и ее лидера. Поддержание определенного имиджа фирмы достигается разнообразными пропагандистскими мероприятиями в СМИ, участием в выставках и ярмарках, наличием фирменного стиля. В подтверждение эксклюзивности и элитарности своей продукции фирма, например, может выступить спонсором престижного развлекательного мероприятия.

Не менее интересной представляется и роль рекламы в политической жизни современного общества. Невозможно представить себе предвыбор-

Политический видеоклип – жанр телевизионной политической рекламы, в котором интегрируется реальный образ и искусственный имидж.

Теледебаты и телевыступления как жанр политической рекламы дают политикам возможность непосредственно обратиться к гражданам. Помимо этого, их участники стремятся улучшить свой собственный имидж и лишить привлекательности образ противника⁸.

Весьма эффективной в ряду политических технологий является такая форма политической рекламы, как «direct-mail» – рассылка писем по почте конкретным лицам с предложением проголосовать за конкретного кандидата. Избиратель вряд ли проигнорирует письмо от кандидата на политический пост, если оно адресовано лично ему, ведь кандидат в письме обращается к нему по имени-отчеству и вроде бы знает о его собственных бедах и тревогах. Информацию об избирателях в данном случае можно получить от фирм, специализирующихся на «direct-mail». Их база данных должна давать возможность делать выборки по любому признаку, важному для предвыборного штаба. Таким образом, заказчик может отправить письма интересующим его группам избирателей, отличающихся необходимыми характеристиками.

В последнее время в политической рекламе все чаще используются методы воздействия на бессознательное в психике человека, так называемая система психопрограммирования массового сознания. В результате человек считает свой выбор самостоятельным актом, однако это – следствие действия конкретной программы, внедренной рекламой в его подсознание.

Одним из главных средств психопрограммирования, применяемых в рекламе, пожалуй, является использование «уникального торгового предложения». Это понятие ввел в практику рекламы американский специалист Р. Ривс. «Уникальное торговое предложение» – это то, что выгодно отличает рекламируемый товар. Очевидные преимущества отражаются в имидже этого товара, который как уникальность, проявляющаяся в тексте и изображении рекламы, становится главным ее инструментом, влияющим на потребителя. По аналогии с «уникальным предложением», используемым в коммерческой рекламе, в политической рекламе используется «уникальное политическое предложение», создающее имидж политика, партии, организации, особенностями которого являются:

- ясное представление о том, что будет, если избиратель проголосует на выборах за конкретного политика или партию, четкую картину будущей ситуации, образа жизни и т. д.;
- само политическое предложение не должно повторять предложений конкурентов, но в то же время быть легко узнаваемым. В него следует включить один-два довода, которые могут запомнить избиратели;
- сила предложения обуславливается мощностью аргументации и применением методов психологического воздействия (убеждение, внушение, нейролингвистическое программирование).

Для влияния на поведение граждан в политической рекламе используются теория и методы политического маркетинга. Продуманная на основе полученной информации в ходе исследований электората и соперников, она должна определять выбор избирателя, причем ведущая роль в этом процессе принадлежит набору сконструированных имиджей. Создатели такой рекламы, имиджмейкеры, не только знают ценность информации, но при этом могут заставить события «происходить» согласно своим сценариям. И зависит это от искусства создания имиджа, от эффективного управления избирательно-пропагандистским процессом⁹.

Рекламисты оперируют идеологиями и политическими мифами. С их помощью осуществляется массированное воздействие на сознание людей, заставляющее воспринимать окружающее под определенным углом зрения.

Вырабатывается лояльность по отношению к происходящему, фактически способствующая превращению этих индивидов в «союзников» предлагаемой программы, закрепляющих свою приверженность соответствующей деятельности. Для большего эффекта пропагандируемые мифы подкрепляются политическими хэппинингами: фестивалями, выставками и т. д.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об огромной роли рекламы в жизни современного общества. Под воздействием политической рекламы люди отдают свои голоса в поддержку политиков и партий, которые позже будут определять будущее целой страны. Коммерческая реклама управляет поведением потребителей (каковыми являются все члены общества) при помощи сконструированного образа мира, который массы начинают воспринимать как реальный. Таким образом, следствием рекламного воздействия являются глобальные изменения в структуре общества. Посему государством и гражданским обществом должны быть выработаны механизмы контроля за рекламной деятельностью во избежание негативных последствий для социума.

¹ Карлухин О.И., Макаревич Э.Ф. Влияние на человека: историко-социологический взгляд. М.; Барнаул, 2000. С. 282–284.

² Ривс Р. Реальность в рекламе. М., 1983. С. 25.

³ Коломиец В.П. Легитимация социальной стратификации средствами рекламы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. 1998. № 1. С. 45.

⁴ Карлухин О.И., Макаревич Э.Ф. Указ. пр. С. 284–285.

⁵ Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. М., 2002. С. 35.

⁶ Феофанов О. Что может политическая реклама // Коммунист. 1991. № 12. С. 57.

⁷ Дейян А. Реклама. М., 1993. С. 12.

⁸ Карлухин О.И., Макаревич Э.Ф. Указ. пр. С. 287–288.

⁹ Почепцов Г. Имиджмейкер. Киев, 1995. С. 77.

Поступила в редакцию 15.12.2003.

Светлана Александровна Кулеш – аспирантка кафедры социологии. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л.Г. Титаренко.

Е.В. ЖИЛИЧ

СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ КЕЙНСИАНСКОЙ ШКОЛЫ

Рассматривается проблема развития кейнсианской школы на современном этапе. Большое внимание уделяется поиску микроэкономических подтверждений негибкости цен и заработной платы; приводятся результаты исследований, направленных на переработку существующего макроэкономического анализа с использованием принципов, традиционно применяющихся при теоретизировании микроэкономических отношений.

The article is devoted to the development of Keynesian Economics. Special attention is given to the search of microeconomic foundations of wage and price rigidity. The results of the research aimed at reworking the theory of existing macroeconomic analysis by using the same principles that have traditionally served in theorizing about microeconomic relations are given.

Кейнсианская школа в своем развитии от самых истоков, относящихся к написанию Дж.М. Кейнсом знаменитой «Общей теории занятости, процента и денег», до сегодняшних дней демонстрирует неоднозначность, полемичность и многоплановость. В многочисленных дискуссиях по проблемам развития кейнсианства основным продолжает оставаться вопрос о достоверности интерпретации оригинальных идей Кейнса в трудах тех или иных исследователей, относящих себя к его последователям.

Возможно, это обстоятельство обусловлено тем фактом, что основное произведение Кейнса принадлежит к разряду работ, которые в силу своей сложности и противоречивости допускают возможность самых различных, подчас взаимоисключающих, интерпретаций. «Общая теория», – пишет М. Блауг, – просто небрежно написанная книга – подобно «Принципам» Рикардо, «Капиталу» Маркса и «Позитивной теории» Бем-Баверка – она содержит не одну, не две, а три или четыре «модели» функционирования современной экономики¹. И действительно, каждый новый этап эволюции кейнсианства сопровождался попытками заново переосмыслить содержание «Общей теории». Не являются исключением из этого правила и нынешние кейнсианцы. Несмотря на критическое отношение к работам своих предшественников, в ходе выработки собственной концепции они так или иначе воспользовались многолетним опытом, накопленным кейнсианской школой. Поэтому представляется целесообразным оценивать разработки современных исследователей в тесной связи с теми проблемами, которые возникали на протяжении развития всего направления в целом.

Начиная с послевоенного периода и вплоть до 1970-гг. господствующие позиции в экономической теории занимало ортодоксальное кейнсианство, к признанным теоретикам которого традиционно относят Элвина Хансена, Джона Хикса и Пола Самуэльсона. Последнему принадлежат такие строки: «Общая теория...» написана тяжелым языком, плохо составлена... Она высокомерна, недостаточно взвешена, полемична, не особенно полна в отношении выражения признательности... В ней масса несурзностей и путаницы... Кейнсианская система очерчена в ней смутно... Когда все это удаётся

окончательно преодолеть, содержащийся в ней анализ предстает очевидным и в то же время новым. Словом, это работа гения»². Однако ортодоксальным кейнсианцам едва ли удалось исчерпать весь потенциал оригинальной концепции Кейнса.

Основным итогом эволюции кейнсианства на этом этапе стала разработка «неоклассического синтеза». Впервые экономическая теория была разделена на две составляющие: микроэкономическую и макроэкономическую. Традиционно классики имели дело с масштабами микроэкономики, а экономика в целом рассматривалась ими лишь как сумма индивидуальных хозяйств. Когда же правительства многих западных стран столкнулись с необходимостью преодоления депрессии, ортодоксальный классический анализ не смог предложить реальной практической программы, поскольку теоретически не допускал возможности функционирования экономики в условиях неполной занятости. Это обстоятельство обозначило два поворотных тезиса в развитии экономической науки: во-первых, экономика может переживать спады и подъемы, во-вторых, для анализа этих явлений микроэкономической теории недостаточно, поскольку экономика в целом не является простой суммой составляющих, и для решения макроэкономических проблем нужен особый подход. Таким образом, были выделены два раздела экономической теории: микроэкономика и макроэкономика. В первом из них на основе традиционных неоклассических принципов моделировалось индивидуальное поведение фирмы, а во втором вырабатывались рецепты для экономической политики согласно кейнсианским рекомендациям.

При разработке «синтеза» идеи Кейнса были интерпретированы с помощью традиционного классического подхода. Использовался тезис о существовании единственного равновесия на рынке, механизм которого был описан еще Леоном Вальрасом в его книге «Элементы чистой политической экономии» в 1874 г. Он, в частности, проанализировал, каким образом опирающийся на теорию предельной полезности механизм цен равновесия может организовывать и в значительной степени координировать децентрализованную рыночную экономику. Общее рыночное равновесие, по Вальрасу, достигается тогда, когда имеется система цен, при которой на любом рынке объемы проданных факторов производства (т. е. предложение) и купленных товаров (т. е. спрос) сбалансированы таким образом, что отсутствует малейшая тенденция к изменению установившихся цен, и благодаря этому не существует какой-либо тенденции к изменению устоявшихся объемов покупок и продаж³. В рамках новой макроэкономической теории признавалось, что в целом в экономике имеется тенденция к равновесию, и, следовательно, неоклассическая система в целом сохраняет свое теоретическое значение. Однако в силу существования таких особых случаев, как негибкость заработной платы, «ловушка ликвидности», неэластичность инвестиционного спроса по проценту, кейнсианская теория и особенно практическая программа также необходимы.

Было признано, что достижение равновесного состояния совместимо с инфляцией, безработицей и падением производства. Иными словами, равновесная и потенциально возможная величины национального дохода могут не совпадать. В программе, направленной на рост производства и преодоление депрессии, приоритетное значение отводилось факторам совокупного спроса. Для теоретического обоснования этого положения первоначально разрабатывалась модель «кейнсианского креста», отражающая зависимость уровня национального дохода от таких факторов совокупного спроса, как потребление и объем реальных капиталовложений⁴. Построение модели соответствовало кейнсианскому определению эффективного спроса: «При данном уровне техники, объеме применяемых ресурсов и уровне издержек производства доход (как денежный, так и реальный) зависит от объема занятости N ... Объем занятости N , на который предпринима-

тели предъявляют спрос, зависит от ожидаемых расходов общества на потребление (D_1) и от ожидаемых расходов общества на новые инвестиции (D_2). $D=D_1+D_2$ и есть эффективный спрос»⁵. К факторам совокупного спроса были отнесены также государственные закупки и объем экспорта.

Позже в развернутой модели Хикса, отражающей взаимосвязи на рынках товаров, денег и рабочей силы, реализовывалась концепция общего равновесия с некоторыми кейнсианскими ограничениями. Ее логика сводилась к следующему: взаимодействие товарного и денежного рынков определяет равновесный уровень национального дохода, который, в свою очередь, позволяет с помощью производственной функции установить спрос на рабочую силу, определяющий точку равновесия на рынке труда. Несмотря на то что принимались такие ограничения, как «ловушка ликвидности» на рынке товаров, негибкость заработной платы на рынке труда и неэластичность инвестиций по проценту на денежном рынке, в целом эта модель подразумевала автоматическое восстановление равновесия с полной занятостью.

Построение теории на основе синтеза неоклассической микроэкономики и кейнсианской макроэкономики неизбежно поднимает проблему совместности этих двух систем, так как, по сути дела, в их основе лежат противоположные по своему смыслу предпосылки. Классики постулируют существование в рамках рыночной экономики механизма автоматического достижения равновесия, основанного на рациональности индивидуального выбора, симметричности информации и частной собственности на ресурсы. Кейнсианцы же, напротив, говорят о том, что достижение автоматического рыночного равновесия невозможно, в первую очередь, по причине негибкости цен и заработной платы. Тезис о негибкости цен служит важным доводом в пользу необходимости проведения кейнсианской программы регулирования, но он же не позволяет говорить о справедливости неоклассических принципов ценообразования. То же самое касается и рациональности индивидуального поведения: «...в микрообласти допускается полная информированность экономического агента, совпадение реальных и ожидаемых величин и, следовательно, совершенная рациональность поведения, тогда как в макрообласти обычно признавались несовершенство информации, ошибочность предположений и невозможность совершенно рационального поведения»⁶.

Несмотря на очевидную противоречивость, «неоклассический синтез» долгое время занимал лидирующие позиции в экономической науке, поскольку его рекомендации оказались действенными в преодолении депрессии. Наступивший в капиталистических странах период стабильности воспринимался, с одной стороны, как свидетельство эффективности кейнсианской программы регулирования, а с другой – как подтверждение неоклассического тезиса об устойчивости рыночной экономики. Кризис ортодоксального кейнсианства приходится на 70-е г. XX в. Поскольку эта экономическая доктрина долгое время прочно ассоциировалась с именем самого Кейнса, результатом ее кризиса стало скептическое отношение к идеям последнего. Это обстоятельство во многом является несправедливым, поскольку в своем «синтезе» Самуэльсон, не исчерпав весь научный потенциал оригинальных кейнсианских идей, предложил лишь собственную интерпретацию отдельных положений.

Дальнейшее развитие кейнсианства проходит под флагом реабилитации «Общей теории» и ее автора. Исследования американских посткейнсианцев Р. Клауэра, А. Леонхуфвуда, П. Дэвидсона, С. Вайнтрауба, Х. Минского были направлены на критическое переосмысление ошибок, допущенных в интерпретации Кейнса их ортодоксальными коллегами⁷. Ссылаясь на текст «Общей теории», они указали на ряд принципиальных упущений.

Во-первых, речь идет об игнорировании роли «единицы денежной заработной платы», хотя Кейнс писал: «Я убежден в том, что многих ненужных

осложнений удастся избежать, если при анализе функционирования экономической системы в целом строго ограничиваться двумя единицами измерения – денежной единицей и единицей труда»⁸.

Во-вторых, традиционные кейнсианцы не учитывали действия различных психологических факторов, хотя Кейнс неоднократно подчеркивал их значимость: «Оценивая ожидаемый размах инвестиций, мы должны принять во внимание нервы, склонность к истерии, даже пищеварение и реакции на перемену погоды у тех, от чьей стихийной активности в значительной степени и зависят эти инвестиции»⁹.

В-третьих, подверглась сомнению попытка интерпретировать идеи Кейнса с помощью равновесных моделей. Ведь он начинал свою книгу словами: «Я приведу доказательства того, что постулаты классической теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая система, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию к практической жизни»¹⁰.

Отметим, что, хотя американские посткейнсианцы и не предложили законченной теоретической системы, их работы существенно обновили кейнсианский анализ в целом. Они фактически развили кейнсианскую теорию денег, показав тем самым, что кейнсианство обладает достаточным количеством инструментов для анализа денежной экономики. Однако вопрос о поиске микрооснов для макроэкономического анализа в их работах не поднимался.

В то же время кейнсианская теория часто подвергалась критике именно потому, что предположение о негибкости номинальных цен и заработной платы не имело адекватных микроэкономических основ. В рамках новейших исследований в этой области была сделана попытка найти более глубокое теоретическое объяснение для ключевой кейнсианской предпосылки¹¹. Сегодня активно обсуждается несколько возможных вариантов, в том числе влияние трудовых контрактов, роль профсоюзов, неявное контрактное соглашение, «издержки меню» (реальные затраты на изменение номинальных цен) и эффективный уровень заработной платы¹².

В экономической литературе современных приверженцев кейнсианской концепции часто именуют «новыми кейнсианцами»¹³. Речь идет о группе исследователей, объединенных идеей создания нового «синтеза», который включал бы в себя не только обновленный синтез кейнсианства и неоклассики, но и новаторские подходы к объединению микроэкономического и макроэкономического анализа. Стремление переработать существующий «неоклассический синтез» связано как с преодолением его логического несовершенства, о котором говорилось ранее, так и с попыткой обновить саму кейнсианскую доктрину. В целом особенности эволюции кейнсианства оказали существенное влияние на выбор предмета исследований и формирование теоретической базы «новых кейнсианцев». Пик их активности приходится на 1980-е гг., о чем можно судить по большому количеству публикаций в известном американском экономическом издании «American economic review».

Важным аспектом деятельности рассматриваемого направления является стремление оценивать макроэкономические модели не только с точки зрения соответствия эмпирическим данным, но также с точки зрения их использования для разработки «выбор-теоретических» моделей, способных объяснять поведение индивидуумов. В рамках этих исследований производится переработка макроэкономической теории в соответствии с принципами, традиционно применяющимися при теоретизировании микроэкономических отношений.

Исследования ведутся в трех основных направлениях. В первую очередь разрабатывается тезис о неспособности рынков к саморегулированию. В этой связи осуществляется поиск оснований для подтверждения недостаточности уровня гибкости цен и заработной платы для достижения автоматического равновесия спроса и предложения на рынках труда и товарных рынках. При этом акцент делается на том, что сокращение занятости, вызванное сокращением совокупного спроса, связано в том числе с ситуацией, когда оценка полученной прибыли является необъективной из-за ограниченности действий и суждений покупателей и продавцов. Многие исследования посвящены поиску теоретического объяснения природы этого явления¹⁴.

Также при анализе причинного отношения между совокупным спросом и занятостью большое внимание уделяется тезису о неполноте информации. Развитие этого положения применительно к конкурентному рынку связано с тремя разными, но последовательно соотносимыми теориями. Согласно первой из них, предложенной Милтоном Фридманом, рабочий, как правило, не имеет полной информации о ценах на товары, которые он потребляет, и, следовательно, он неправильно оценивает степень изменения номинальной стоимости потребляемого им продукта, основываясь в своих оценках лишь на номинальном уровне заработной платы. Ключевым моментом другой теории, разработанной Даэл Мортенсен, является тот факт, что, как правило, рабочий не владеет полной информацией о ставках заработной платы в альтернативных местах работы, и, следовательно, при изменении ставки заработной платы он недооценивает результат длительного поиска работы. И наконец, третья теория, развитая Робертом Лукасом и Леонардом Раппингом, утверждает, что работник не знает, является изменение в его ставке заработной платы постоянным или нет, что мешает ему сделать объективный выбор между текущим и будущим досугом. Неполная информация влечет за собой искаженную оценку экономическими агентами своей потенциальной выгоды¹⁵.

Принятие парадигмы неполной информации вместе с тезисом о неспособности рынков к саморегулированию предполагает принятие утверждения о том, что в принципе возможны большие затраты на получение объективной и полной информации при незначительных затратах на регулирование цен и заработной платы. Однако на сегодняшний момент это утверждение не нашло достойного подтверждения эмпирическими данными.

И наконец, большая часть исследований посвящена теории неявного контрактирования и перераспределения рисков. Основное внимание здесь уделяется изучению влияния на уровень заработной платы такого явления, как страхование фирмами рабочих от нежелательных колебаний дохода путем приравнивания номинального дохода рабочего в виде заработной платы к стоимости его предельного продукта, скорректированного на сумму неявной страховой премии. В результате заработная плата, выплачиваемая фирмой, отклоняется от равновесного уровня на величину этой корректировки¹⁶.

Таким образом, экономические интересы «новых кейнсианцев» связаны с разработкой микроэкономических «выбор-теоретических» моделей, объясняющих негибкость цен и заработной платы исходя из отсутствия механизма рыночного саморегулирования, неполноты информации и существования неявного контрактирования на рынках. Своими исследованиями они не только демонстрируют возможность применения кейнсианских принципов при разработке микроэкономических моделей, но и закладывают основу для перехода от результатов микроисследований к анализу динамики макроэкономических показателей, что ведет к построению синтеза микроэкономики и макроэкономики на новых принципах.

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 117.

² Samuelson P. Lord Keynes & the General Theory // *Econometrica*. 1946. Vol. 14. P. 190.

- ³ См.: История экономических учений: Учеб.: В 2 ч. / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М., 1994. С. 109–124; 1998. Ч. 2.
- ⁴ См.: Самуэльсон П. Экономика. М., 1993.
- ⁵ Кейнс Д. М. Избранные произведения / Пер. с англ. М., 1993.
- ⁶ История экономических учений. С. 402–406.
- ⁷ См.: Современная экономическая мысль / Пер. с англ. М., 1981.
- ⁸ Кейнс Д. М. Избранные произведения. С. 25.
- ⁹ Кейнс Д. М. Общая теория. С. 227.
- ¹⁰ Кейнс Д. М. Избранные произведения. С. 224.
- ¹¹ Сакс Д.Ф., Ларен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход / Пер. с англ. М., 1996. С. 584–589.
- ¹² Shapiro С., Stiglitz J.E. Equilibrium Unemployment as a Worker Discipline Device // American economic review. 1984. Vol. 70. P. 433–444.
- ¹³ История экономических учений. 1998. Ч. 2. С. 402–406.
- ¹⁴ Howitt P. Evaluating the Non-Market-Clearing Approach // American economic review. 1979. Vol. 69. P. 60–63.
- ¹⁵ Grossman H.I. Why Does Aggregate Employment Fluctuate // American economic review. 1979. Vol. 69. P. 64–69.
- ¹⁶ Azariadis С. Implicit Contracts and Underemployment Equilibria // Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. P. 1183–1202.

Поступила в редакцию 19.12.2002.

Елена Владимировна Жилич – аспирантка кафедры теоретической и институциональной экономики. Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент И.А. Лаврухина.

Д.И. ЯРОШЕВИЧ

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Исследуются проблемы и современная история международной трудовой миграции, разнонаправленные потоки трудовых ресурсов, процессы развития международного рынка рабочей силы.

The article looks into the issues of international labour migration, multi-vectorial flows of labour resources, development of international labour market and current history of international labour migration.

Одним из проявлений интернационализации хозяйственной и социально-культурной жизни человечества, а также возможных последствий острых межнациональных противоречий, прямых столкновений между народами и странами, чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий являются крупномасштабные перемещения населения и трудовых ресурсов в разнообразных формах. Массовая миграция населения стала одним из наиболее характерных явлений жизни мирового сообщества второй половины XX в.

Понятие "миграция населения" предполагает перемещение людей через границы определенных территорий со сменой постоянного места жительства или возвращением к нему. Эксперты выделяют, кроме того, и международную (внешнюю) миграцию, также осуществляемую в различных формах: трудовой, семейной, туристической и др. В данном контексте рассматриваются, прежде всего, проблемы международной трудовой миграции, а также процессы развития международного рынка рабочей силы, который существует наряду с другими мировыми рынками, в частности товаров и услуг, капитала. Перемещаясь из одной страны в другую, рабочая сила предлагает себя в качестве товара, осуществляет международную трудовую миграцию. Иностранная рабочая сила из развивающихся стран обеспечивает ряд отраслей, инфраструктурных служб промышленно развитых стран необходимыми трудовыми ресурсами, без которых невозможен нормальный производственный процесс, а иногда просто нормальная повседневная жизнь. Во Франции, в частности, эмигранты составляют одну четвертую всех занятых в строительстве и одну треть – в автомобилестроении; в Бельгии – половину всех шахтеров, в Швейцарии – две пятых строительных рабочих.

Современный международный рынок рабочей силы включает разнонаправленные потоки трудовых ресурсов, пересекающих национальные гра-

ницы, и таким образом объединяет национальные, региональные рынки рабочей силы и существует в форме трудовой миграции.

Современная история позволяет выделить несколько важнейших направлений межстрановой миграции рабочей силы:

- из развивающихся в промышленно развитые страны;
- в рамках промышленно развитых стран;
- рабочей силы между развивающимися странами;
- рабочей силы из бывших социалистических стран в промышленно развитые страны (сходна с миграцией из развивающихся в промышленно развитые);
- научных работников, квалифицированных специалистов из промышленно развитых в развивающиеся страны.

Среди важнейших побудительных мотивов международной миграции трудовых ресурсов находятся различные факторы экономического и неэкономического характера.

К причинам экономического характера следует отнести:

различия в уровне экономического и, в частности, промышленного развития отдельных стран. Как свидетельствует практический опыт, рабочая сила мигрирует в основном из стран с низким уровнем жизни в страны с более высоким уровнем; зависимость заработной платы от национальной принадлежности; наличие постоянной безработицы в некоторых странах и прежде всего слабо развитых; международное движение капитала и функционирование международных корпораций. Корпорации, как известно, способствуют соединению рабочей силы с капиталом, осуществляя либо движение рабочей силы к капиталу, либо перемещают свой капитал в регионы с избытком трудовых ресурсов.

Современная межстрановая миграция рабочей силы, существующая в рамках промышленно развитой зоны, связана в большей мере с неэкономическими факторами, чем с экономическими, а именно: политическими, национальными, религиозными, расовыми, семейными – и нередко с таким явлением, как "утечка умов", в частности из Европы в США.

Происходившее в последнее время заметное развитие средств коммуникации и транспорта, в свою очередь, оказали стимулирующее воздействие на активизацию процессов современной международной трудовой миграции.

Отметим, что в процессах международной трудовой миграции чаще принимают участие не служащие, а представители рабочих специальностей и на практике данный процесс развивался как стихийное явление, но постепенно подпадал под регулирование государством, хотя и в настоящее время в нем не изжиты полностью черты стихийности.

История современной международной трудовой миграции насчитывает полтора столетия. С середины XIX в. многочисленные миграционные потоки перемещались из европейских стран в США в связи с аграрным перенаселением в некоторых европейских странах, безработицей и более приемлемыми условиями работы, а также и перспективой повышения уровня жизни для многочисленных мигрантов. Следующим этапом широкомасштабной эмиграции из разных стран в США следует считать период 20–50-х гг. XX ст. Так, после Первой, а затем и Второй мировой войн наметились новые миграционные волны: "утечка умов", т. е. устойчивый поток высококвалифицированных специалистов и членов их семей в Северную Америку; потоки беженцев из Венгрии (1956) и из Вьетнама (1974–1975), а также с Кубы (1980). Самым же крупным потоком в США в указанном процессе стал наплыв рабочей силы из Мексики и стран Карибского бассейна.

В Европе после Второй мировой войны (особенно с начала 1960-х гг.) также наблюдалась достаточно интенсивная миграция рабочей силы (осо-

бенно из Испании, Португалии, Греции, Югославии) в экономику промышленно развитых стран Европы. На современном этапе использование иностранной рабочей силы постепенно становится важным элементом нормального функционирования механизма мирового хозяйства. Согласно официальным данным, к началу 1995 г. в мире насчитывалось более 35 млн трудящихся-мигрантов по сравнению с 3,2 млн в 1960 г. В настоящее время мировое сообщество переходит к координации усилий многих стран по разрешению острых ситуаций и к коллективному регулированию миграционных потоков.

Организационно-институциональные, нормативно-правовые и финансовые механизмы регулирования, созданные на глобальном (в рамках ООН и других организаций), региональном (региональные экономические организации) и национальном (в основном промышленно развитыми странами) уровнях, позволяют постепенно ослаблять остроту в сфере международной миграции населения и нормализовать миграционные потоки. Современный период характеризуется тем, что страны-импортеры и страны-экспортеры трудовых ресурсов вносят существенные коррективы в свою миграционную политику.

Как отмечалось выше, международная миграция населения и трудовых ресурсов возникает при наличии определенного контраста в уровнях экономического и социального развития и темпах естественного демографического прироста стран, принимающих и отдающих рабочую силу. Вместе с тем мировая практика свидетельствует, что подобная трудовая миграция обеспечивает несомненные преимущества странам как принимающим рабочую силу, так и поставляющим ее, но при этом возможно возникновение и острых социально-экономических проблем.

К положительным последствиям трудовой миграции можно отнести: смягчение условий безработицы, появление для страны-экспортера рабочей силы дополнительного источника валютного дохода в форме поступлений от эмигрантов, а также приобретение ими знаний и опыта. По возвращении домой они, как правило, пополняют ряды среднего класса, вкладывая заработанные средства в собственное дело, создавая дополнительные рабочие места.

Среди негативных последствий трудовой миграции следует назвать тенденции роста потребления заработанных за границей средств, желание скрыть получаемые доходы, "утечку умов", иногда и понижение квалификации работающих мигрантов. В последнее время не случайно довольно широко в интересах нейтрализации отрицательных последствий и усиления положительного эффекта, получаемого страной в результате трудовой миграции, используются средства государственного регулирования. Применение при этом жестких, директивных мер не дает отрицательных результатов, поэтому необходима косвенная координация со стороны государств и правительств.

Мировое сообщество признало целесообразность и необходимость закрепления определенных правовых норм и стандартов в документах международных организаций. Ратифицируя международные конвенции, страны, регламентирующие процесс трудовой миграции, признают приоритет норм международного права над национальным законодательством, что приводит к существенному расширению прав для мигрантов за рубежом. Если страна-импортер рабочей силы в основном отвечает за прибытие и использование мигрантов, то в функции страны-экспортера рабочей силы, в первую очередь, входят регулирование оттока и защита интересов своих граждан-мигрантов за рубежом. Поэтому во многом интересы стран-экспортеров и импортеров рабочей силы оказываются тесно переплетенными. Ныне немалое число глобальных учреждений и организаций (прежде всего в рамках

ООН), а также региональных группировок продолжают заниматься проблемами, связанными с миграцией населения и трудовых ресурсов.

Комиссия ООН по народонаселению располагает фондом, часть которого используется на субсидирование национальных программ в области миграции населения. Деятельность Международной организации труда (МОТ) предусматривает в качестве одной из своих целей регулирование межстрановой миграции населения. Ряд международных договоров, принятых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), содержат специальные нормы, которые касаются физического состояния трудящихся-мигрантов. В документах ЮНЕСКО имеются положения, направленные на улучшение образования трудящихся-мигрантов и членов их семей. Возрастает роль Международной организации по миграции (МОМ), целью которой является обеспечение упорядоченной и плановой межстрановой миграции, ее организация, обмен опытом и информацией по этим вопросам. В регионе Западной Европы Межправительственный комитет по вопросам миграции (СИМЕ) своей деятельностью способствует обеспечению и защите прав трудящихся-мигрантов.

Основополагающие документы международных организаций имеют большое значение применительно к национальному законодательству, поскольку при формировании национальной политики в области межстрановой трудовой миграции должны быть учтены нормы международных конвенций. Страны-импортеры трудовых ресурсов, постоянно испытывающие потребности в привлечении рабочей силы, свою иммиграционную политику основывают на мерах регулирования численности и качественного состава прибывающих трудящихся-мигрантов, а в качестве инструмента регулирования используется показатель иммиграционной квоты, который ежегодно рассчитывается и утверждается в стране-импортере. При определении квоты учитываются потребности страны в иностранной рабочей силе и по отдельным категориям привлекаемого населения (половозрастным группам, образованию и т. п.), а также состояние национальных рынков труда и жилья, политическая и социальная ситуация в стране-импортере.

С другой стороны, среди целей иммиграционной политики находится и защита национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы. Для этого используются меры, направленные на ограничение иммиграции и сокращение иностранной рабочей силы в стране пребывания. Страны-импортеры рабочей силы реализуют и государственные программы стимулирования репатриации официально зарегистрированных иностранцев, в которых преобладают экономические стимулы (предоставление материальной помощи, получение возможности приобретения профессии и т. п.).

Согласно определению Международной организации труда (МОТ), цели эмиграционной политики стран-экспортеров состоят в том, что выезд рабочей силы должен способствовать сокращению безработицы, поступлению валютных средств от трудящихся-эмигрантов, которые используются для сбалансированности экспортно-импортных операций. Эмигрантам за рубежом должны быть обеспечены: соответствующий жизненный уровень; приобретение ими в зарубежных странах профессии и образования; требование возвращения на родину.

На современном этапе международную миграцию трудовых ресурсов характеризуют активизация и рост влияния стран-экспортеров рабочей силы, использующих различные подходы к достижению целей эмиграции:

- методы и средства защиты интересов государства-экспортера путем регулирования масштабов эмиграции и качественного состава эмигрантов, выезжающих за пределы страны. (Большинство государств демонстрируют своей эмиграционной политикой уважение прав своих граждан на свободное перемещение, а некоторые – проводят политику сдерживания эмигра-

ции, особенно в отношении высококвалифицированных специалистов и при неблагоприятной демографической ситуации.);

- методы использования эмиграции в целях обеспечения ресурсами экономики страны путем привлечения валютных средств трудящихся-мигрантов. (С этой целью в национальных банках открывают эмигрантам валютные счета под более высокую процентную ставку, создают им выгодные условия использования своих финансовых средств для приобретения товаров и производственного оборудования; а ряд государств прямо обязывают трудящихся-эмигрантов переводить в свою страну значительную долю полученной за границей заработной платы.);

- методы и средства по защите прав трудящихся-эмигрантов путем использования двусторонних соглашений и контрактной формы найма рабочей силы для работы за границей. Данные меры призваны обеспечить определенные экономические и социальные гарантии: создаются учреждения, фонды, представительства, назначаются специальные должностные лица в целях контроля за выполнением условий международных соглашений по трудовой миграции, решения спорных вопросов в стране пребывания мигрантов и соблюдения их основных прав;

- меры, способствующие сочетанию как защиты государственных интересов, так и прав и свобод трудящихся-мигрантов. Одним из инструментов реализации данной задачи служит введение порядка обязательного государственного лицензирования деятельности по найму граждан для работы за границей. Цель лицензирования – наделение правом посредничества при трудоустройстве за границей только тех организаций, которые обладают достаточными знаниями, опытом работы, располагают надежными международными связями и способны нести материальную и юридическую ответственность за результаты своей деятельности;

- меры, направленные на взаимную защиту интересов стран-экспортеров и стран-импортеров трудовых ресурсов (в частности, проведение политики сдерживания масштабов миграции, нелегальных перемещений, стимулирования возвращения мигрантов на родину).

Сформировать необходимый трудовой ресурс для экономик стран, которые в нем нуждаются, и призвана в определенной степени управляемая трудовая миграция, которая имеет к тому же положительные стороны как для стран-импортеров, так и для стран-экспортеров и мирового сообщества в целом: рост объемов производства и соответственно доходов страны-импортера; рост объемов сбережений населения и инвестиций, при этом развитие системы управления этими инвестициями; развитие навыков и институтов по использованию и управлению этими ресурсами; создание предприятий малого бизнеса в обоих типах стран; стимулирование динамики внедрения инновационных технологий; самостоятельный приток денег в бедные страны; снижение напряженности в секторе безработицы в бедных странах; прирост капитала на душу населения в богатых и бедных странах; приток рабочих-мигрантов (обычно в возрасте 18–45 лет) снимает остроту проблемы “старения наций” в благополучных странах.

В настоящее время широко развивается интернационализация производств и интеграция национальных экономик в глобальное мировое хозяйство. Эффективность производств, индустрий и, как следствие, национальных экономик в целом требует наряду с привлечением капитала новейших технологий и наличия трудовых ресурсов необходимой квалификации и способности принимать и овладевать этими технологиями.

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору экономических наук, профессору В.Л. Ключне за оказанную помощь в подготовке статьи.

См.: Демографические проблемы Беларуси // Труды первого международного конгресса / Под общ. ред. М.Д. Тявловского. Мн., 1999.

См.: Делягин М. Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.
См.: Keith G. Nine Good Reasons to Love Labor Migration. Oxford www.ucr.edu/

Использованы материалы, опубликованные на официальных сайтах международных организаций:

International Organization of Labor – www.iol.org/
United Nation Organization – www.un.org/
International Organization for Migration – www.iom.int/

Поступила в редакцию 04.11.2002.

Дмитрий Иванович Ярошевич – заместитель начальника Главного управления концерна "Белресурсы".

Е.В. ЕРМАКОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН

Рассматриваются актуальные проблемы государственной поддержки профессиональной и предпринимательской деятельности женщин; анализируются возможности реализации мер для обеспечения женщинам равных стартовых условий с мужчинами как в экономической, так и в общественно-политической деятельности.

This article is devoted to some vital problems of governmental support of women's enterprise and professional activity. It analyses opportunities to provide women with equal conditions to men in both economic and social-political activities.

В настоящее время в Беларуси проживает 5327,6 тыс. женщин, что составляет 53 % от общей численности населения республики¹. Удельный вес женщин, занятых в общественном производстве, – 51,3 %². Среди общей численности экономически активного населения они составляют 52,6 %, из них 1,3 % – безработные³. Анализ отраслевой структуры занятости женщин в общественном производстве показывает, что из всех работающих женщин в сфере материального производства занято 60 %, в отраслях непроизводственной сферы – 40 %⁴.

В настоящее время отмечается тенденция увеличения численности занятого населения в непроизводственных отраслях и уменьшения – в материальном производстве, что связано с падением объемов промышленного производства начиная с 1991 года, недоиспользованием производственных мощностей промышленных предприятий и замедлением темпов экономического развития с 1998 г.

Таблица 1

Индексы основных социально-экономических показателей (в сопоставимых ценах, в процентах)⁵

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Валовой внутренний продукт 1990=100	65	67	75	81	84	89	93	97
предыдущий год = 100	90	103	111	108	103	106	105	105
Продукция промышленности 1990=100	61	64	75	85	93	100,7	107	111
предыдущий год = 100	88	104	119	112	110	108	106	104

Динамика распределения женщин по отраслям материального и нематериального производства в Беларуси аналогична динамике распределения численности населения по отраслям производства и свидетельствует о наметившейся тенденции к сокращению их численности в таких отраслях материального производства, как промышленность, сельское хозяйство, строительство, и прочих видах деятельности сферы материального производства. Вместе с тем отмечается рост численности женщин в таких сферах

нематериального производства, как здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, образование, культура, финансы, кредит и страхование, управление.

Преобладание женщин в непромышленных отраслях, с одной стороны, способствует эффективному применению их труда в благоприятных условиях, а с другой стороны, обуславливает сосредоточение женщин в низкооплачиваемых отраслях экономики. Так, анализ начисленной среднемесячной заработной платы работников по отраслям экономики показывает, что наиболее низкой зарплата на протяжении многих лет является в сферах здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения, образования, культуры, искусства, где женщины составляют 70–80 % всех занятых. Отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин за декабрь 2000 г. составляет 81 %. Причем во всех отраслях экономики, за исключением материально-технического снабжения и сбыта, отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин колеблется в пределах 70–90 %⁶.

Отставание женщин по уровню заработной платы от мужчин объясняется преобладанием мужчин среди руководителей во всех отраслях производства. Так, среди директоров средних школ мужчины составляют 56 %⁷; среди руководителей объединений, предприятий, организаций, учреждений и их заместителей 54,5 % – мужчины и 45,5 % – женщины; среди руководителей подразделений и их заместителей 55,1 % – мужчины и 44,9 % – женщины⁸.

Анализ распределения численности работающих женщин и мужчин по категориям персонала подтверждает наметившуюся тенденцию увеличения доли служащих и уменьшения доли рабочих как среди мужчин, так и среди женщин. Так, распределение женщин по категориям персонала в 1995 г. показывает, что среди них рабочие составляли 57,9 %, а служащие – 42,1 %. В 2000 г. эти показатели составляли 53,5 и 46,5 % соответственно, что свидетельствует об увеличении доли служащих среди женщин. За этот же период увеличилась среди них и доля руководителей с 5,9 % в 1995 г. до 7,2 % в 2000 г. Доля главных специалистов среди женщин увеличилась за эти годы с 0,6 до 1,7 %, а специалистов – с 31,6 до 32,8 %⁹.

Несмотря на тенденцию увеличения специалистов, главных специалистов и руководителей среди женщин, в целом в экономике среди руководителей в 2000 г. 54,9 % – мужчины и 45,1 % – женщины¹⁰. Если учесть, что по уровню образования и квалификации женщины опережают мужчин, то в целом можно сделать вывод о том, что женщины могут и должны занимать руководящие должности на равноправной основе с мужчинами. В настоящее время лидерство мужчин во всех областях экономической и политической жизни свидетельствует о недооценке творческого потенциала и квалификационного уровня женщин. Так, доля женщин среди главных специалистов составляет 55,9 %, среди специалистов – 74,8 %, среди других служащих – 77,6 %¹¹. Среди работников с высшим образованием женщины составляют 58,2 %, со средним специальным – 65,6 %, со средним базовым и неполным средним – 45,9 %¹². Несмотря на довольно высокий образовательный и профессиональный уровень, женщины слабо представлены в высших органах управления. Так, в Палате представителей 97 человек. Из них только 10 женщин, что составляет 10,3 %. В Совете Республики 61 человек. Из них 19 женщин, что составляет 31 %¹³.

Анализ распределения занятого населения по статусу занятости на основной работе показывает, что из всех занятых в экономике женщин 98,6 % являются наемными работниками и 1,4 % работают не по найму, в то время как среди занятых мужчин 97,5 % являются наемными работниками и 2,5 % – работают не по найму. Из работающих не по найму женщин 0,2 % –

работодатели, 1 % – самостоятельно занятые, 0,2 % – члены производственных кооперативов. Среди работающих не по найму мужчин 0,6 % – работодатели, 1,6 % – самостоятельно занятые и 0,3 % – члены производственных кооперативов¹⁴.

Таким образом, по приведенным выше данным (по переписи населения в 1999 г.) можно сделать вывод о том, что и среди предпринимателей, являющихся работодателями, преобладают мужчины. Женщины, как правило, регистрируются индивидуальными предпринимателями или возглавляют в основном малые предприятия. Мужчины являются чаще работодателями и менеджерами предприятий крупного и среднего бизнеса. Соответственно доходы и капиталы предприятий, где руководят мужчины, значительно превосходят доходы и капиталы мелких предприятий, возглавляемых женщинами.

Анализ распределения численности занятого населения по формам собственности и отраслям экономики за 2000 г. показывает, что из всех занятых в экономике в государственном секторе работали 57,2 %, в частном – 42,4 % и на предприятиях с иностранной собственностью – 0,4 %. На предприятиях торговли и общественного питания, где работают преимущественно женщины, а также в финансово-кредитной сфере и в области страхования преобладает доля частной собственности: 77,2 и 86 % соответственно¹⁵. В других же отраслях нематериального производства, где трудятся в основном женщины (здравоохранение, соцобеспечение, образование, культура, искусство и др.) преобладает государственная собственность: 92,9 %, 95,4 %, 92,8 %, 72,4 % соответственно¹⁶.

Таким образом, отставание женщин от мужчин по уровню заработной платы и других доходов связано, во-первых, с сосредоточением их преимущественно в сфере нематериального производства, финансируемой из государственного бюджета; во-вторых, с распределением их по категориям персонала, где высшие руководящие должности во всех отраслях экономики занимают мужчины; в-третьих, с преобладанием женщин в большей степени на предприятиях государственной формы собственности, где зарплата в целом ниже, чем в негосударственном секторе экономики; в-четвертых, с распределением населения по статусу занятости на основной работе, где среди работодателей, самостоятельно занятых, и членов производственных кооперативов преобладают мужчины; в-пятых, со слабым представлением женщин в высших управляющих органах и среди депутатов Национального собрания; в-шестых, с преобладанием женщин среди безработных.

Таблица 2

Распределение численности безработных, зарегистрированных в службах занятости по полу, в процентах (на конец года)¹⁷

Безработные	1997	1998	1999	2000	2002
Женщины	66,6	66,7	64,2	60,7	63,3
Мужчины	33,4	33,3	35,8	39,3	36,7

Анализ распределения численности безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости по причинам увольнения с работы или по их последнему занятию, показывает, что в период с 1995 по 2000 г. наблюдается тенденция увеличения доли женщин среди высвобожденных по сокращению численности или штата работников и при ликвидации предприятий с 75,8 % в 1995 г. до 83 % в 2000 г. Преобладают безработные женщины и среди выпускников общеобразовательных школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений. Причем эта категория безработных женщин увеличилась с 56,9 % в 1995 г. до 58,4 % в 2000 г.¹⁸ Анализ распределения численности безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, по уровню образования показывает, что среди безработных с высшим образованием 67,9 % – женщины и 32,1 – мужчины; со средним специальным образованием 71,4 % –

женщины и 28,6 – мужчины; со средним общим образованием – соответственно 60,1 и 39,9 %; с базовым (неполным средним) – 48,7 % женщин и 51,3 – мужчин¹⁹.

Таким образом, анализ распределения безработных по причинам увольнения с работы и по уровню образования показывает, что женщины значительно преобладают в группе высвобожденных по сокращению численности или штата работников и при ликвидации предприятий (83 %), а также среди безработных с высшим и средним специальным образованием (67,9 и 71,4 %). Распределение численности безработных, зарегистрированных в службах занятости по продолжительности безработицы, показывает, что среди безработных с продолжительностью безработицы свыше года 82,9 % женщин и 17,1 – мужчин²⁰. Распределение безработных женщин по возрасту свидетельствует о высокой доле безработных женщин от 20–29 лет, что зачастую связано с трудностью трудоустройства по семейным обстоятельствам. Именно в этом возрасте женщины чаще всего совмещают профессиональную деятельность, учебу, повышение квалификации с рождением и воспитанием детей, вступлением в брак.

Совмещение женщинами профессиональной и предпринимательской деятельности с ведением домашнего хозяйства, рождением и воспитанием детей значительно затрудняет продвижение их по службе, в бизнесе, в общественной и политической деятельности. Исследования показывают, что с переходом к рыночным отношениям возрастают затраты труда женщин в домашнем и личном подсобном хозяйстве, что связано с ростом цен на продукты питания, бытовые услуги, услуги детских дошкольных учреждений, товары культурно-бытового назначения. Значительную долю потребленных продуктов питания домашние хозяйства производят сами. В имущественной обеспеченности домашних хозяйств определенную роль играет наличие земельного участка, так как в настоящее время он является дополнительным источником доходов населения. На 1 января 2001 г. удельный вес домашних хозяйств, имеющих земельный участок, составил 62,4 %, в том числе в городских поселениях – 46 % и в сельской местности – 95,8 %. В 2000 г. почти четвертая часть домашних хозяйств (23 %) отметили наличие дохода от продажи продукции личного подсобного хозяйства (мяса, молока, овощей, фруктов). Доля дохода от продажи этих продуктов в денежном доходе в среднем по республике составила 3,1 %, в городских поселениях – 0,4 %, в сельской местности – 11,5 %²¹. По результатам выборочного обследования домашних хозяйств основным источником существования женщин является доход от занятости. Его доля в объеме денежного дохода составила в целом за 2000 г. 67,6 %, в городских поселениях – 73,1, в сельской местности – 50,4 %²².

Увеличение совокупной трудовой нагрузки работающих женщин во многом связано с дополнительными затратами их труда в домашнем хозяйстве по производству и приготовлению продуктов питания, бытовым обслуживанием членов семьи. Так, анализ состава потребительских расходов домашних хозяйств показывает, что в его структуре преобладают затраты на покупку продуктов питания (58 %), в то время как расходы на питание вне дома (общественное питание) составляют только 1,6 %, доля расходов на товары культурно-бытового назначения и мебели – 4,1 %, а прочих товаров и услуг – 3,0 %²³.

Таким образом, исследования показывают, что дополнительная трудовая нагрузка работающих женщин в домашнем хозяйстве является одним из важных факторов, тормозящих их продвижение как в профессиональной, так и в предпринимательской деятельности.

Для организации и ведения собственного бизнеса женщинам зачастую не хватает стартового капитала, опыта руководящей работы и необходимых связей, что вынуждает их заниматься индивидуальной трудовой предпри-

нимательской деятельностью, в то время как мужчины контролируют средний и крупный бизнес.

Одной из важнейших функций государства в период перехода к рыночным отношениям является регулирование экономики. Основными задачами социально-экономического развития Беларуси на 2001–2005 гг. являются создание необходимых условий для оздоровления населения, повышения уровня его образования и культуры; улучшение демографической ситуации в стране и укрепление института семьи. В целях обеспечения благоприятных условий для развития семьи и стабилизации рождаемости предусматривается: совершенствование системы государственных пособий семьям, воспитывающим детей; развитие социального обслуживания семьи; содействие всем формам предпринимательской деятельности семей; совершенствование налоговой политики в интересах семьи; проведение ежегодного мониторинга социально-экономического потенциала семьи²⁴. Выделение особой функции государства в сфере правовых и экономических отношений, регулирующих применение труда женщин, необходимо для ликвидации скрытых форм их дискриминации во всех областях общественно-политической, экономической и предпринимательской деятельности. Концепция социальной защиты государством работающих женщин может сводиться к двум основным направлениям. Первое – связано с сокращением трудовой нагрузки работающих женщин в общественном производстве и увеличением неоплачиваемой деятельности в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а второе – с сокращением неоплачиваемой деятельности в домашнем и личном подсобном хозяйстве и увеличением возможности оплачиваемой деятельности в общественном производстве. Учитывая довольно высокий профессиональный уровень женщин и стремление их реализовать свой творческий потенциал, государство должно таким образом строить политику социальной защиты, чтобы обеспечить им возможность успешно совмещать труд в общественном производстве с материнством и ведением домашнего хозяйства.

Для уменьшения совокупной трудовой нагрузки работающих женщин необходимо обеспечить сокращение затрат их труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве. В этих целях необходимо принятие государственных инвестиционных программ и предоставление централизованных инвестиционных ресурсов из средств государственного бюджета для финансирования инвестиционных проектов на основе платности, срочности и возвратности в сфере торговли и общественного питания, бытового обслуживания населения, рационализации его быта, организации досуга, развития здравоохранения и дошкольного и школьного образования. Социальная политика государства должна быть направлена на развитие качественно новой сети детских дошкольных учреждений, позволяющей снижать заболеваемость детей и развивать их физические и умственные способности. Сокращению неоплачиваемой деятельности женщин в домашнем хозяйстве будет способствовать развитие сети детских дошкольных учреждений, финансируемой из госбюджета, а также широкий выбор недорогих высококачественных полуфабрикатов быстрого приготовления, хорошо развитая сфера услуг и механизация домашнего труда.

В предпринимательской деятельности необходимо развивать деловую инициативу женщин не только в сфере торговли, бытовых услуг, образования, здравоохранения, общественного питания, где традиционно трудятся женщины, но и в области промышленного производства, а также в сельской местности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, оказанию торговых, бытовых и социальных услуг. Учитывая довольно высокий образовательный уровень женщин, необходимо прежде всего решить проблему обеспечения их необходимым стартовым капиталом для ор-

ганизации и ведения предпринимательской деятельности, а также создавать льготные условия для доступа к финансовым (в том числе упрощенные процедуры получения небольших кредитов), материально-техническим и информационным ресурсам, а также к научно-техническим разработкам и технологиям.

Формирование оптимальной структуры занятости населения является одной из необходимых функций государственного регулирования экономики. Рациональная структура занятости должна обеспечить, во-первых, повышение эффективности общественного производства, во-вторых, улучшение условий труда работающих женщин, в-третьих, вовлечение в общественное производство безработных, в том числе домохозяек трудоспособного возраста. Для формирования такой структуры необходимо использовать централизованные инвестиционные ресурсы государства. При этом необходимо часть средств направить на качественное обновление основных производственных фондов и модернизацию производства, освоение прогрессивных ресурсосберегающих технологий, создание новых эффективных рабочих мест, улучшение условий труда. Государственное регулирование структуры занятости женщин должно обеспечить, во-первых, повышение их профессионально-культурного уровня для перевода со вспомогательных, подсобных, малоквалифицированных и физических тяжелых работ на работы, связанные с механизированным и автоматизированным трудом, т. е. с категории рабочих в категорию служащего и управленческого персонала; во-вторых, трудоустройство безработных женщин при содействии центров занятости, а также их переобучение за счет средств фонда содействия занятости; в-третьих, занятие безработных женщин предпринимательской деятельностью за счет реализации экономических функций государства в сфере поддержки малого предпринимательства.

Таким образом, реализация мер государственной поддержки позволит обеспечить женщинам равные стартовые условия с мужчинами как в экономической, так и в общественно-политической деятельности.

¹ Население РБ: Стат. сб. Мн., 2000. С. 25.

² Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 87.

³ Там же. С. 87.

⁴ Рассчитано на основании данных: Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 89.

⁵ Республика Беларусь в цифрах: Краткий стат. сб. Мн., 2003. С. 31.

⁶ Женщины и мужчины РБ. Указ. пр. С. 112.

⁷ Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 1999. С. 43.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 88.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 119.

¹⁵ Труд и занятость в РБ: Стат. сб. Мн., 2001. С. 36.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Женщины и мужчины РБ. Указ. пр. С. 101; Краткий стат. сб. «Республика Беларусь в цифрах». 2003. Мн., 2003. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Женщины и мужчины РБ: Стат. сб. Мн., 1999. С. 60.

²¹ Социально-экономическое положение домашних хозяйств: Стат. сб. Мн., 2001. С. 9–10.

²² Там же. С. 9.

²³ Там же. С. 34.

²⁴ Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 г. / Сост. М.И. Плотницкий. Мн., 2002. С. 14–15.

Поступила в редакцию 11.04.2003.

Екатерина Витальевна Ермакова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента БГУИР.

Права

А.М. БРАУСОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В целях практического применения рассматривается классификация видов физического насилия как способа совершения многообъектных преступлений. Основаниями градации являются объект воздействия и степень опасности насилия.

Classification of physical violence as a method of multiobject crime perpetrations is investigated. The goal of this work is its practical application. The bases of classification are the object of influence and violence degree.

Классификации принадлежит важное место в структуре научного познания. Она позволяет более глубоко изучить группу предметов и явлений, установить их взаимосвязи и раскрыть их внутренние закономерности. В данном исследовании, классифицируя виды физического насилия, мы преследуем цель научного познания обозначенного объекта и основанного на этом познании практического применения полученных результатов.

Физическое насилие представляет собой сложную уголовно-правовую категорию, которую в юридической литературе и уголовном законодательстве Республики Беларусь (далее по тексту – УК) понимают в нескольких значениях:

- физическое насилие как посягательство на личность вне нарушения иных объектов (однообъектные преступления против личности);
- физическое насилие как способ посягательства на иные объекты (многообъектные насильственные преступления);
- физическое насилие как основание возникновения аффекта у потерпевшего (ст. 31, 141 и 150 УК).

В уголовном законодательстве термин “физическое насилие” употребляется только в последних двух значениях (в нормах УК зафиксирован обобщающий термин “насилие”, однако под таковым имеется в виду именно “физическое насилие”)¹.

Предмет данного исследования – уголовно-правовая категория “физическое насилие” в значении способа совершения многообъектного преступления, под которым мы будем понимать умышленное противоправное воздействие, направленное на нарушение телесной неприкосновенности, физической свободы, половой свободы или неприкосновенности другого человека и совершаемое против или помимо его воли.

В уголовно-правовой литературе наиболее распространены следующие основания классификации видов физического насилия:

- 1) место (роль) насилия в объективной стороне состава преступления²;
- 2) степень опасности (интенсивность, характер) насилия³.

Помимо указанных критериев, выделялись и иные основания градации физического насилия. Так, В.И. Симонов предлагал классифицировать виды физического насилия по непосредственному объекту посягательства⁴.

С точки зрения практической значимости нам представляется необходимым классифицировать виды физического насилия по: 1) **объекту воздействия** и 2) **степени тяжести физического насилия**.

1. Классификация видов физического насилия по объекту воздействия

В уголовно-правовой литературе ранее уже предпринималась попытка классификации видов физического насилия по данному критерию. В.И. Симонов предлагал первоначально разделить физическое насилие на две группы (в однообъектных и многообъектных преступлениях), затем в каждой из этих групп классифицировать виды насилия по возрастанию опасности. Отметим, что автор проводил градацию по одному объекту – телесной неприкосновенности. Воздействие на свободу человека рассматривалось В.И. Симоновым как вид физического насилия лишь в связи с нарушением телесной неприкосновенности потерпевшего⁵.

Нам представляется более правильным в многообъектных преступлениях классифицировать виды физического насилия по следующим объектам: 1) телесная неприкосновенность, 2) физическая свобода, 3) половая свобода или неприкосновенность человека.

1.1. Телесная неприкосновенность

В качестве объекта физического насилия под телесной неприкосновенностью следует понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих неприкосновенность физической составляющей любого человека.

В доктрине уголовного права понятие “телесная неприкосновенность” имеет широкое и узкое значения.

В широком смысле под нарушением телесной неприкосновенности понимают любое противоправное воздействие на физическую составляющую человека, в узком смысле – насильственные действия, не связанные с причинением вреда здоровью или жизни человека⁶.

Характерным для понимания телесной неприкосновенности в узком значении является утверждение, в соответствии с которым нарушение неприкосновенности может осуществляться только энергетическим воздействием, как правило, при помощи физической силы.

Исходя из обозначенного подхода, некоторые ученые пытаются выделять такие объекты, как телесная неприкосновенность, здоровье или жизнь человека. Если телесная неприкосновенность может нарушаться и при воздействии на жизнь или здоровье (при непосредственном или опосредованном применении физической силы), то последние объекты могут подвергаться воздействию, помимо физического контакта, информационным способом, т. е. без нарушения телесной неприкосновенности⁷.

Мы считаем более правильной позицию авторов, полагающих, что нарушение телесной неприкосновенности всегда с необходимостью сопровождается любыми посягательствами на жизнь или здоровье человека⁸. Таким образом, телесную неприкосновенность необходимо понимать в широком значении как запрет на любое противоправное воздействие на физическую составляющую независимо от способа его осуществления.

Воздействие на телесную неприкосновенность может выражаться в ее нарушении без расстройства здоровья или жизни, нарушении с расстройством здоровья или причинением смерти человеку. В последних двух случаях общепринято прямо указывать на данные социальные блага (здоровье, жизнь) как на объекты уголовно-правовой охраны.

Нарушение телесной неприкосновенности в многообъектных насильственных преступлениях может происходить посредством совершения не только деяний, являющихся самостоятельными преступлениями против личности, но и иных деяний, приобретающих уголовно-правовое значение лишь в связи с совершением многообъектных преступлений.

Можно выделить следующие виды физического насилия, посягающие на телесную неприкосновенность: насильственные действия, приведение в беспомощное состояние, истязание, пытки, поставление в опасность здоровья или жизни, заражение болезнью, причинение телесных повреждений либо смерти человеку.

1.2. Физическая свобода

Физическая свобода как объект насилия представляет собой общественные отношения по поводу свободного и беспрепятственного передвижения человека в пространстве. Данным правом обладает любой человек с момента рождения независимо от реальной возможности распорядиться этим правом.

Под нарушением физической свободы следует понимать лишь такое воздействие, которое лишает человека возможности покинуть пределы какого-либо ограниченного пространства.

Трудно согласиться с авторами, относящими к физическому насилию и случаи незаконного запрещения лицу посещать отдельные места⁹. В таких ситуациях потерпевший не лишен возможности физического перемещения в пространстве. Однако на человека оказывается психическое воздействие, и поэтому такие посягательства следует относить к психическому насилию. Исключения составляют случаи запрета на пребывание в местах, через которые лицо может или желает покинуть какое-либо ограниченное пространство (например, выехать с острова можно только воспользовавшись морским судном, в то же время нахождение в порту или на пристани запрещено под угрозой насилия и т. п.).

Лишение человека свободы телодвижений, если такое воздействие не направлено на ее ограничение, также не является посягательством на свободу передвижения. Такие деяния следует рассматривать как насильственное воздействие на телесную неприкосновенность человека.

Отметим, что незаконное ограничение свободы всегда будет являться физическим насилием независимо от того, каким образом оно совершается, с применением физического или психического насилия или без применения. Данный вид насилия всегда совершается вопреки воле потерпевшего и выражается в лишении физической возможности перемещения человека в пространстве.

Таким образом, мы не можем согласиться с точкой зрения авторов, которые относят ограничение свободы к виду физического насилия лишь при насильственном способе посягательства¹⁰.

К нарушению физической свободы следует относить лишь случаи незаконного ограничения свободы человека в каком-либо пространстве. Вместе с тем отметим, что ограничение свободы человека объективно сопутствует совершению таких деяний, как похищение человека, захват заложника и т. п. Следовательно, указанные посягательства также могут выступать видами физического насилия.

1.3. Половая свобода или половая неприкосновенность

Половая свобода как объект физического насилия представляет собой право лица, достигшего шестнадцатилетнего возраста, самостоятельно решать, вступать или не вступать в сексуальный контакт, выбирать полового партнера и условия вступления в сексуальный контакт. Половая неприкосновенность представляет собой запрет на совершение любых сексуальных контактов с лицами, находящимися в беспомощном состоянии или не достигшими шестнадцати лет.

Отнесение к объекту физического насилия половой свободы или неприкосновенности человека обусловлено выделением такого вида физического насилия, как сексуальное насилие¹¹.

В литературе, однако, вопрос причисления половой свободы или неприкосновенности к объектам физического насилия является дискуссионным. Так, Р.Д. Шарапов утверждает, что половая свобода или неприкосновенность является социальным, а не физическим благом человека, вследствие чего они не могут быть отнесены к объектам физического насилия¹².

Мы же полагаем, что нарушение данного объекта всегда с необходимостью связано с воздействием и на физическую составляющую человека. Такому воздействию присуща определенная специфика, которая выражается в следующем: 1) сексуальное насилие никогда не ограничивается физическим насилием, которое может быть применено для его совершения, и обязательно включает в себя такое воздействие на тело человека, как сексуальный контакт; 2) сексуальное насилие может совершаться и без физического насилия (при помощи психического насилия или с использованием беспомощного состояния лица), тем не менее физическое воздействие на человека в виде сексуального контакта также будет иметь место. Следовательно, половую свободу или неприкосновенность необходимо относить к самостоятельным объектам физического насилия.

Нарушение половой свободы или неприкосновенности человека как вид физического насилия будет осуществляться путем совершения изнасилования (ст. 166 УК РБ) или насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК РБ) – обобщенно “сексуального насилия”.

2. Классификация видов физического насилия по степени тяжести

Формирование уголовно-правовой категории “насилие” в значении способа совершения многообъектного преступления исторически связано с возникновением и развитием прежде всего имущественных преступлений. Поэтому не удивительно, что первоначальное деление физического насилия на виды по степени тяжести имело место при законодательном конструировании составов грабежа и разбоя.

Впервые наиболее четкое деление насилия на виды по степени тяжести было произведено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором составы грабежа и разбоя различались по свойству и степени насилия¹³. Такое деление было перенесено и в последующие Уложения 1885 г. и 1903 г.

Как в законе, так и в доктрине того времени выделялось насилие, не соединенное с опасностью для жизни, здоровья или свободы (признак насильственного грабежа), и насилие, от которого представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица (признак разбоя)¹⁴.

Деление насилия на виды по степени тяжести, предпринятое в Уложениях 1845, 1885 и 1903 гг., было, по сути, воспроизведено и в уголовном законодательстве советского периода. УК РСФСР 1922 г., Основы уголовного законодательства СССР 1928 и 1958 гг., а также УК БССР 1960 г. выделяли, помимо обобщающего термина “насилие”, “насилие, опасное для жизни и (или) здоровья” и “насилие, не опасное для жизни и (или) здоровья”.

В УК Республики Беларусь 1999 г. закреплены два вида насилия: “насилие” – обобщающий термин, который включает в себя все проявления физического насилия, и “насилие, опасное для жизни и (или) здоровья” – вид насилия, охватывающий лишь такие деяния, которые причиняют или создают реальную угрозу причинения последствий в виде вреда жизни или здоровью потерпевшего.

В юридической литературе большинство авторов придерживаются “классического” деления физического насилия на виды по степени тяжести, т. е. выделяют насилие, опасное и не опасное для жизни или здоровья¹⁵.

Тем не менее отдельные авторы предлагают выделять иные виды насилия по степени опасности. Так, В.И. Симонов выделяет физическое насилие, опасное для жизни и здоровья, опасное только для здоровья, не опас-

ное для жизни и здоровья¹⁶. В то же время сам автор отмечает, что на практике трудно разграничить предложенный им первый и второй виды физического насилия, вследствие чего их удобнее рассматривать как единую категорию “насилие, опасное для жизни и здоровья”¹⁷.

Р.Д. Шарапов предлагает насилие, не опасное для жизни или здоровья, переименовать в незначительное насилие, а насилие, опасное для жизни или здоровья, – в значительное. Он объясняет это тем, что последствия, характерные для первого вида физического насилия, также вредят здоровью, хотя и не в значительной степени¹⁸.

Вместе с тем общим для всех изложенных классификаций является выделение в качестве критерия наступление или опасность наступления последствий в виде телесных повреждений или смерти человека.

С таким подходом нам трудно согласиться исходя из того, что указанный критерий применим в отношении воздействий, направленных на нарушение только одного объекта – телесной неприкосновенности человека. Однако физическое насилие включает в себя и воздействия на такие объекты, как физическая свобода и половая свобода или неприкосновенность человека. Виды физического насилия, посягающие на указанные объекты, вообще не направлены на причинение вреда здоровью или жизни. Специфика таких воздействий выражается в ином, и, следовательно, их некорректно связывать с последствиями в виде телесных повреждений или смерти.

Отметим, что на практике и в теории при разрешении вопроса степени опасности такого вида физического насилия, как ограничение свободы, исходят из интенсивности применяемой при таком воздействии физической силы либо опасности для здоровья или жизни, вызванной иными обстоятельствами.

Вместе с тем необходимо найти место ограничению свободы и сексуальному насилию в градации видов физического насилия безотносительно к факту причинения или опасности причинения вреда телесной неприкосновенности.

Полагаем, что при классификации по степени тяжести необходимо:

- 1) отказаться от определения степени тяжести видов насилия как воздействий только на один объект (телесную неприкосновенность);
- 2) все существующие виды классифицировать с учетом возрастания их степени опасности.

Таким образом, можно предложить следующую градацию видов физического насилия по степени тяжести.

Малозначительное физическое насилие – воздействия, нарушающие телесную неприкосновенность и не представляющие опасности для здоровья. Такие деяния не обладают общественной опасностью преступления вне воздействия на иные объекты в многообъектном преступлении.

К малозначительному насилию следует относить насильственные действия, связанные с причинением боли или иным нарушением телесной неприкосновенности, а также причинение легкого телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья.

Значительное физическое насилие – воздействие, ставящее в опасность здоровье или жизнь, связанное с причинением особой боли или мучений; причиняющее вред здоровью или жизни, а также направленное на ограничение личной свободы либо нарушающее половую свободу или неприкосновенность.

Значительное физическое насилие может выражаться в следующих посягательствах: приведение в беспомощное состояние, истязание, пытки, поставление в опасность здоровья или жизни, заражение болезнью, причинение телесных повреждений или смерти, незаконное ограничение свободы, изнасилование, насильственные действия сексуального характера.

- ¹ См.: Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.
- ² Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 25–31; Симонов В. И. К вопросу о классификации видов физического насилия // Науч. тр. СвЮИ. 1976. Вып. 49. С. 77.
- ³ См.: Панов Н. И. Квалификация насильственных преступлений: Учеб. пособие. Харьков, 1986. С. 18–19; Симонов В. И. Там же; Шарапов Р. Д. Там же. С. 198–207; Ткаченко В. Н. Насилие, не опасное и опасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 79–82.
- ⁴ Симонов В. И. Там же. С. 78.
- ⁵ Там же. С. 78.
- ⁶ Симонов В. И., Шумихин В. Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств на собственность: Учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 18–19.
- ⁷ См.: Дубовец П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 14; Симонов В. И., Шумихин В. Г. Там же. С. 19.
- ⁸ Орехов В. В. Борьба с телесными повреждениями по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1960. С. 9–10.
- ⁹ Шарапов Р. Д. Указ. пр. С. 194–195; Симонов В. И. К вопросу о незаконном лишении свободы // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: Межвуз. сб. науч. тр. СвЮИ. Свердловск, 1981. С. 73; Уголовное право. Особенная часть: Учеб. / Под ред. д-ра юр. наук, проф. Н.И. Ветрова и проф. Ю.И. Ляпунова. М., 1998. С. 111–112.
- ¹⁰ Симонов В. И. Там же. С. 77.
- ¹¹ Браусов А. М. Понятие содержания насилия в многообъектных преступлениях в законодательстве зарубежных стран // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Н.В. Сильченко. Гродно, 2002. С. 338–340.
- ¹² Шарапов Р. Д. Указ. пр. С. 167–168.
- ¹³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб., 1912. С. 237.
- ¹⁴ См.: Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный анализ важнейших отделов Особенной части старого и нового уложений. 3-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 226–228 и др.
- ¹⁵ См.: Ткаченко В. Н. Насилие, не опасное и опасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 79–82; Иванова В. В. Преступное насилие: Учеб. пособие для ВУЗов. М., 2002. С. 16–19; Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 454–455 и др.
- ¹⁶ Симонов В. И. К вопросу о классификации... Указ. пр. С. 78.
- ¹⁷ Симонов В. И. Там же. С. 79.
- ¹⁸ Шарапов Р. Д. Указ. пр. С. 206.

Поступила в редакцию 04.02.2003.

Александр Михайлович Браусов – преподаватель кафедры уголовного права.

Н.А. ЛЫЧАГИН

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Проанализированы особенности действия принципа разделения властей в сфере формирования и осуществления внешней политики США. Рассматриваются механизмы взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти американского государства при определении внешнеполитического курса страны; исследуются конституционные и иные нормы, регулирующие деятельность президента и Конгресса в данной области.

The present paper analyzes the peculiarities of division of power executed in the sphere of formation and implementation of the US foreign policy. The mechanism of interaction between the legislative and executive powers in the process of foreign policy framing is described. The author describes constitutional and other legal provisions, regulating the Congress and President's activities in the field above.

В основу функционирования государственного механизма США заложен принцип разделения властей, реально воплотившийся в системе «сдержек и противовесов», в соответствии с которой каждая из ветвей власти в своей деятельности зависит от двух других, а выполнение отдельных конституционных и иных функций может быть осуществлено лишь совместно.

Действие принципа разделения властей распространяется и на сферу формирования и осуществления внешней политики государства. Однако в

этой области наблюдаются определенные отклонения от классической системы взаимозависимости и взаимообусловленности трех ветвей власти. Во-первых, судебная власть не участвует в определении внешнеполитического курса США, а ее влияние на внешнюю политику страны ограничивается лишь некоторыми решениями Верховного суда, в которых определяются рамки конституционных полномочий законодательной и исполнительной властей. Таким образом, внешняя политика американского государства формируется в результате взаимодействия исполнительной власти в лице президента и подчиненных ему федеральных правительственных органов, с одной стороны, и законодательной власти, представленной Конгрессом, – с другой.

Во-вторых, анализ современной политической системы США позволяет сделать вывод о том, что в сфере осуществления внешней политики конституционный баланс властей нарушен и президент занимает лидирующее положение по отношению к законодательному органу. Уже по своему статусу он является главным представителем государства на международной арене. Именно президенту принадлежит инициатива в этой области, именно он отвечает за практическое проведение в жизнь внешней политики США.

Однако Конгресс в пределах своих полномочий в определенной степени влияет на внешнеполитический курс и действия США на международной арене. Используя свои конституционные прерогативы, он может помешать осуществлению конкретных внешнеполитических акций, добиться определенных уступок и изменений во внешней политике федерального правительства.

Рассмотрим механизм взаимодействия законодательной и исполнительной властей в сфере формирования внешней политики государства.

В соответствии с разд. 2 ст. II Конституции США президент имеет право «по совету и с согласия» Сената назначать послов, иных полномочных представителей и консулов, а также всех других должностных лиц Соединенных Штатов, о назначении которых в Конституции нет иных постановлений и должности которых установлены законом. В таком порядке осуществляется назначение, например, федеральных министров, директора ЦРУ, а во внешнеполитическом ведомстве – государственного секретаря, первого заместителя и заместителей госсекретаря, советника Госдепартамента, помощников госсекретаря и приравненных к ним лиц.

Утверждение назначений в верхней палате Конгресса осуществляется простым большинством голосов присутствующих сенаторов. Обычно Сенат дает свои «совет и согласие», однако бывают и случаи отказа. Например, в 1973 г. Сенат не утвердил кандидатуру М. Годли, назначенного президентом на должность помощника госсекретаря по странам Восточной Азии и бассейна Тихого океана¹. В 1989 г. была отклонена кандидатура Дж. Тауэра, предлагавшегося на пост министра обороны².

Кроме того, Сенат может не давать формального ответа и тем самым вынудить исполнительную власть снять предложенную кандидатуру. Так, к примеру, произошло в 1974 г. с П. Флэнигеном, назначенным на должность посла США в Испании³.

На основании анализа положений Конституции США можно сделать вывод о том, что президент должен запрашивать согласие Сената и для назначения представителей государства на международных переговорах. Однако уже в 1791 г. президент Дж. Вашингтон единолично уполномочил Морриса на ведение переговоров с Англией, поставив об этом в известность Сенат лишь задним числом⁴. Таким образом, возник прецедент, впоследствии вошедший в политическую практику государства. Более того, после Второй мировой войны появились должности специальных помощников президента, его личных представителей на международной арене, которые

назначаются единолично главой государства. Исключением сегодня являются лишь члены ежегодных делегаций США на очередную сессию Генеральной ассамблеи ООН, традиционно назначаемые президентом «по совету и с согласия» верхней палаты парламента.

Что касается права на увольнение федеральных должностных лиц, назначенных «по совету и с согласия» Сената, то многие американские ученые-конституционалисты полагают, что данное право носит дискретный характер, т. е. принадлежит исключительно президенту как главе исполнительной власти. Вместе с тем Конгресс неоднократно пытался ограничить указанное право, мотивируя это тем, что, поскольку Сенат утверждает назначения президента, он также должен контролировать и вопросы увольнения.

В 1867 г. Конгрессом был принят Закон о пребывании в должности, запротививший президенту без согласия Сената увольнять членов кабинета, утвержденных верхней палатой парламента. Бывший в то время президентом Э. Джонсон категорически отказался следовать этому закону и в нарушение его положений самостоятельно уволил военного министра Э. Стэнтона. Это в конечном итоге привело к возбуждению процедуры импичмента в отношении президента, и при голосовании в Сенате не хватило лишь одного голоса для того, чтобы отстранить его от должности⁵.

Однако уже в 1887 г. вышеназванный закон был отменен, а в 1926 г. в решении по делу *Myers v. US* Верховный суд признал закон 1867 г. и некоторые другие нормативные акты по вопросам увольнения неконституционными. «Президент, – подчеркнул Суд, – имеет исключительное право отстранения должностных лиц исполнительной ветви власти Соединенных Штатов, которых он назначил по совету и с согласия Сената»⁶.

Данное решение окончательно закрепило за президентом право увольнять должностных лиц в исполнительных органах власти без какого-либо вмешательства Конгресса. Это право в максимальном объеме было реализовано в 1979 г. президентом Дж. Картером, который потребовал отставки всего кабинета для реорганизации его состава. Такое требование главы государства не было оспорено законодательной властью, и каждый министр вручил президенту прошение об отставке⁷.

Еще одним совместным полномочием законодательной и исполнительной ветвей власти в США является заключение международных договоров. В соответствии с разд. 2 ст. II Конституции США президент имеет право «по совету и с согласия» Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов.

Процесс заключения международных договоров в США, регулируемый циркуляром Государственного департамента от 13 декабря 1955 г. № 175⁸, подразделяется на три этапа. На первом – президент либо уполномоченные им должностные лица исполнительной власти ведут переговоры с представителями иностранного государства и подписывают договор. На втором – Сенат рассматривает договор и решает вопрос о даче санкции на его ратификацию. На третьем этапе, если Сенат дал свои «совет и согласие», президент ратифицирует договор путем подписания ратификационных грамот, которыми он впоследствии обменивается с главой государства – партнера по договору. Таким образом, президент может отказаться от ратификации договора даже после его одобрения парламентом.

Первоначально формула «по совету и с согласия» требовала передачи в Сенат не подписанных договоров, а их согласованных проектов. Однако уже в 1794 г. правительство Дж. Вашингтона подписало с Англией Договор о дружбе, торговле и мореплавании, не поставив об этом в известность законодательный орган. Так был создан прецедент, при котором функции Сената ограничивались одобрением уже подписанного соглашения. Окончательно с практикой предварительного согласования проектов договоров с парламентом было покончено при президенте Честере Артуре (1881–1885)⁹.

В решении по делу *US v. Curtiss-Wright Export Corporation* (1936) Верховный суд отметил, что «президент один обладает полномочием говорить или выслушивать от имени государства. Он заключает договоры по совету и с согласия Сената, но переговоры ведет он один. Сенат не может вмешиваться в сферу переговоров, и весь Конгресс не полномочен в нее вторгаться»¹⁰.

Вместе с тем Конгресс может выступить с инициативой заключения того или иного международного договора, что оформляется принятием соответствующей резолюции одной или обеих палат, которая при этом не имеет обязательной силы для главы государства. Например, в 1888 г. Сенат рекомендовал президенту Кливленду заключить договор с Китаем об ограничении китайской эмиграции в США¹¹.

В результате рассмотрения подписанного исполнительной властью договора Сенат может одобрить его без изменений, внести в договор поправки или оговорки, отказать в его утверждении либо временно отложить рассмотрение вопроса по тем или иным причинам.

На практике Сенат редко отказывает исполнительной власти в своей санкции на ратификацию договоров в связи с тем, что отклонение договора по существу означает публичное дезавуирование правительства своей страны и отказ от уже взятых на себя обязательств по отношению к другим государствам. Подобный шаг негативно сказывается на престиже страны на международной арене.

Первым отклоненным договором было соглашение с Колумбией о борьбе с работорговлей (1825)¹². Пожалуй, наиболее известным примером является отказ Сената предоставить свои «совет и согласие» для ратификации Версальского договора 1919 г., одним из наиболее активных разработчиков которого был американский президент Вудро Вильсон.

На начальном этапе существования США международные соглашения, заключаемые «по совету и с согласия» Сената, могли быть расторгнуты только после получения соответствующей санкции верхней палаты Конгресса. Однако впоследствии президенты стали расторгать договоры без ведома Сената. Так произошло, например, с Американско-швейцарской конвенцией о дружбе и торговле 1859 г., Американско-японским договором о торговле и мореплавании 1911 г.¹³ Вместе с тем истории известны и противоположные случаи. Так, в 1798 г. Конгресс единолично принял акт, отменивший сразу все договоры между США и Францией¹⁴.

Особое внимание к этой проблеме было привлечено после того, как в 1978 г. президент Дж. Картер единолично денонсировал Американско-тайваньский договор 1954 г. Ответной реакцией ряда членов Конгресса стало обращение в Верховный суд США с требованием подтвердить право парламента участвовать в процедуре расторжения международных договоров. Однако в своем решении Суд признал себя неправомочным урегулировать данный вопрос, так как он имеет не правовой, а политический характер¹⁵. Дело в том, что еще в 1803 г. в решении по делу *Marbury v. Madison* председатель Верховного суда Маршалл выдвинул доктрину «политического вопроса», в соответствии с которой из юрисдикции судов исключались вопросы, относящиеся, согласно Конституции, к компетенции законодательной и исполнительной властей¹⁶. Таким образом, до настоящего времени вопрос о субъектах денонсации международных договоров так и не решен, хотя американские президенты продолжают самостоятельно расторгать неудобные им соглашения.

В соответствии с разд. 3 ст. II Конституции президент США периодически представляет Конгрессу сведения о состоянии Союза и предлагает на усмотрение парламента такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными. Речь идет о так называемых президентских посланиях, которые на

сегодняшний день фактически являются программой законодательной деятельности Конгресса и нередко сопровождаются законопроектами, подготовленными федеральными ведомствами. Эти послания можно рассматривать в качестве своеобразной формы законодательной инициативы. Вместе с тем с юридической точки зрения они не имеют для Конгресса обязательной силы, хотя на практике их воздействие на депутатов достаточно велико благодаря широкому использованию лоббистской деятельности, а также предварительному согласованию законопроектов в ходе «личных конференций» (совещаний) президента с лидерами Конгресса, руководителями партийных фракций, председателями ключевых парламентских комитетов.

Рекомендуемые в президентских посланиях мероприятия могут иметь непосредственное отношение к реализации внешнеполитического курса государства. Некоторые целиком посвящались вопросам внешней политики. В послании президента Конгрессу от 2 декабря 1823 г., например, была сформулирована доктрина Монро¹⁷, а 12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн изложил в своем послании доктрину, названную впоследствии его именем¹⁸.

Отдельно остановимся на конституционном праве Конгресса объявлять войну, осуществляемом в форме совместной резолюции, принятой простым большинством голосов в обеих палатах, которая затем подписывается президентом.

Однако на практике фактическое (но не юридическое) право объявления войны сегодня принадлежит главе государства. Об этом свидетельствует ряд исторических фактов: в 1950 г. президент Г. Трумэн послал американские войска в Корею, в 1962 г. президент Дж. Кеннеди установил морскую блокаду вокруг Кубы, в 1965 г. президент Л. Джонсон использовал американские войска для вторжения в Доминиканскую Республику.

В качестве правового обоснования подобных действий президента нередко приводится ряд решений Верховного суда США, принятых еще в начале XIX в., например *Bas v. Tingy* (1800), *Talbot v. Seeman* (1801)¹⁹. В этих решениях, в частности, признавалось право президента как главнокомандующего армии и флота США без санкции Конгресса использовать вооруженные силы для отражения внезапного нападения на страну, а с получением в последующем санкции – вести «ограниченные, частичные и неполноценные войны» без формального объявления войны законодательным органом²⁰. В решении Верховного суда по делу *Martin v. Mott* (1827) право президента отражать внезапное нападение было истолковано как право принимать меры для предотвращения угрозы непосредственного нападения²¹.

В настоящее время решение о начале военных действий против зарубежного государства, которое может быть принято президентом США, юридически рассматривается не как объявление войны, а как действия, направленные на защиту прав человека и предотвращение гуманитарной катастрофы, защиту жизни и собственности американских граждан за рубежом либо на борьбу с международным терроризмом. Еще в 1804 г. Верховный суд определил, что вмешательство США в дела других государств правомерно в тех случаях, когда американские граждане подвергаются «несправедливым преследованиям за границей»²². В решении Верховного суда по делу *Durand v. Hollis* (1860) говорилось о том, что граждане США за границей не в меньшей мере, чем внутри страны, имеют право рассчитывать на президента как главу государства при защите своей жизни и собственности²³. Так, именно с этой формулировкой в 1900 г. президент Маккинли без санкции Конгресса послал войска на подавление боксерского восстания в Китае, а в 1965 г. осуществлялось вторжение США в Доминиканскую Республику²⁴.

Таким образом, хотя фактически Соединенные Штаты вступают в войну, формально это войной не рассматривается, как, например, произошло во

время конфликта в Югославии в 1999 г. Война же в Корее представлялась вообще как «полицейская акция администрации Трумэна».

Отметим, что за всю историю Соединенных Штатов вооруженные силы США участвовали более чем в 200 международных конфликтах (читай – войнах). И только пять из них были объявлены специальным актом Конгресса: война с Англией 1812 г., война с Мексикой 1846–1848 г., испано-американская война 1898 г. и обе мировые войны²⁵. При этом в четырех последних случаях Конгрессу оставалось лишь юридически признать фактическое состояние войны, в которую США уже вступили по решению президента.

В современных условиях право Конгресса на объявление войны ограничено еще одним обстоятельством. Так, в соответствии со ст. 5 Североатлантического договора нападение на одну из стран-участниц блока рассматривается как агрессия против всех остальных. Таким образом, на лицо ситуация, когда США могут автоматически вступать в войну без учета позиции Конгресса по данному вопросу.

К совместной компетенции президента и Конгресса относится также проведение реорганизации федеральных органов исполнительной власти. Формально эти вопросы должны решаться исключительно в законодательном порядке. Однако в 1939 г. американский парламент уступил часть своих прав в этой области президенту, наделив его полномочиями по слиянию исполнительных ведомств, уменьшению жалования федеральным служащим и сокращению госаппарата. Подобные решения должны оформляться соответствующими планами реорганизации, которые подлежат предоставлению в Конгресс для утверждения. При этом любая палата может отвергнуть план президента в течение 60 дней после его обнародования. Например, в 1971 г., когда президент Р. Никсон выдвинул обширный план реорганизации всего федерального правительства путем слияния ряда департаментов в своеобразные «суперминистерства», законодательный орган выступил против такой централизации исполнительной власти. В итоге президентская инициатива так и осталась нереализованной²⁶.

До середины 70-х гг. XX в. полномочия главы государства по реформированию структуры исполнительной власти были практически неограниченными. Однако в 1977 г. Конгрессом был принят закон, сохранивший за президентом лишь право на реорганизацию в указанном выше порядке только второстепенных органов. Что же касается крупных реформ, таких как создание новых департаментов, объединение ведомств, упразднение независимых административных агентств и т. д., то они должны оформляться законом Конгресса.

Таким образом, хотя Конституция США и предусматривает разделение функций в области формирования и осуществления внешней политики между законодательной и исполнительной ветвями власти в рамках механизма «сдержек и противовесов», однако в ходе исторического развития конституционный баланс властей в этой сфере был нарушен и влияние президента постоянно возрастало, в то время как возможности Конгресса сокращались. В последнее время в американской системе органов внешних сношений наблюдается необычайное усиление президентской власти. Сегодня ведущая роль в осуществлении внешней политики государства принадлежит именно президенту, который напрямую выполняет ряд полномочий не только различных исполнительных органов, но и Конгресса. С одной стороны, это частично нарушает сложившееся на протяжении двух столетий равновесие ветвей власти, но с другой – позволяет с большей эффективностью решать многие вопросы внешней политики, более гибко реагировать на постоянно изменяющиеся международные отношения.

- ¹ См.: Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный. М., 1986. С. 51.
- ² См.: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М., 1998. С. 176.
- ³ См.: Иванов Ю.А. Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния (1970–1980 гг.). М., 1982. С. 71.
- ⁴ См.: Белоногов А.М. Белый дом и Капитолий – партнеры и соперники. М., 1974. С. 41.
- ⁵ См.: Савельев В.А. США: сенат и политика. М., 1976. С. 132.
- ⁶ Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984. С. 65.
- ⁷ См.: Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. М., 1994. С. 77.
- ⁸ См.: Мартыненко П.Ф. Современные буржуазные теории о внешних сношениях государств (Федерализм и внешние сношения в конституционном праве США). Киев, 1970. С. 66.
- ⁹ Белоногов А.М. Указ. пр. С. 17.
- ¹⁰ Белоногов А.М. Там же. С. 18.
- ¹¹ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 36.
- ¹² См.: Белоногов А.М. Там же. С. 79.
- ¹³ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 145.
- ¹⁴ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 147.
- ¹⁵ См.: Мишин А.А. Указ. пр. С. 139.
- ¹⁶ См.: Четвериков С.Б. Кто и как делает политику США. М., 1974. С. 85.
- ¹⁷ См.: Ныпорко Ю.И. Конституционные взаимоотношения Президента и Конгресса США в области внешней политики. Киев, 1979. С. 35.
- ¹⁸ См.: Петров В.Ф. Как делается внешняя политика США. М., 1966. С. 14.
- ¹⁹ См.: Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный. М., 1986. С. 45.
- ²⁰ См.: Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма. М., 2001. С. 89.
- ²¹ См.: Четвериков С.Б. Указ. пр. С. 79.
- ²² См.: Четвериков С.Б. Там же. С. 82.
- ²³ См.: Ныпорко Ю.И. Указ. пр. С. 111.
- ²⁴ См.: Ныпорко Ю.И. Там же. С. 112.
- ²⁵ См.: Иванов Ю.А. Указ. пр. С. 8.
- ²⁶ См.: Сахаров Н.А. Указ. пр. С. 88.

Поступила в редакцию 13.11.2002.

Николай Александрович Лычагин – аспирант кафедры конституционного права. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Г.А. Василевич.

А.В. КОВАЛЬЧУК

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА

Анализируются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 156 Уголовного кодекса Республики Беларусь. С целью четкого разграничения криминального аборта и убийства предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны человеческой жизни.

Objective and subjective signs of crime, indicated in art. 156 of the Criminal code of the Republic of Belarus are analyzed in the article. The ways of improving criminal legislature (in the sphere of man's life protection) are proposed in order to distinguish criminal abortion and deliberate murder.

Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 5 апреля 1994 г. № 71 регламентируется прерывание беременности в поздние сроки по медицинским, медико-генетическим и социальным показаниям. Медицинские показания для прерывания беременности в основном обусловливаются экстрагенитальными заболеваниями, при которых сохранение беременности представляет опасность для жизни и здоровья женщины. Медико-генетические показания к прерыванию беременности связаны с пороками развития плода (не совместимые с жизнью, не поддающиеся коррекции). По медицинским и медико-генетическим показаниям беременность прерывается в любые сроки. Социальные показания для прерывания беременности разнообразны (беременность после изнасилования, смерть мужа во время беременности, наличие трех и более детей и т. п.), по ним беременность может прерываться до 22-й недели включительно.

В современной медицине абортom называется прерывание беременности до наступления срока жизнеспособности плода (до 22-й недели внутриутробного развития включительно). Различают аборт ранний – прерывание беременности до 12 недель включительно и поздний – прерывание беременности начиная с 13 недель и до 22-й недели включительно. Уголовно-правовое понятие аборта шире медицинского аналога, поскольку включает в себя и проведение абортивных действий после 22 недель беременности до начала родовой деятельности у матери.

Согласно ст. 156 УК производство аборта признается незаконным, если оно совершается в нарушение установленного порядка или при наличии противопоказаний врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля (акушером-гинекологом) – ч. 1; либо иным лицом, не имеющим высшего образования соответствующего профиля, в любом случае – ч. 2. В ч. 3 ст. 156 УК в качестве особо квалифицированного состава называются действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть женщины либо причинение ей тяжкого телесного повреждения.

Непосредственным объектом незаконного производства аборта, по мнению одних авторов, является здоровье женщины¹, другие в качестве такового указывают не только здоровье, но и жизнь², третьи, признавая объектом незаконного прерывания беременности жизнь и здоровье беременной женщины, считают, что данным преступлением вред наносится “интересам нормального воспроизводства населения”, “здоровью настоящего и будущего поколения”³. Существует и еще одна точка зрения: непосредственным объектом аборта называется порядок его производства, а жизнь и здоровье женщины выступают в качестве дополнительных объектов⁴. Полагаем, что в данном случае объект преступления четко определяется его субъектом. Согласно действующему законодательству беременная женщина, подстрекающая иное лицо к производству незаконного прерывания беременности, уголовной ответственности не подлежит. Подобная ситуация возможна, только если объектом криминального аборта выступают жизнь и здоровье беременной женщины: нанесение себе телесных повреждений независимо от степени тяжести и даже причинение смерти, в том числе и посредством других лиц, уголовно ненаказуемо. Иная трактовка объекта преступления, предусмотренного ст. 156 УК (например, признание объектом криминального аборта порядка его производства), обуславливает необходимость привлечения к уголовной ответственности беременной женщины за склонение другого лица к совершению данного деяния (подстрекательство). Руководствуясь современными представлениями о человеческой жизни как высшем благе, мы полагаем, что объект криминального аборта – это право на жизнь и здоровье беременной женщины. Именно такой подход соответствует цели всемерной охраны прав и свобод человека. Вынашиваемый ребенок при действующей редакции статьи, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное прерывание беременности, рассматривается как часть организма женщины, а не самостоятельное живое существо.

Объективная сторона криминального аборта заключается в незаконном совершении действий, направленных на прерывание беременности и создавших угрозу жизни и здоровью беременной женщины либо причинивших ей вред. С этого момента преступление признается оконченным независимо от того, произошло ли плоудоизгнание или нет.

Способы совершения криминальных абортов различны. К ним можно отнести как совокупность общеупотребительных в медицине методов, приемов и препаратов, так и “традиционные” народные средства. В большинстве случаев – введение растворов различной консистенции и механических средств во влагалище, цервикальный канал и полость матки, так как такие

действия не требуют специальных знаний и навыков, легко выполнимы и доступны. По мнению большинства авторов, способ, избираемый для производства аборта, не оказывает влияния на квалификацию преступления. И.И. Горелик указывает, что если аборт производится на поздних сроках и уничтожение плода происходит в чреве матери, то имеет место криминальный аборт, хотя плод был жизнеспособным. Если же абортивными действиями вызваны преждевременные роды, в результате которых родился живой ребенок, затем убитый, то имеет место совокупность криминального аборта и детоубийства⁵. Н.А. Бабий отмечает, что если результатом аборта стало появление живого ребенка либо были спровоцированы родовые схватки, то умерщвление такого младенца надлежит рассматривать только как убийство⁶. В любом варианте технология производства абортивных действий определяет квалификацию. Умерщвление плода в материнской утробе – это аборт, вне ее – убийство либо совокупность криминального аборта и убийства. Посягательства на один объект квалифицируются по-разному в зависимости от способа воздействия: лицо, совершающее аборт, должно действовать так, чтобы уничтожить плод непременно в материнской утробе, иначе оно может понести наказание за убийство. Не вполне ясно также как квалифицировать деяния, направленные на уничтожение плода, но вызвавшие преждевременные роды, родившийся в результате которых живой ребенок умирает от повреждений, полученных внутри материнской утробы.

Английским правом отравление ребенка или нанесение ему повреждения в материнской утробе, вследствие чего следует смерть после рождения, рассматривается как убийство, равно как и абортивные действия, результатом которых стало рождение живого недоношенного ребенка, умершего вследствие своей неспособности жить вне материнской утробы⁷. В УК штата Иллинойс (США) предусмотрены два случая, позволяющие квалифицировать действия виновного как простое умышленное убийство: 1) умерщвление жизнеспособного неродившегося ребенка в чреве матери; умерщвление же плода, не способного жить вне материнской утробы, считается абортom; 2) намеренное или, по крайней мере, заведомое умерщвление неродившегося ребенка, во время совершения которого виновный необоснованно предполагает наличие обстоятельств, его оправдывающих. Аналогичная норма содержится и в УК штата Пенсильвания. Простое умышленное убийство нерожденного ребенка является фелонией 1-го класса, за которую суд может назначить тюремное заключение на срок от четырех до пятнадцати лет⁸.

Подобные положения высказываются и в российской уголовно-правовой литературе. Так, А.Н. Попов предлагает следующий подход к квалификации таких действий:

“1. Умышленное искусственное прерывание беременности при сроке более 22-х недель при отсутствии медицинских показаний, т. е. условий крайней необходимости, следует признавать убийством.

2. В случае, если было естественное или искусственное прерывание беременности при сроке беременности более 22-х недель, умерщвление появившегося из утробы матери живого ребенка необходимо квалифицировать как убийство.

3. Посягательство на жизнь ребенка, находящегося в утробе матери, при сроке беременности свыше 22-х недель также должно признаваться убийством, ибо местонахождение ребенка в момент посягательства на его жизнь в данном случае никакого принципиального значения не имеет”⁹.

Приведенные выше положения представляются несколько спорными в силу того, что А.Н. Попов отождествляет прерывание беременности после достижения плодом жизнеспособности, повлекшее его гибель, с убийством,

т. е. умышленным лишением жизни другого человека. Вместе с тем совершенно очевидно, что общественная опасность криминального аборта, производимого на поздних сроках беременности (свыше 22 недель), значительно выше, нежели раннего аборта. Фактически лицо, производящее прерывание беременности, посягает не только на жизнь и здоровье матери, но и на плод, способный жить вне материнского организма. В этом свете более логичной выступает точка зрения Т.А. Лаврентьевой, полагающей, что лицо, приступая к умерщвлению плода в материнской утробе со сроком беременности свыше 28 недель (на время написания ее диссертации указанный срок считался моментом достижения плодом жизнеспособности – стадии развития плода, на которой он потенциально способен жить вне материнской утробы; теперь данный период составляет 22 недели), не исключает возможности рождения жизнеспособного живого ребенка, своими действиями создает опасность для жизни и здоровья способного к автономному внеутробному существованию жизнеспособного, но недоношенного плода, и, следовательно, содеянное можно квалифицировать как нечто пограничное между абортom и убийством и рассматривать его как самостоятельный вид преступления¹⁰. Субъективная сторона такого преступления должна включать в себя осознание виновным лицом факта достижения плодом жизнеспособности и желание либо сознательное допущение смерти плода в результате абортивных действий.

Существует много фактов, подтверждающих такой подход. Рождающийся в результате преждевременных родов пяти-, шести-, семимесячный ребенок благодаря достижениям современной науки имеет достаточно большие шансы на выживание. По данным П. Даина, в “Материнской больнице” Бристолья (Англия) в 1980 г. выживало 29 % детей в возрасте 22–27 недель, в 1982 – 43 %, в 1984 – 72 %¹¹. Как правильно замечает М.Н. Малейна, “...количественные характеристики жизнеспособности будут меняться и законодательство должно своевременно отражать эти изменения”¹². В европейских странах выделяют четыре типа законодательства об абортах: разрешение аборта по просьбе женщины (Беларусь); разрешение аборта по медицинским и социальным показаниям; разрешение аборта только при наличии определенных в законе обстоятельств: угроза физическому и психическому здоровью женщины, инкурабельные дефекты плода, изнасилование и инцест; разрешение аборта лишь в исключительных случаях, в ситуации крайней необходимости с целью спасения женщины¹³.

Не отстаивая полный запрет абортов, полагаем необходимым пересмотреть максимально возможные сроки и критерии его производства. Кроме того, следует согласиться с Г.А. Василевичем, отметившим, что юридические аспекты производства абортов должны определяться не в ведомственных нормативных актах, а в законе¹⁴. Производство абортов на значительных сроках беременности должно быть сведено к минимуму: в случаях выявления генетической патологии плода либо с целью избежания нанесения серьезного вреда жизни и здоровью беременной женщины. На данный момент в этой сфере в Беларуси складывается катастрофическая ситуация. Несмотря на интенсивные мероприятия по пропаганде и популяризации контрацепции, искусственные аборты совершаются чаще, чем роды (в зависимости от региона соотношение родов к абортom колеблется от 1:1 до 1:2). В последнее время в десятки раз возросла частота прерывания беременности на поздних сроках, причем в большинстве случаев это обусловлено социальными показаниями у подростков¹⁵.

Субъективная сторона криминального аборта характеризуется прямым умыслом, при котором виновный сознает, что нарушает требования, предъявляемые к операции искусственного прерывания беременности, и предвидит, что в результате его действий будет создана опасность для жизни и

здоровья беременной женщины. В отношении ч. 3 ст. 156 УК имеет место сложная вина, характеризующаяся прямым умыслом на незаконное производство аборта и неосторожностью к наступившим последствиям в виде тяжкого телесного повреждения или смерти женщины.

Субъектом незаконного производства аборта, предусмотренного ч. 1 ст. 156 УК, является врач, имеющий высшее медицинское образование соответствующего профиля (акушер-гинеколог), произведший аборт вне стационарного медицинского учреждения, в стационарном учреждении, но с нарушением установленного порядка либо при наличии противопоказаний. Субъектом незаконного производства аборта, предусмотренного ч. 2 ст. 156 УК, может быть любое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, включая врача со специальностью «акушер-гинеколог» (несущего ответственность по ч. 1 настоящей статьи). Субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 156 УК, может быть как акушер-гинеколог, так и иное физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Аборты, производимые на поздних сроках беременности, часто имеют своим последствием, кроме вреда, причиненного жизни и здоровью женщины, преждевременные роды. В связи с этим, а также с необходимостью разграничения самоаборта, произведенного женщиной (непреступного), и убийства матерью новорожденного ребенка (преступного) возникает задача установления грани, разделяющей убийство и плодозигнание. Решение этой проблемы возможно лишь при правильной констатации начального момента человеческой жизни, дающего старт качественно новому уровню существования организма и уголовно-правовой охране жизни. В юридической литературе выделяются следующие подходы к определению начального момента охраны автономной человеческой жизни: отделение плода от тела матери; прорезание плода из тела матери; начало самостоятельного дыхания; начало родов; момент перерезания пуповины¹⁶.

Кроме указанных критериев определения начала уголовно-правовой охраны самостоятельной жизни человека, полагаем возможным выделить такой, как достижение плодом жизнеспособности (на данный момент 22-е недели внутриутробного развития), а также различные комбинации всех вышеперечисленных подходов. Считаем, что плод, развивающийся в материнской утробе, становится потенциальным субъектом права на жизнь после достижения жизнеспособности, но только наличия у плода определенного внутриутробного возраста недостаточно. Посягательство на жизнь плода следует признавать убийством, если оно совершается после начала родовой деятельности у матери. Понятие «родовая деятельность», являясь более широким понятием, чем «родовые схватки», имеет место при всех видах родов: физиологических; индуцированных (искусственно вызванных родах по показаниям со стороны матери или плода, а также по сочетанным показаниям, частота индуцированных родов составляет 10–20 % от общего числа); программированных (элективных) родах (искусственно вызванных родах, которые проводятся в срок без медицинских показаний при зрелом плоде и подготовленной шейке матки в произвольно выбранное время, оптимальное для матери, плода, акушерского учреждения), а, следовательно, применять его в данном случае корректнее. Иные подходы не в полной мере соответствуют одной из основных задач уголовного закона – всемерной охране человека как высшей социальной ценности и цели общества, необоснованно отдаляя начало правовой охраны жизни либо создавая сложности в своем практическом применении.

В этой связи полагаем, что границей между незаконным производством аборта и убийством выступает момент начала родовой деятельности у матери после достижения плодом жизнеспособности. Любое лицо (в том числе и мать ребенка), производящее после наступления этого момента какое-

либо посягательство на жизнь способного к внеутробной жизни младенца, совершает убийство. В ситуации, когда в результате незаконного аборта рождается живой недоношенный ребенок, действия, направленные на его умерщвление, следует квалифицировать как совокупность криминального аборта и убийства.

Если же женщина сама совершает действия, направленные на прерывание беременности (самоаборт), и умерщвляет родившегося в их результате жизнеспособного ребенка, она несет ответственность только за убийство, ответственность за незаконное производство аборта исключается.

С целью устранения неоднозначного определения начала и окончания охраны жизни целесообразно включение в УК примечания к ст. 139:

“Примечание. Уголовно-правовая охрана жизни человека начинается одновременно с родовой деятельностью после достижения плодом жизнеспособности и заканчивается после констатации биологической смерти (смерти мозга)”.

¹ См.: Мендельсон Г. А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву в свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов». М., 1957. С. 16.

² См.: Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Мн., 1973. С. 85.

³ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 418.

⁴ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Бабя, И.О. Грунтова. Мн., 2002. С. 114.

⁵ См.: Горелик И. И. Указ. пр. С. 82.

⁶ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Бабя, И.О. Грунтова. Мн., 2002. С. 114.

⁷ См.: Hogan B., Smith G. S. Criminal Law. 5-th edition. London, 1983. P. 274–275.

⁸ См.: Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 22–23.

⁹ Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 32.

¹⁰ См.: Лаврентьева Т. А. Ответственность за незаконное производство аборта по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1974. С. 68.

¹¹ См.: Уилки Дж., Уилки Б. Аборт: Вопросы и ответы. М., 1994. С. 27–28.

¹² Малейна М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 50–59.

¹³ См.: Попов А. Н. Указ. пр. С. 13–14.

¹⁴ См.: Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий). Мн., 2001. С. 108.

¹⁵ См.: Дуда Вл. И., Дуда В. И., Дуда И. В. Гинекология. Мн., 2002. С. 539.

¹⁶ См.: Кондрашева Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 12–13.

Поступила в редакцию 12.11.2003.

Андрей Викторович Ковальчук – аспирант кафедры уголовного права. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент В.В. Тимощенко.

ВСЕРОССИЙСКИЕ СЛАВЯНОВЕДЧЕСКИЕ ФОРУМЫ

В МГУ им. М.В. Ломоносова 22 октября 2003 г. прошло I Всероссийское совещание историков-славистов классических университетских кафедр, на котором были представлены свыше 20 университетов. В работе форума также приняли участие специально приглашенные с полноправным статусом участники заведующие кафедрами Белорусского государственного, Киевского и Львовского национальных университетов. На совещании были обсуждены проблемы преподавания и изучения истории южных и западных славян, принят ряд важных решений. 1. Выработаны рекомендации по подготовке 2-го дополненного издания вузовского учебника (Т. 2: Новейшее время. М.: Изд-во МГУ, 1998) – обобщить итоги базисной трансформации славянских обществ с начала 1990-х гг., довести событийную канву до сегодняшнего дня, расширить и конкретизировать разделы по истории культуры. 2. Решено издать курс лекций по истории южных и западных славян на основе проблемного принципа. 3. Начата подготовительная работа по переизданию на новой источниковедческой основе вузовской хрестоматии (Т. 3: Новейшая история. Мн.: Университетское, 1991). 4. Решено возродить практику всероссийских конференций историков-славистов в широком формате традиционных всесоюзных форумов, два из которых (в 1968 и 1988 гг.) проходили на базе исторического факультета БГУ. 5. Оргкомитет совещания (председатель – заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ профессор Г.Ф. Матвеев) преобразован в постоянный координационный центр.

Вновь созданный Научный совет по славяноведению Отделения историко-филологических наук РАН (призван координировать славистические исследования между вузовскими и академическими центрами, историками и филологами) созвал 23–24 октября 2003 г. Первое Всероссийское совещание «Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития». В оргкомитет вошли видные ученые – директор Института славяноведения В.К. Волков, академики РАН Г.Г. Литаврин, В.П. Топоров, члены-корреспонденты Б.Н. Флоря, А.М. Молдован, доктора наук Г.Ф. Матвеев, А.Л. Шемякин и др. Особый интерес вызвали пленарные доклады В.К. Волкова «Место славяноведения в системе гуманитарных знаний», Г.Ф. Матвеева «Историческая славистика в российских вузах и задачи ее совершенствования».

Работа была организована в пяти секциях: «Славянские народы в современном мире»; «История славянских народов»; «История славянских литератур»; «Славянское языкознание»; «Культура и фольклор славянских народов». По итогам работы совещание выработало рекомендации. 1. Развитие славянских исследований и преподавание славистических дисциплин соответствуют долговременным стратегическим интересам России и должны входить в сферу приоритетных задач российской гуманитарной науки. 2. В современной геополитической обстановке необходима активизация исследований в области украинистики и белорусистики, для чего следует разработать специальную научную программу в рамках Научного совета по славяноведению. 3. Обратиться в Правительство, Госдуму и Министерство образования РФ с предложением о включении систематических курсов по истории, культуре, истории литературы и языкам славянских народов в список рекомендуемых дисциплин в российских университетах, а также о придании статуса иностранного языка инославянским языкам и введении их в госстандарт. 4. Добиваться возобновления славистических научных и образовательных программ под эгидой ЮНЕСКО (в частности, программы изучения и распространения славянских культур – МАИРСК). 5. Добиваться планового взаимодействия вузов России и РАН в области подготовки и трудоустройства научных славистических кадров, издать различные учебные пособия для преподавания славистических дисциплин в России, воссоздать «Славянский кабинет» ИНИОН РАН, библиотеку Института славяноведения, способствовать комплектованию библиотек РФ новейшими изданиями из славянских стран. 6. С периодичностью в пять лет проводить всероссийские славистические конференции, регулярно – отраслевые научные конференции. 7. Наладить обмен информацией о проводимых конференциях, изданных трудах, их систематическое рецензирование в журнале «Славяноведение», «Славянском альманахе», «Славянском вестнике».

Два всероссийских славяноведческих форума задали алгоритм развития этого научного направления на ближайшие годы, создали дополнительные возможности для белорусского академического и вузовского славяноведения, расширения его международного сотрудничества

А.П. Сальков,
заведующий кафедрой истории южных и западных славян

Нашы юбіляры

РЭМ ИОСИФОВИЧ ВОДЕЙКО

Исполнилось 75 лет профессору кафедры психологии Белорусского государственного университета Рэму Иосифовичу Водейко.

Научный путь Р.И. Водейко начался в НИИ педагогики, куда он пришел после окончания факультета логики, психологии и русского языка БГУ. Жизнедеятельность Р.И. Водейко является примером бескорыстного служения идее, людям. В 1962 г. Министерством просвещения БССР он был направлен на Кубу в Институт русского языка им. М. Горького, где за короткий срок создал кабинет русского языка, лингафонный кабинет, класс учебных факультетов, политический кабинет в посольстве на Кубе. С 1964 г. работал старшим преподавателем, затем доцентом кафедры педагогики и психологии БГУ. В 1968 г. под руководством академика Б.Г. Ананьева защитил кандидатскую диссертацию «Ранние этапы онтогенеза речи», в которой экспериментально изучил механизмы речевого развития ребенка. Результаты

этих исследований являются значительным научным вкладом в сложнейшую проблему психологии развития.

С 1976 г. Рэм Иосифович руководил кафедрой психологии, одним из создателей которой он является. Инициатива, энтузиазм потребовались от него при организации экспериментальной базы и психологической лаборатории кафедры, на базе которой сегодня осуществляется подготовка психологов БГУ.

Большие организаторские способности проявил Р.И. Водейко при создании общества психологов БССР, в котором он работал ученым секретарем, был членом президиума. Много внимания уделяет Рэм Иосифович изданию литературы по психологии. Будучи членом редколлегии журналов «Вестник БГУ», «Психология», занимаясь редактированием монографий, сборников, он проявил себя как великолепный логик, вдумчивый, строгий научный редактор.

Неутомимый пропагандист психологических знаний, он много выступает с докладами и лекциями не только на съездах и конференциях психологов, но и перед преподавателями вузов и техникумов, учителями школ, аспирантами. Его лекции вызывают большой интерес у слушателей.

Тематика научных исследований Р.И. Водейко разнообразна: общая, возрастная, социальная, медицинская психология, психология развития. Много внимания ученый уделяет истории развития психологии в БГУ и в Беларуси. Он опубликовал свыше 100 научных работ по разным отраслям психологических знаний.

Большая эрудиция, оптимизм, чувство юмора и легкость в общении привлекают к нему людей самого разного круга и особенно студенческую молодежь. Психологическую лабораторию (психологический кружок) посещали студенты философского, химического, физического и других факультетов. Под его руководством были подготовлены и защищены восемь кандидатских диссертаций. Его ученик В.А. Янчук защитил докторскую диссертацию. Как научный руководитель Рэм Иосифович отличается способностью чутко улавливать новые направления в науке, вдумчивостью, принципиальностью, требовательностью к себе и другим, оставаясь при этом внимательным, доброжелательным и доверительным в отношении к людям. Будучи творческой личностью, он любит поэзию и сам пишет стихи.

Личностные и деловые качества Рэма Иосифовича помогли ему создать на кафедре психологии атмосферу творчества, вдохновения, поддержки, взаимовнимания и взаимопонимания, которые так необходимы для самореализации сотрудников кафедры.

Коллектив кафедры психологии, ученые, редакционная коллегия третьей серии журнала «Вестник БГУ» сердечно поздравляют Рэма Иосифовича с юбилеем, желают ему творческого долголетия, стойкости духа, неиссякаемого жизненного оптимизма, здоровья и благополучия.